

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Мировое развитие. Выпуск 25

**Регионы и пространства: где начинаются
и где заканчиваются границы**

Москва
ИМЭМО РАН
2025

УДК 327:339(100)
ББК 66.4:65.5(0)
Р32

Рекомендовано к опубликованию
НИС Ученого совета ИМЭМО РАН

Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова

Рецензенты:

Е.В. Шумицкая, кандидат политических наук, старший научный
сотрудник ИМЭМО РАН

А.П. Соколов, кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник МГИМО МИД России

Редакционный совет продолжающегося издания «Мировое развитие»:

Ф.Г. Войтоловский, Н.И. Иванова, И.С. Королев, Н.А. Косолапов,
А.В. Ломанов, Э.Г. Соловьев

Редакционная коллегия выпуска:

А.А. Давыдов, М.В. Хорольская

Р32

Регионы и пространства: где начинаются и где заканчиваются границы. Выпуск 25 / под ред.
А.А. Давыдова, М.В. Хорольской. – Москва : ИМЭМО РАН, 2025. - 128 с.
ISBN 978-5-9535-0644-1
DOI 10.20542/978-5-9535-0644-1

Очередной выпуск продолжающегося издания «Мировое развитие» подготовлен на основе материалов одноименной конференции, организованной Советом молодых ученых ИМЭМО РАН 20-21 апреля 2023 г. В сборнике рассматриваются вопросы теоретического обоснования понятия «пространство» как категории социогуманитарных наук. Демонстрируется, как конструируются и реконструируются границы отдельных регионов мира. Сборник разделен на тематические блоки, выделенные по географическому и проблемному признакам. Первый раздел представляет исследования проблем, существующих на европейском пространстве. Второй раздел посвящен дискуссиям о терминологических коллизиях и политике государств в отношении двух противостоящих концептов: Азиатско-Тихоокеанского региона и Индо-Тихоокеанского региона. Третий включает анализ разнообразных примеров регионального конструирования пространств и конфликтов по вопросам границ. В четвертом разделе внимание уделено особенностям функционирования и регулирования новых пространств международного политического взаимодействия: воздушно-космическому и киберпространству. Выпуск посвящен памяти кандидата политических наук, старшего научного сотрудника, сопредседателя Совета молодых ученых ИМЭМО РАН Алексея Андреевича Давыдова (1993–2025).

УДК 327:339(100)
ББК 66.4:65.5(0)

Regions and Spaces: How We Define Them in International Studies. World development. Issue 25 / ed.
by A.A. Davydov, M.V. Khorolskaya.

The current issue of the ongoing IMEMO series «Global Development» is based on materials from the International Conference organized by the Council of Young Scientists at IMEMO on April 20-21, 2023. The editors and authors analyze «space» as a theoretical concept and explore how several regions were constructed and how borders were defined and redefined. The monograph consists of four sections organized by geography and thematic focus. The first section addresses issues related to European space. The second examines the confrontation and convergence between two concepts—the Asia-Pacific region and the Indo-Pacific region—as well as the policies of several states toward them. The third section presents cases of spatial construction and deconstruction, including border conflicts. The fourth is devoted to relatively new spaces of political interaction: air and outer space, as well as cyberspace. This issue is dedicated to the memory of our friend and colleague, Alexey Andreevich Davydov (1993-2025) – Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, and Co-Chairman of the Council of Young Scientists at IMEMO.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0644-1

© ИМЭМО РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАЗЛ: НОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА ВНУТРИ СТАРОГО СВЕТА	6
«ПРОБУЖДЕНИЕ СИЛЫ» В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ ЕВРОПЫ: ПРИМЕР РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ (Туров Н.Л.)	6
ВНУТРЕННЯЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА (Пономарева Ю.В.)	15
ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ VS АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН	25
АНАЛИЗ ПРИЧИН ИЗМЕНЕНИЯ НАЗВАНИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА НА ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН (Чжан Чэньи).....	25
ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА: СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ (Китаев И.В.)	34
АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ПОЛЯРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ (Николаев Н.А.).....	42
МНОГОСОСТАВНЫЕ ОБЩЕСТВА, КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВ И КОНФЛИКТЫ ВОКРУГ ГРАНИЦ	58
THE DURAND LINE AFTER 2021: CONSTRUCTED BOUNDARIES, SECURITY PRACTICES, AND CROSS-BORDER GOVERNANCE (Muhammad Taimur Khan)	58
ГРАНИЦЫ И ЭКСПАНСИЯ ДЖИХАДА: КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПРОПАГАНДЕ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА (Сулейменов А.Р.).....	66
ВЕЛИКАЯ СИРИЯ: ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ (Amie Basem).....	75
УРЕГУЛИРОВАНИЕ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТКОНФЛИКТНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (Растольцев С.В.).....	84
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ МНОГОСОСТАВНЫХ ОБЩЕСТВ (Косников А.А.).....	95
НОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА И НЕВИДИМЫЕ ГРАНИЦЫ	108
НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ ГРАНИЦЫ И НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ДЕЛИМИТАЦИИ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В XXI ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ (Котова Ю.А.)	108
КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК НОВАЯ СРЕДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ (Чирко А.А.)	119

Хорольская Мария Витальевна

ВВЕДЕНИЕ

Выпуск посвящен памяти нашего друга и коллеги, кандидата политических наук, старшего научного сотрудника, сопредседателя Совета молодых ученых ИМЭМО РАН Алексея Андреевича Давыдова.

Сборник «Регионы и пространства: где начинаются и где заканчиваются границы» издан по итогам одноименной конференции, организованной Советом молодых ученых ИМЭМО РАН и прошедшей 20-21 апреля 2023 г. Авторы и составители сборника предлагают рассмотреть теоретические проблемы вокруг понятия пространства как категории социогуманитарных наук, а также обратиться к избранным примерам того, как конструируются и реконструируются границы отдельных регионов.

При подготовке конференции и сборника мы исходили из ряда положений. Во-первых, пространство в данном случае не является синонимом территории, не предполагает обязательной привязки к географии [Прохоренко, с.7]. В своих работах исследователи обращаются к политическому, экономическому, социальному пространствам. Во-вторых, границы регионов рассматриваются как меняющийся во времени конструкт. Соответственно, задача исследователя заключается в выявлении предпосылок для их формирования и трансформации. В-третьих, в центре внимания – не только проблемы определения границ, но и их влияния на самоопределение и самовосприятие политических акторов. В-четвертых, пространства не являются монолитными феноменами – в фокусе исследователей также находятся подпространства, субрегионы и их иерархия. В-пятых, составители сборника не ограничивали авторов в их подходах к изучению и интерпретации пространств, полагая, что методологическое разнообразие будет читателям полезным и интересным.

Материалы сборника сгруппированы в тематические разделы, выделенные по географическому и проблемному признакам. Первый раздел посвящен пространству Европы. Исследователи выявляют формирование новых пространств в Старом свете и изменение иерархии существующих. Так, с помощью кросс-культурного подхода анализируется устойчивость такого феномена, как Вышеградская группа. В исследовании, посвященном электоральному ландшафту Европы, анализируется динамика внутривнутриполитического пространства ЕС – усиление роли регионов и региональных партий, которые представляют их интересы.

Во втором разделе внимание исследователей сфокусировано на противостоянии концепций Индо-Тихоокеанского и Азиатско-Тихоокеанского регионов. Авторы анализируют, какие смыслы различные страны вкладывают в эти конструкты. Освещается также «подвижная» мозаика субрегионов внутри и за пределами АТР/ИТР; рассматриваются проблемы арктической политики Китая.

Третий раздел посвящен многосоставным обществам, конструированию пространств, а также конфликтам по вопросам границ. Так, в главе о так называемой «линии Дюранда» показано, как сконструированная в конце XIX века граница продолжает и сегодня влиять на отношения Афганистана и Пакистана. Авторы анализируют нациостроительство в прошлом и настоящем. В частности, в статье о

«Великой Сирии» вскрываются идеологические основания сирийского национализма. В исследовании пропагандистских ориентиров радикального исламизма внимание сосредоточено на попытках международной террористической организации «Исламское государство»¹ сконструировать пространство халифата. Раздел завершается методологическими размышлениями о возможностях пространственного подхода в изучении многосоставных обществ.

В четвертом разделе рассказывается об относительно новых пространствах политического взаимодействия: воздушно-космическом и киберпространстве. В центре внимания – их влияние на международную политику, экономику и безопасность.

Издание предназначается для исследователей, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся актуальными тенденциями развития мировой экономики, политики и международных отношений.

Список литературы

Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 111 с.

References

Prohorenko, I.L. (2015) Prostranstvennyj podhod v issledovanii mezhdunarodnyh otnoshenij [Spatial Approach in International Relations Studies]. M., IMEMO RAN: 111 p. (In Russian).

¹ «Исламское государство», или «Исламское государство в Ираке и Леванте», (ИГ/ИГИЛ) – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации (далее везде).

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАЗЛ: НОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА ВНУТРИ СТАРОГО СВЕТА

Туров Никита Леонидович

«ПРОБУЖДЕНИЕ СИЛЫ» В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ ЕВРОПЫ: ПРИМЕР РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ

Аннотация: Результаты выборов в последнее десятилетие демонстрируют, что среди населения европейских стран растет запрос на альтернативу системным общенациональным партиям. Наряду с популистами, евроскептиками и зелеными движениями широкую общественную поддержку получают местные и региональные партии. Одновременно происходит «перенос власти» с национального на региональный уровень. Так, современные регионы Европы перенимают некоторые специфические функции государства. Данное исследование направлено на то, чтобы проанализировать причины роста популярности местных и региональных партий в электоральном ландшафте Европы. В исследовании автор обращается к опыту Литвы, где региональные движения добились существенных электоральных успехов. Начиная с избирательной кампании 2015 г. в муниципальных выборах могут принимать участие региональные движения особого вида – общественные избирательные комитеты (ОИК). За две избирательные кампании лишь в 11 муниципалитетах местные жители не воспользовались возможностью создать ОИК. Были проанализированы ключевые позиции, декларируемые в предвыборных программах 113 ОИК на муниципальных выборах в 2015 и 2019 гг. Несмотря на то, что большинство вопросов предвыборных программ ОИК коррелируют с общелитовской повесткой, у них есть и специфические особенности. Акцент сделан на вопросах оптимизации муниципального управления, вовлечении граждан в местное самоуправление, развитии малого и среднего бизнеса, а также благоустройства территории. Опыт Литвы демонстрирует, что, с одной стороны, поддержка локальных политических движений в Европе возрастает за счет электората общенациональных партий, с другой, – они скованы институциональными ограничениями, что снижает их возможности по разрешению местных проблем.

Ключевые слова: регионализм, локализм, местное сообщество, региональные партии, регионалистские требования, отношения центр – регионы, электоральный ландшафт, Европа, Литва

Автор: Туров Никита Леонидович, научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), nikitaturov@yandex.ru

Nikita Turov

«THE FORCE AWAKENS» IN EUROPE'S ELECTORAL LANDSCAPE: THE EXAMPLE OF REGIONAL PARTIES

Abstract: Election results over the last decade show that there is a growing demand among European populations for an alternative to national parties. Along with populist, «Eurosceptic», and green movements, regional parties are receiving broad public support. At the same time, there is a «transfer of power» from national to regional authorities. Thus, the modern regions of Europe are assuming specific functions of the state. This study aims to conceptualize the reasons for the rise in popularity of local and regional parties in the European electoral landscape. In the study, the author refers to the recent experience of Lithuania, where regional movements have achieved significant electoral success. Since the 2015 election campaign, a special type of regional movement has been permitted to participate in municipal elections: public electoral committees (PECs). In two electoral campaigns, local residents in only 11 municipalities failed to take advantage of the opportunity to establish a PEC. Although most of the issues addressed in the electoral programs of PECs align with the national Lithuanian agenda, they also have distinctive features. Greater emphasis is placed on optimizing municipal governance, enhancing citizen participation in local self-government, supporting the development of small and medium-sized enterprises, and improving local infrastructure. The Lithuanian case demonstrates that, on the one hand, support for local political movements in Europe is growing at the expense of national parties' electorates. On the other hand, these movements face institutional constraints that limit their capacity to address local challenges.

Key words: regionalism, localism, local community, regional parties, regionalist claims, 'center – region' relations, electoral landscape, Europe, Lithuania

Author: Turov Nikita, Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION), nikitaturov@yandex.ru

Начиная с 1970-х гг. в Западной Европе начинается новый политический период, связанный с большей открытостью национальных границ для инвестиций, торговли и иммиграции. Это создало предпосылки для политической и культурной гомогенизации и как следствие наднациональной политической унификации, что вызвало значительное сопротивление общественности на местном и региональном уровне [Agnew; Taylor; Streeck]. В XXI в. можно наблюдать своеобразный «перенос власти» с национального на региональный уровень как ответ на усиление глобализации и интеграционных процессов, увеличение числа этнорегиональных конфликтов в мире и даже появление целого ряда успешных примеров новых стран, образованных в результате сецессии. Современные регионы Европы перенимают некоторые специфические функции государства, такие как самостоятельное решение бюджетных вопросов, установление режима ввоза-вывоза товаров, самостоятельность в развитии внешних связей, рестрикция в период пандемии COVID-19 и т.д. [Зонова; Симон; Сулимов, 2022].

В общественном сознании стран ЕС укореняется разочарование в традиционных политических партиях и управленческих структурах на муниципальном уровне, что создает представление об утрате возможности влиять на политику [Чернега; Reiser, Holtmann]. Подобные трансформации общественного мнения приводят к поиску новых сил, которые предлагают альтернативное решение каждодневных вопросов, остающиеся без системных решений.

Одним из последствий тектонических сдвигов в обществе стали подвижки в электоральном ландшафте, который в данном исследовании в соответствии с классическим подходом Н.В. Петрова и А.С. Титкова [Титков, Петров] понимается как

«целостная, устойчивая во времени и пространстве система закономерно взаимосвязанных элементов электорального поведения». Он становится более фрагментированным: традиционные партии теряют поддержку, тогда как большую популярность приобрели новые силы – малые и антисистемные партии. Наряду с популистами, евроскептиками и зелеными движениями широкую общественную поддержку получают местные и региональные партии. Эти силы выступают носителями новых политических установок, которые не затрагиваются традиционными партиями. Под региональной партией (РП) в исследовании мы будем понимать самостоятельные политические образования, опирающиеся в своей деятельности на специфику региона, его индивидуальность, черпающие в этом свою легитимность при электоральной поддержке местного населения [Strmiska].

Традиционные партийные семьи часто находятся в фокусе внимания исследователей, тогда как изучение местных и региональных сил осталось на периферии. Данная работа направлена на то, чтобы концептуализировать причины роста популярности местных и региональных партий в электоральном ландшафте Европы.

МЕСТНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИИ: ПРИЧИНЫ УСПЕХА

В последние несколько десятилетий региональные партии пользуются все большей поддержкой. Они присутствуют на разных уровнях правительства практически в каждой стране современной Европы. Их идеология основывается на продвижении территориальных интересов.

Спектр требований региональных акторов крайне широк. Их можно ранжировать по степени увеличения полномочий от самых мягких форм автономии до независимости. Сецессионизм — верхняя часть непрерывного вектора дезинтеграции — является высшей стадией развития центробежных тенденций. Низшая стадия этого процесса — регионализм. Наиболее заметное различие между стадиями — (не)нарушение территориальной целостности государства. Стремление к отделению создает наибольшие противоречия между государством и региональным сообществом. Регионалистские акторы обычно добиваются обретения регионом субъектности [Панов], поэтому выдвигают требование о федерализации (разделение компетенций на согласованной основе с центральными властями) или создания региональной автономии (наделение статусом ограниченной автономии каких-либо специфических районов).

Зарождающиеся движения обычно выдвигают следующие требования: сохранение этнокультурной самобытности населения периферийного района, выдвижение региональных требований в разряд важных для деятельности всей политической системы государства (требования увеличения самоуправления или оставления больших финансов на местах), признание уникального характера данного района и его населения и пр. [Сулимов, 2017]. Наиболее частыми требованиями остаются независимость и увеличение самоуправления, они указаны в 32 % и 19 % программ партий соответственно [Elias].

Предыдущие волны подъема региональных и местных партий прежде всего были связаны с этнической мобилизацией. Однако сейчас новые региональные и местные игроки нередко появляются и на территориях, не обладающих этнокультурной самобытностью. Подобные партии новой волны, в первую очередь, продвигают экономические интересы жителей региона, а их электоратом выступают не

меньшинства, а проигравший от неолиберальной модели развития экономики средний класс.

К возможным причинам роста поддержки региональных партий на современном этапе можно отнести следующие.

1. Рост недоверия к существующей партийно-политической системе. В данном случае местные и региональные партии становятся одним из каналов для выражения протеста истеблишменту и сложившемуся статус-кво. Исследователи часто справедливо рассматривают голосование за региональные партии как протестное по отношению к устоявшимся национальным системным политическим партиям [Otjes]. Региональные партии во многом опираются на группу избирателей, критически настроенную по отношению к старой, устоявшейся местной элите, обычно опиравшейся на общенациональные партии [Lundåsen, Erlingsson]. Увеличение поддержки местных сил возникает вследствие того, что определенные регионы в государстве имеют уникальные интересы и проблемы, которые не могут быть решены или не решаются должным образом существующими национальными партиями. Поэтому в ходе избирательных кампаний РП часто используют лозунги: «Как существующие общенациональные партии могут решать насущные местные проблемы?»;

2. Появление особых потребностей местного сообщества. Часто подобные политические движения возникают в ходе протестов против строительства экологически опасного предприятия, сноса исторического здания, за сохранение местной больницы и т. п. Они становятся источником консолидации местного электората для непартийных и неидеологизированных списков [Aars, Ringkjøb; Åberg, Ahlberger]. К примеру, «Действие по спасению больницы Святого Иоанна» и «Сохранение больниц скорой помощи» призывают решить проблемы местных больниц в шотландском Лотиане и шведском Йенчепинге, соответственно.

3. Недостаточное внимание общенациональных партий избирательным кампаниям в небольших муниципалитетах или их отказ от участия в местных выборах. Для традиционных партий выгоднее контролировать именно крупные города, доминирование в которых повышает престиж партии, снижает издержки на сбор голосов и рекрутинг активистов [Vampra]. Кроме того, в небольшом муниципалитете с более гомогенным сообществом и с развитыми локальными коммуникационными сетями, где все друг друга знают, проще сформировать местное политическое движение.

Описанные факторы влияют на популярность локальных движений, а также создают региональные различия успешности исследуемого явления и на более высоком иерархическом уровне. В Восточной Европе доверие избирателей к институту политических партий ниже, чем в Западной, а партийные системы неустойчивы вследствие их молодости [Kukovic, Nasek]. Это обуславливает повышенную популярность беспартийных списков в ряде восточноевропейских государств. Однако в последнее время рост их поддержки в Западной Европе постепенно снижает макрорегиональные различия [Reiser, Holtmann].

Наиболее значительных успехов РП добились в тех странах Западной Европы, где регионализм становится политическим мейнстримом. Через Комитет регионов, Конференцию европейских регионов и городов (KERS), а также другие институты ЕС поощряет развитие региональной идентичности и расширяет межрегиональные связи [Холодковский]. Граждане охотнее доверяют решение локальных проблем региональным институтам власти, чем общегосударственным. В Западной Европе это

влечет дерадикализацию большинства старых региональных движений и высокую институционализацию их политической деятельности.

Увеличение полномочий регионов в постсоциалистических европейских странах происходит в начале XXI в. Расконсервация региональных идентичностей и доступ к выборам позволили местным сообществам претендовать на субъектность. Одно из постсоциалистических изменений — делегирование существенных полномочий субнациональным правительствам. В частности, в результате расширения ЕС в 2004 году новые государства-члены учредили выбираемые на основе всеобщего избирательного права региональные легислатуры. Другая особенность макрорегиона – популярность партий меньшинств, которые получают наибольшую поддержку в регионах их компактного проживания (этнические партии венгров в Словакии, Румынии, Сербии и Украине, партии турок в Болгарии и т. д.)

МЕСТНЫЕ ПАРТИИ В ЛИТВЕ

В то время как региональные партии в Западной Европе детально исследованы, автор обратился к изучению подобных движений в регионах, где отсутствует сильная региональная идентичность. Так, в Странах Балтии местные партии более половины регионов субнационального уровня получают поддержку, превышающую поддержку региональных партий в традиционных ареалах регионализма.

В исследовании автор обращается к недавнему опыту Литвы, где региональные движения добились существенных электоральных успехов. Начиная с избирательной кампании 2015 г. в муниципальных выборах могут принимать участие общественные избирательные комитеты (ОИК). В соответствии с литовским законодательством, учредителями ОИК становятся жители только того муниципального образования, в котором он регистрируется. Комитет прекращает свое существование с окончанием избирательной кампании. Таким образом, важная особенность феномена ОИК – короткий жизненный цикл, что принципиально отличает их от постоянно действующих политических партий. Уже на первых муниципальных выборах в 2015 году ОИК удалось совокупно набрать 10,7% голосов избирателей и получить 114 мандатов из 1416. Через четыре года, на выборах 2019-го ОИК совокупно получили 27,8% голосов избирателей и 305 мандатов из 14421. Это больше, чем у любой общенациональной партии [Зиновьев, Туров, Чернецкий].

Для данного исследования были проанализированы ключевые позиции, декларируемые в предвыборных программах 113 ОИК на муниципальных выборах в 2015 и 2019 гг. Несмотря на общую «локальность» и тематическую близость, их программы серьезно диверсифицированы – комитеты могут находиться на разных полюсах политического спектра. Однако, большинство ОИК стараются подчеркнуть свое внепартийное происхождение (отсутствие идеологической аффилиации с общенациональными партиями), делают акцент на развитии местных сообществ и вовлечении граждан в местное самоуправление. При этом программы редко отсылают к политическим конфликтам, что характерно для небольших сообществ [Saiz, Geser].

Наиболее упоминаемые в предвыборных программах ОИК проблемы, которые они обязуются решить в случае прихода к власти, близки общелитовской повестке: развитие систем образования и здравоохранения, решение острых социальных

проблем и поддержка социально уязвимых слоев населения. Однако в программах есть и специфические особенности подобных политических движений. Прежде всего, они имеют «адресность», т.е. в программах подчеркиваются названия муниципалитетов, населенных пунктов и отдельных объектов. В отличие от общенациональных партий, которые часто используют универсальные программы для всех территорий, ОИК более широко конкретизируют локальные проблемы. Большой акцент сделан на вопросах оптимизации муниципального управления, среди которых преобладают требования увеличения прозрачности и расширения полномочий органов местного самоуправления. Повышенное внимание уделяется и поддержке малого и среднего бизнеса как основных налогоплательщиков в муниципальный бюджет. Большой акцент ставится и на вопросы благоустройства территории, в том числе упор делается на сугубо локальных инфраструктурных проектах [Зиновьев, Туров, Чернецкий].

ОИК как новый институт в избирательном процессе на муниципальном уровне постепенно обретает популярность в Литве. За две избирательные кампании лишь в 11 муниципалитетах местные жители не воспользовались возможностью создать комитет.

Опыт Литвы продемонстрировал, что с одной стороны поддержка локальных политических движений в Европе возрастает и происходит это за счет электората общенациональных партий. С другой стороны, они, в отличие от партий, скованы институциональными ограничениями (короткий жизненный цикл, отсутствие выхода на высшие уровни принятия решений), что снижает возможности по разрешению местных проблем. Таким образом, в конкуренции разномасштабных политических агентов, имеющих к тому же противоположенные тренды электоральной поддержки, проявляется новый для политической динамики современной Европы конфликт.

Наблюдаемая по всему миру политическая неудовлетворенность системными партиями выражается на местном уровне в поддержке локальных электоральных альтернатив, не представленных на национальных выборах. Наиболее динамичен в данном отношении электоральный ландшафт Европы. Не ограниченные идеологией общенациональных политических партий местные политические силы могут лучше представлять особые потребности локального сообщества. Они мобилизуют избирателей, развивая идеологию локализма, понимаемую как поддержку интересов своего сообщества и увеличение степени автономии на локальном уровне.

Политика национального правительства на региональном уровне администрируется местными органами власти. Но локальные интересы и взгляды также влияют на местную политику, особенно на территориях с сильными сообществами. Это может привести к росту напряженности между центром и периферией, что, в свою очередь, может сопровождаться попытками ограничить самостоятельность местных органов власти.

РП находятся на стадии подъема: они охватывают около 40% площади ЕС и их рост «вширь» (появляются на новых территориях) и «вглубь» (рост поддержки) продолжается. Современные региональные партии диверсифицируют программы, выходящие далеко за пределы интересов определенной социокультурной группы, на парламентских выборах нередко заключают союзы с общенациональными партиями. Успех региональных партий побуждает общенациональные уделять больше внимание местным вопросам и иногда выступать на региональных выборах под местным брендом. Реализация требований о предоставлении регионам большей автономии не

оказывает существенного влияния на стратегию РП, которые требуют все более широких полномочий.

Список источников и литературы

Зиновьев А.С., Туров Н.Л. Чернецкий Ф. М. Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы // Политическая наука. 2022. № 4. С. 240—261. DOI: 10.31249/poln/2022.04.11

Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 155—164.

Панов П.В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. № 1. С. 102—115. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115

Симон М.Е. Трансформация национальных государств Европы под влиянием процессов регионализации // Мир Перемен. 2007. № 2. С. 98—112.

Сулимов К.А. Динамика субъектности этнических региональных автономий и поддержание баланса в межнациональных отношениях // Политическая наука. 2017. № 4. С. 206—225.

Сулимов К.А. Регионализм как драйвер активности европейских регионов в отношении с центром // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 38—54. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.04

Титков А.С., Петров Н.В. Электоральный ландшафт России и выборы в Государственную думу 2003 г.: пространственно-временной анализ электоральной динамики // Известия РАН. Серия географическая. 2004. № 3. С. 18—31.

Холодковский К.Г. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI в. // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 2. С. 27—37.

Чернега В.Н. «Угрозы демократии» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 146—169. DOI: 10.31249/ape/2023.01.07

Aars J., Ringkjøb H.E. Party politicisation reversed? Nonpartisan alternatives in Norwegian local politics // Scandinavian political studies. 2005. № 2. P. 161—181. DOI: 10.1111/j.0080-6757.2005.00126.x

Åberg M., Ahlberger C. Local candidate lists: historical artefacts or a novel phenomenon? A research note // Party politics. 2015. № 5. P. 813—820. DOI: 10.1177/1354068813499870

Agnew J. Globalization and Sovereignty: Beyond the Territorial Trap. 2nd edition. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 2018. 292 p.

Elias A., Basile L., Franco-Guillén N., Szöcsik E. The Framing Territorial Demands (FraTerr) dataset: A novel approach to conceptualizing and measuring regionalist actors' territorial strategies // Reg. Fed. Stud. 2023. № 3. P. 355—370. DOI: 10.1080/13597566.2021.1964481

Kukovic S., Hacek M. Non-partisan candidates and lists at Slovenian local elections, 1994–2010 // World political science. 2011. № 1. P. 350—375. DOI: 10.2202/1935-6226.1097

Lundåsen S, Erlingsson G. The local party voter: A localist anti-establishment voter? // Electoral Studies. 2023. DOI: 10.1016/j.electstud.2023.102592

Otjes S. Pushed by national politics or pulled by localism? Voting for independent local parties in the Netherlands // Local government studies. 2018. № 3. P. 305—328. DOI: 10.1080/03003930.2018.1427072

Reiser M., Holtmann E. Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008. 290 p. DOI: 10.1007/978-3-531-90923-3

Saiz M., Geser H. Local Parties in political and organizational perspective. New York: Routledge, 1999. 364 p.

Streeck W. Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism. 2nd edition. London: Verso, 2017. 288 p.

Strmiska M. Conceptualization and typology of European regional parties: a note on methodology // Central European Political Studies Review. 2003. № 5. P. 2—5.

Taylor P. The New Political Geography of Corporate Globalization // L'Espace politique. 2017. No 2. DOI: 10.4000/espacepolitique.4330

Globalization // L'Espace politique. 2017. № 2. DOI: 10.4000/espacepolitique.4330

Vampa D. Declining partisan representation at the sub-national level: assessing and explaining the strengthening of local lists in Italian municipalities (1995–2014) // Local government studies. 2016. № 4. P. 579—597. DOI: 10.1080/03003930.2016.1146137

References

Aars, J., Ringkjøb, H.E. (2005). Party politicisation reversed? Nonpartisan alternatives in Norwegian local politics, Scandinavian Political Studies, No 2: 161—181. DOI: 10.1111/j.0080-6757.2005.00126.x

Åberg, M., Ahlberger, C. (2015). Local candidate lists: historical artefacts or a novel phenomenon? A research note, Party Politics, No 5: 813—820. DOI: 10.1177/1354068813499870

Agnew, J. (2018). Globalization and Sovereignty: Beyond the Territorial Trap. 2nd edition. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 292 p.

Chernega, V.N. (2023). «Ugrozy demokratii» vo Frantsii [«Threats to democracy» in France], Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe], No 1: 146—169. DOI: 10.31249/ape/2023.01.07 (In Russian).

Elias, A., Basile, L., Franco-Guillén, N., Szöcsik, E. (2023). The Framing Territorial Demands (FraTerr) dataset: A novel approach to conceptualizing and measuring regionalist actors' territorial strategies, Regional & Federal Studies, No 3: 355—370. DOI: 10.1080/13597566.2021.1964481

Kholodkovskii, K.G. (2018). Osobennosti separatizma v Zapadnoi Evrope XXI v. [Separatism in Western Europe: A XXI Century Perspective], Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk [South-Russian Journal of Social Sciences], No 2: 27—37 (In Russian).

Kukovic, S., Hacek, M. (2010). Non-partisan candidates and lists at Slovenian local elections, 1994–2010, World Political Science, No 1: 350—375. DOI: 10.2202/1935-6226.1097

Lundåsen, S., Erlingsson, G. (2023). The local party voter: A localist anti-establishment voter?, Electoral Studies. DOI: 10.1016/j.electstud.2023.102592

Otjes, S. (2018). Pushed by national politics or pulled by localism? Voting for independent local parties in the Netherlands, Local Government Studies, No 3: 305—328. DOI: 10.1080/03003930.2018.1427072

Panov, P.V. (2020). Mnogolikii regionalizm [Many faces of regionalism], Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science], No 1: 102—115. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115 (In Russian).

Petrov, N.V., Titkov, A.S. (2004). Elektoral'nyi landshaft Rossii i vybory v Gosudarstvennyu dumu 2003 g.: prostranstvenno-vremennoi analiz elektoral'noi dinamiki

[The electoral landscape of Russia and the 2003 elections to the State Duma: time-space analysis of electoral dynamics], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, No 3: 18—31 (In Russian).

Reiser, M., Holtmann, E. (2008). *Farewell to the Party Model?: Independent Local Lists in East and West European Countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 290 p. DOI: 10.1007/978-3-531-90923-3

Saiz, M., Geser, H. (1999). *Local Parties in Political and Organizational Perspective*. New York: Routledge, 364 p.

Simon, M.E. (2008). Transformatsiya natsional'nykh gosudarstv Evropy pod vliyaniem protsessov regionalizatsii [Transformation of the nation-states of Europe under the influence of regionalization processes], *Mir Peremen [The World of Transformations]*, No 2: 98—112 (In Russian).

Streeck, W. (2017). *Buying Time: The Delayed Crisis of Democratic Capitalism*. 2nd edition. London: Verso, 288 p.

Strmiska, M. (2003). Conceptualization and typology of European regional parties: a note on methodology, *Central European Political Studies Review*, No 5: 2—5.

Sulimov, K.A. (2017). Dinamika sub'ektnosti etnicheskikh regional'nykh avtonomii i podderzhanie balansa v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh [The dynamics of ethnic regional autonomies' subjectness and the balance in interethnic relations], *Politicheskaya nauka [Political Science]*, No 4: 206—225 (In Russian).

Sulimov, K.A. (2022). Regionalizm kak draiver aktivnosti evropeiskikh regionov v otnoshenii s tsentrom [Regionalism as a driver of European regions' activity in their relations with national authorities], *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, No 6: 38—54. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.04 (In Russian).

Taylor, P. (2017). *The New Political Geography of Corporate Globalization*, *L'Espace politique*, No 2. DOI: 10.4000/espacepolitique.4330

Vampa, D. (2016). Declining partisan representation at the sub-national level: assessing and explaining the strengthening of local lists in Italian municipalities (1995–2014), *Local Government Studies*, No 4: 579—597. DOI: 10.1080/03003930.2016.1146137

Zinovyev, A.S., Turov, N.L., Chernetskii, F.M. (2022). Lokalizm v politicheskoi dinamike sovremennoi Evropy: keis Litvy [Localism in political dynamics of modern Europe: the case of Lithuania], *Politicheskaya nauka [Political Science]*, No 4: 240—261. DOI: 10.31249/poln/2022.04.11 (In Russian).

Zonova, T.V. (1999). Ot Evropy gosudarstv k Evrope regionov [From the Europe of States to a Europe of Regions], *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, No 5: 155—164 (In Russian).

Пономарева Юлия Вадимовна

ВНУТРЕННЯЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

Аннотация: В данной работе Вышеградская группа (ВГ) рассматривается как специфический субрегион, вследствие фундаментальных противоречий изначально не предрасположенный к интеграционным процессам. Для понимания особенностей ВГ как пространства производится анализ теоретической концепции субрегиона и его ключевых характеристик, способных влиять на взаимодействие стран внутри него. В качестве одного из основных факторов, демаркирующих невозможность интеграции ВГ, в данном исследовании предлагается культурный, который оказывает влияние на политическое и экономическое управление в национальном масштабе. При анализе роли культурного фактора Вышеградская группа была рассмотрена сквозь призму теории культурных измерений Г. Хофстеде по обновленной методологии опросов в 2016 г. В результате анализа были выявлены противоречия в культурных измерениях, непосредственно связанных со стратегическим планированием. Исходя из этого, делается вывод, что именно данные противоречия обуславливают дифференциацию моделей поведения акторов, что осложняет возможную коммуникацию в формате интеграционного объединения. В то же время на примере ВГ демонстрируется, что ситуативное сотрудничество в рамках субрегиона является возможным не только несмотря на, но и благодаря различиям в измерениях культуры. Текущая обстановка закладывает основы для дальнейшего ситуативного сотрудничества, однако основными акторами-инициаторами в таком случае должны выступить Польша и Венгрия. Согласно моделям национальных культурных измерений, Чехия и Словакия склонны выступать скорее с позиции коммуникаторов.

Ключевые слова: Вышеградская группа, субрегион, субрегионализм, теория культурных измерений, стратегическое планирование, ситуативное сотрудничество

Автор: Пономарева Юлия Вадимовна, ассистент, Южный федеральный университет (ЮФУ), yurina@sfedu.ru

Yulia Ponomareva

THE INTERNAL ENTITY OF THE VISEGRAD GROUP FROM A CROSS-CULTURAL APPROACH PERSPECTIVE

Abstract: This paper considers the Visegrad Group (V4) as a specific sub-region that was initially not predisposed for integration processes due to fundamental differences. In order to understand the peculiarities of the V4 as a space, the theoretical concept of the sub-region and its key characteristics influencing intra-regional interactions are analysed. This study proposes culture as the primary influencing factor. Not only does it influence political and economic governance at the national level, but it also demarcates the limitations of V4 integration. In analysing the role of the cultural factor, the Visegrad Group was examined

using G. Hofstede's theory of cultural dimensions (updated survey methodology, 2016). The analysis revealed contradictions in cultural dimensions that are directly related to strategic planning. As a result, it is concluded that these contradictions shape divergent behavioural patterns among actors, which further complicates communication within an integrative framework. At the same time, the example of the Eastern Partnership demonstrates that situational cooperation within the sub-region is possible not in spite of, but rather because of, cultural differences. The current context lays the groundwork for further ad hoc cooperation, with Poland and Hungary identified as potential primary initiators. According to models of national cultural dimensions, the Czech Republic and Slovakia tend to act more as facilitators of communication.

Key words: Visegrad Group, sub-region, sub-regionalism, cultural dimensions theory, strategic planning, ad hoc cooperation

Author: Ponomareva Yulia Vadimovna, Research assistant, Southern Federal University, yurina@sfedu.ru

Актуальные тенденции в развитии международных отношений способствуют формированию новых типов участников. Помимо национальных государств, всемирных организаций и неправительственных игроков особую роль приобретают субрегиональные объединения. Данный тип, несмотря на растущую важность как с практической внешнеполитической позиции, так и с точки зрения исследователей, представляет собой не до конца оформленный концепт. Тем не менее, позиционирование в мировой политической системе определенных акторов как субрегионов требует понимания рамок вышеупомянутого концепта и идентификации основного содержания термина.

Понятие субрегион в академической литературе не общепризнано; на данный момент продолжается дискуссия относительно правомерности выделения субрегиона в отдельное от региона категориальное поле и о ключевых характеристиках субрегиона. Для сторонников субрегионализма консенсусным, однако, является представление о субрегионе как о совокупности стран, входящих в более крупный регион [Hamanaka]. Иными словами, субрегион рассматривается как часть более сложного составного пространства. Тем не менее, критерии для выделения конкретных субрегиональных пространств не определены однозначно.

В качестве основных критериев определения статуса субрегиона в литературе формулируются следующие: совместное решение социальных проблем как основа формирования [Garai]; взаимозависимость интеграционных процессов региона и субрегиона (обратная либо пропорциональная) [Inotai], способность к кооперации против некой третьей силы («другого») [Tsardanidis].

Однако специфика субрегиональных организаций заключается в том числе в разнообразии и разнородности входящих в них акторов. Данная разнородность может определяться не только национальными интересами государств-членов и организации в целом или политической и экономической конкуренцией участников между собой, но и иными факторами, в том числе лежащими в плоскости, социального, конфессионального и общекультурного пространства. В рамках данного исследования акцент будет сделан на вопросе внутренней структуры субрегиона и внутри-субрегиональных конфликтах, оказывающих значительное влияние на политику входящих в него стран.

Примером субрегиона, стратегия которого представляет академический интерес, является Вышеградская группа. ВГ является неформальным объединением, статус которого остается неопределенным как в юридической (отсутствие легального оформления и формальных структур), так и в стратегической плоскости. Изначальной целью Вышеградской группы было достижение экономической кооперации с целью последующей интеграции в Европейский Союз (ЕС). Однако после вступления в Евросоюз в 2004 г. организация не ставила новых программных целей развития. Отсутствие дальнейшего развития формата после 2004 г. и запуска процесса интеграции ВГ позволяет поставить вопрос об ее неперспективности. С другой стороны, если принять во внимание неоформленность «четвёрки», разумнее говорить о Вышеградской группе не как об интеграционном объединении, а именно как о субрегионе, предполагающем пространство для ситуативного сотрудничества.

Появление Вышеградской группы в заданном формате происходит в рамках тенденции «нового регионализма» [Czyż, 44]. Данный формат отношений наиболее приемлем для группы в условиях соперничества за лидерство в регионе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и неготовности государств ВГ к уступкам в разрешении противоречий, урегулирование которых требует привлечения новых акторов.

Особый отпечаток на взаимодействие членов группы накладывает и нахождение Вышеградской группы внутри гораздо более институционально совершенного Европейского Союза. Необходимость реализации национальной стратегии не только с учетом национальных интересов, но и наднациональных политических принципов осложняет коммуникацию внутри ВГ. С развитием «поликризиса» в 2010-х гг. и усугублением ряда конфликтных трендов, внутри-субрегиональные противоречия Вышеградской группы перерастают в кросс-региональные. Наиболее ярким примером антитезы «брюссельскому мейнстриму» является сюжет с миграционным кризисом и отказом в 2015 г. от выполнения резолюции Еврокомиссии [Schmölz], что стало вызовом для европейской модели интеграции. В то же время конфликт в 2023 г. по поводу зернового эмбарго продемонстрировал, что «оппозиция мейнстриму» может осуществляться куда эффективнее на неформальных платформах взаимодействия Вышеграда.

Исходя из этого, формируется цель исследования – выявление культурных различий стран группы как одной из предпосылок ее специфического статуса. Тем самым, низкая степень внутренней формальной интеграции внутри Вышеградской группы, по нашему мнению, может объясняться наличием серьезных различий в культурных установках. В то же время данные различия не оказывают негативного влияния, а только способствуют успешности ее функционирования в формате субрегиона, в основе которого лежит разнородность членов.

Анализ данной разнородности может быть реализован с учетом теории кросс-культурных коммуникаций, основоположником которой является Г. Хофстеде. Данная теория, основанная на эмпирических исследованиях, демаркирует специфику национальных обществ по их ценностям и предпочитаемым стратегиям поведения. Наиболее актуальная теоретическая модель Хофстеде (2010 г.) выделяет шесть основных характеристик обществ: «дистанцированность власти», «индивидуализм/коллективизм», «маскулинность/феминность», «избегание неопределенности», «ориентация на длительный срок», «потакание/сдержанность» [Hofstede, Hofstede, Minkov]. Эмпирическая часть исследования Хофстеде, в рамках которой национальные общества демаркируются исходя из вышеупомянутых критериев, основана на результатах социологических опросов – в данном случае World

Values Survey 2016 [WVS Brochure]. Данное критериальное деление позволяет конструировать модель поведения актора, что используется для практического разрешения потенциальных конфликтов в сфере кросс-культурного менеджмента.

Несмотря на замеры показателей на уровне индивидов, при моделировании происходит обобщение, демонстрирующее наиболее частотную, а следовательно, ожидаемую и социально приемлемую стратегию поведения. Подобное обобщение наиболее актуально для обществ с низким уровнем критерия «indulgence» («допустимость» – допустимость свободного удовлетворения естественных человеческих желаний, связанных с получением удовольствий от жизни), каковыми в т.ч. являются национальные общества ВГ. В таком случае внутренняя гетерогенность нивелируется вследствие адаптации собственного поведения под социальные нормы. В результате формируется определенная система координат, влияющая на поведение не только обычных граждан, но и людей, непосредственно вовлеченных в процесс принятия решений на государственном уровне. Таким образом, сочетание психологического и социокультурного подходов формируют поле, благоприятное для построения базовых прогностических моделей взаимодействия национальных государств.

Прежде чем перейти к анализу моделей обществ стран ВГ, стоит остановиться на важности некоторых измерений в контексте их влияния на политическое поведение различных объединений. Если измерение «ориентация на длительный/короткий срок» вполне соотносится с трендами в политическом планировании, в том числе в рамках концептуализации интеграционных объединений то остальные характеристики требуют большего внимания.

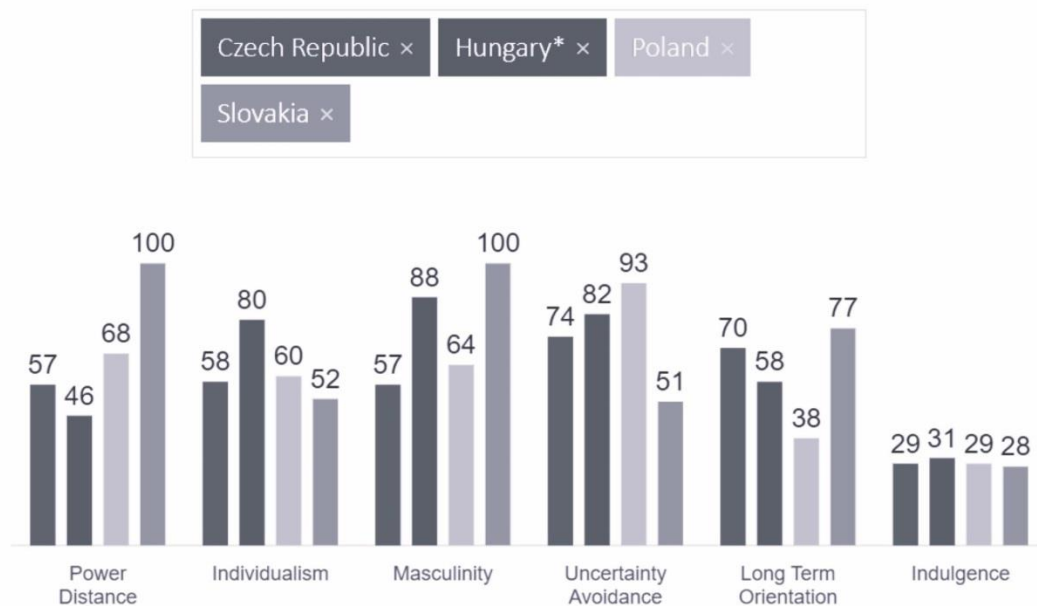
«Дистанцированность власти» как отражение иерархичности общества оказывает влияние на выстраивание институциональной структуры и соотношение национального и наднационального компонентов власти. «Феминность/маскулинность» и «индивидуализм/коллективизм» могут также использоваться как определенные предсказательные модули, которые демонстрируют потенциальный характер взаимодействия между участниками объединения (или внутри членов субрегиона в более неформальном выражении). Однако в данном случае, на наш взгляд, стоит сделать акцент на двух предыдущих измерениях, а также критериях «избегание неопределенности» и «потакание/сдержанность», которые влияют непосредственно на стратегические аспекты поведения актора, а не только на ситуативную реакцию и общие ценностные устремления.

В качестве основного метода исследования выбран кейс-анализ: на примере Вышеградской группы как проблемного субрегиона рассматривается важность фактора близости/различия культур, оказывающего значительное влияние в том числе и на вопросы политического управления. В основе дизайна исследования лежала необходимость отражения потенциала влияния культурных различий на противоречия внутри объединения. Это объясняет выбор сравнительного исследования в качестве структурной модели анализа. В качестве объекта исследования выступают страны, входящие в состав Вышеградской группы – Польша, Чехия, Венгрия, Словакия. Сам проблемный статус Вышеградской группы позволяет говорить о необходимости рассмотрения их в качестве отдельных акторов, существующих в общем субрегиональном пространстве. Данные страны географически являются соседями и имеют схожее историческое прошлое – период нахождения в соцлагере, «бархатные революции», сложный переход к демократии и рыночной экономике, а также дальнейшая интенсивная адаптация систем к интеграции в ЕС.

О научной актуальности темы свидетельствует то, что субрегиональная организация – это концепт, который, как уже было подчеркнуто, находится в процессе оформления в литературе. Диверсификация векторов анализа способствует пониманию ключевых характеристик «субрегиональной организации» и обогащению исследования субрегионализма. Субрегион и внутри-субрегиональные отношения рассматриваются преимущественно в экономическом измерении (реже - политическом), однако влияние кросс-культурных факторов на политическое поведение способно при доработке методологии стать одним из инструментов анализа поведения и стратегии акторов.

Однако методологической сложностью реализации данного исследования стала недоступность первичных опросов Хофстеде, проведенных среди жителей стран Вышеградской группы. В соответствии с этим основным источником выступил портал Hofstede Insights, разработанный Г. Хофстеде и содержащий обработку и графическую интерпретацию данных опросов. По итогам использования сервиса были получены следующие результаты (рис.1). В то же время интерпретация результатов требовала обращения к результатам национальных социологических опросов, проведенных вне исследования Г. Хофстеде, для подтверждения либо опровержения демонстрируемых тенденций.

Рис. 1. Гистограмма распределения основных индикаторов внутри ВГ по модели Г. Хофстеде

Источник: Hofstede Insights. URL: <https://www.hofstede-insights.com/>

В первую очередь стоит сосредоточиться на элементах, объединяющих культуры стран Вышеградской четверки и позволяющих находить точки соприкосновения. Схожим критерием для всех объектов анализа является низкий уровень «indulgence» («допустимости удовольствий»), демонстрирующий сдержанность носителей культуры в реализации своих желаний и потребностей. В качестве одного из объяснений

невысоких значений критерия может выступать длительное влияние на общества ВГ социалистической модели экономики, ориентированной на удовлетворение потребностей государства, а не индивидуального потребителя. Контраргумент, что падение соцрежимов датируется концом 1980-х – началом 1990-х гг. может быть оспорен следующими фактами: во-первых, одно из ключевых положений теории кросс-культурной коммуникации с точки зрения Р. Инглхарта – долгосрочность трансформаций культурных паттернов внутри обществ. Во-вторых, внешние условия также оказывали влияние на сохранение данного тренда: экономическое положение отдельных домохозяйств оставалось плачевным даже в первые годы членства в ЕС в сравнении с соседями-членами ЕС и представителями «старой Европы». Определенный экономический рост государств наблюдался, как ни парадоксально, в период кризиса 2008 г. [Bandasz], что, опять же, демонстрирует, что даже рост доходов только стимулировал население откладывать сбережения [Komunikat Oszczędności i długu] или вкладывать их непосредственно в возможный источник дохода, а не удовлетворять краткосрочные потребности. Кроме того, молодежь, для которой более характерна культура заботы о себе [Harring, Lamby, Bíró-Nagy, Szabó], более мобильна, нежели старшее поколение, и в условиях Евросоюза мигрирует в экономически более развитые страны.

Тем не менее, по остальным критериям наблюдается значительное расхождение. Наибольшая амплитуда представлена в категории «Power distance», которая может быть переведена как «Дистанцированность власти» и демонстрирует неравномерность доступа экономических субъектов к ресурсам влияния при принятии населением подобного положения. В данном случае абсолютную иерархичность общества демонстрирует пример Словакии, оппонентом которой выступает Венгрия с показателем ниже среднего. Данная иллюстрация весьма необычна, поскольку в политическом смысле именно венгерское государство считается более авторитарным по своей организации, нежели иные государства Вышеградской группы. В то же время венгерская автократия характеризуется наличием внутренней конкуренции между партиями, что подтверждается конкуренцией между правящей партией «Фидес» и отделившейся от нее партией «Тиса». Также одним из объяснений может быть высокий уровень антиправительственных настроений в Венгрии: 2022-первая половина 2023 гг. ознаменовались ростом протестных движений населения, особенно в социальной сфере.

Венгерский кейс примечателен в том числе наиболее высоким уровнем оценки индивидуализма как экономической ценности. Это является маркером наибольшего отхода населения от коммунистических идей и принятия рыночного строя как наиболее благоприятного и эффективного. Показатели других государств балансируют на уровне немногим выше среднего, что демонстрирует склонность культур как к коллективизму и осознанию себя как части коллектива, так и отстаиванию собственных интересов. Данный критерий особенно важен для продолжения функционирования Вышеградской группы.

Страны также различаются по показателю «маскулинности-феминности». Ориентация населения Венгрии и Словакии на успешность и результат («маскулинность») в некоторой степени противоречит более «феминной» позиции Польши и Чехии, более склонных к сотрудничеству и взаимодействию для помощи более слабым акторам.

Важно отметить типологическую разницу одной из пар – Польша-Словакия. Их близость в критериях «маскулинности» и «дистанции власти» (более ярко выраженные

у Словакии) контрастируют с двумя показателями, непосредственно влияющими на принятие решений: «избегание неопределенности» (лидирующий критерий в польском срезе) и «ориентация на длительный срок». Если Польша прибегает скорее к тактическим приемам реакции и управления рисками, то для Словакии более характерно планирование, закладывающее стратегию избегания.

Исходя из анализа положения стран Вышеградской группы в данных шести культурных измерениях, важно сконструировать целостную модель поведения каждого актора и проследить, как она будет реализовываться в нынешних внешнеполитических условиях.

Ключевым показателем, оказывающим влияние на построение стратегии, является «ориентация на долгосрочный период», расхождения в котором закладывают проблемы в процессе планирования.

Польская модель основана на адаптивности и реакции на моментальные угрозы и вызовы. При наличии внешних факторов, которые в значительной степени влияют непосредственно на польские социокультурные и социально-экономические условия, попытка минимизировать собственные внутренние угрозы представляется перспективной моделью поведения для экономического «выживания». На данный момент демонстрация данной культурной модели проявляется в поведении Польши в украинском конфликте. В то же время можно отметить, что данная культурная модель, не предполагающая долгосрочного плана, повышает уровень стресса населения [Komunikat Polacy wobec] и, вероятно, бизнеса, поскольку риски, вызванные украинским кризисом (проблема потока беженцев, экономические вызовы «зерновой сделки»), для Польши на данный момент является обстоятельством непреодолимой силы. Таким образом, в данной национальной модели назревает необходимость перехода к долгосрочному планированию и формирования четкой позиции взамен адаптивного решения – в противном случае противоречивость политики способна привести к эскалации внутреннего кризиса.

Модель Венгрии представляет собой сохранение бескомпромиссного следования в первую очередь собственным интересам. Вследствие этого для Будапешта заинтересованность в Вышеградской группе как платформе по взаимопомощи уступает суверенной политике и дезинтеграции. Подтверждают это серия блокировок пакетов санкций ЕС против РФ [Magyar Nemzet]. Венгрия в данной схеме взаимодействия представляется наименее заинтересованной в кооперации в рамках ВГ. Однако с появлением угрозы уменьшения финансирования, которое крайне важно в том числе и для реализации программ социальной сферы, она может поступиться нацеленностью на лидерство и самостоятельность вследствие высокого стремления к избеганию неопределенности и рисков.

Чехия представляется наиболее компромиссным и сбалансированным актором: ориентация на длительный срок планирования и стремление избегать неопределенность также обуславливают программный подход к управлению рисками. У Чехии, в отличие от Венгрии, менее сформировано стремление бросить вызов институтам ЕС. В связи с этим, Чехия более нейтральна в формате деятельности Вышеградской группы, выступая в большей степени координатором. Координация была характерна в том числе и для деятельности Праги в рамках председательства в ЕС в 2022 г. Именно Чехия совместно со Словакией в большей степени настроены на совершенствование долгосрочных планов и дальнейшую выработку программных позиций по текущей ситуации, что отличает их от Венгрии и Польши, ориентированных на трансформации политического и экономического ландшафта.

Словацкая культурная модель демонстрирует тенденцию сохранения ключевых ресурсов в традиционных институтах власти, что позволяет формировать планы распоряжения данными ресурсами на более длительную перспективу и конструировать долгосрочную политику, опираясь на понятных союзников. Горизонты сотрудничества тесно связаны и с низким показателем избегания неопределенности, подразумевающим высокую готовность к риску. Это стало фактором вступления Словакии в еврозону, что в итоге в период преодоления последствий кризиса 2008 г. способствовало повышению стабильности и доверия к институтам, однако не привело к ускоренному экономическому росту (в противовес Польше) [Bandasz].

Сравнение культур свидетельствует о наличии значительных расхождений в системе ценностей, разделяемых населением данных государств. Существующие различия становятся индикатором не только дифференциации социально-политических и социокультурных путей развития стран Вышеградской группы, но и специфики статуса самой ВГ. Вследствие этого предполагается рассмотрение Вышеградской группы прежде всего как субрегиона с уникальной комплексной культурной динамикой, а не интеграционного объединения в классическом понимании. Несмотря на то, что страны опираются на схожее историческое прошлое и совместно проходили путь адаптации к новым политическим условиям, они обладают культурными различиями, которые значительно влияют на построение стратегии планирования. Ценностные ориентиры диктуют специфические модели поведения и стратегий, отличающихся у каждой из стран ВГ. Это препятствует выработке единой интеграционной модели, но поддерживает динамику ситуативного сотрудничества при сохранении национальных интересов. Именно неформальная площадка для дискуссии и лоббирования схожих политических идей, а не осложненный формальностями интеграционный формат, становится компромиссом для стран ВГ. В данном случае Вышеградская группа выступает ярким примером субрегиона как неоднородного пространства, существующего за счет разнообразия стран и их стратегического поведения, так как недостатки каждой модели становятся катализатором возможностей ситуативного сотрудничества.

Список источников и литературы

Bandasz K. Poland and Slovakia during the economic crisis 2008–2010: The Influence of Diverse Exchange Rate Regimes // *Society and Economy*. 2013. Vol. 35. No. 2. P. 141–165.

Czyż A. Współpraca regionalna państw Grupy Wyszehradzkiej: doświadczenia i perspektywy. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018. 321 s.

European Parliament: Sanctions against Hungary // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/P-9-2022-003944_EN.html (дата обращения: 01.09.2025).

Garai N. Challenges faced by the Visegrad Group in the «European dimension» of cooperation // *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*. 2018. Vol. 27. No. 1–2. P. 24–42.

Hamanaka S. What is Subregionalism? Analytical Framework and Two Case Studies from Asia // *Pacific Focus*. 2015. Vol. 30. No. 3. P. 389–414. DOI: 10.1111/pafo.12062.

Harring M., Lamby D., Bíró-Nagy A., Szabó A. Youth Study Growing Up in Central Eastern Europe. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id/19880.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2010. 574 p.

Hofstede Insights. URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.09.2025).

Inotai A. Correlations between European Integration and Sub-Regional Cooperation: Theoretical Background, Experience and Policy Impacts // Russian & East European Finance and Trade. 1998. Vol. 34. No. 6. P. 3–91.

Komunikat CBOS «Oszczędności i długi» 46/2023. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2023/K_046_23.PDF (дата обращения: 01.09.2025).

Komunikat CBOS «Polacy wobec wojny na Ukrainie i ukraińskich uchodźców» 54/2023. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2023/K_054_23.PDF (дата обращения: 01.09.2025).

Magyar Nemzet: «A nyomás ellenére sem adjuk fel a béke melletti elkötelezettségünket és nemzeti érdekeinket» // Magyar Nemzet. URL: <https://magyarnemzet.hu/kulfold/2023/05/szijas-peter-a-nyomas-ellenere-sem-adjuk-fel-a-beke-melletti-elkotezetsegunket-es-nemzeti-erdekeinket> (дата обращения: 01.09.2025).

Schmölz B. Misunderstanding, conflict and divisions between the Visegrad Group and the European Union – an analytical discourse beyond the public cliché of the migration crisis // CES Working Papers. 2019. Vol. 11. Iss. 1. P. 22–34.

Tsardanidis C. EU and South-Eastern Europe: From asymmetrical interregionalism to dependencia sub-regionalism? // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. 2011. No. 11. P. 489–509.

World Values Survey Brochure (archived copy; archived at: 06.05.2015). URL: <https://web.archive.org/web/20150506163551/http://www.iffs.se/wp-content/uploads/2012/12/WVS-brochure-web.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

References

Bandasz, K. Poland and Slovakia during the economic crisis 2008–2010: The influence of diverse exchange rate regimes // Society and Economy. Vol. 35, No. 2. 2013: 141–165.

Czyż, A. Współpraca regionalna państw Grupy Wyszehradzkiej: doświadczenia i perspektywy. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2018: 321 p.

European Parliament: Sanctions against Hungary // European Parliament official website. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/P-9-2022-003944_EN.html (accessed: 1. 09. 2025).

Garai, N. Challenges faced by the Visegrad Group in the «European dimension» of cooperation // International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs. Vol. 27, No. 1–2. 2018: 24–42.

Hamanaka, S. What is Subregionalism? Analytical framework and two case studies from Asia // Pacific Focus. Vol. 30, No. 3. 2015: 389–414. DOI: 10.1111/pafo.12062.

Harring, M., Lamby, D., Bíró-Nagy, A., Szabó, A. Youth Study: Growing Up in Central Eastern Europe. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id/19880.pdf> (accessed: 1. 09. 2025).

Hofstede, G., Hofstede, G.J., Minkov, M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill USA, 2010: 574 p.

Hofstede Insights. URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.09.2025).

Inotai, A. Correlations between European integration and sub-regional cooperation: theoretical background, experience and policy impacts // Russian & East European Finance and Trade. Vol. 34, No. 6. 1998: 3–91.

Komunikat CBOS «Oszczędności i długi» No. 46/2023. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2023/K_046_23.PDF (accessed: 1. 09. 2025).

Komunikat CBOS «Polacy wobec wojny na Ukrainie i ukraińskich uchodźców» No. 54/2023. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2023/K_054_23.PDF (accessed: 1. 09. 2025).

Magyar Nemzet: «A nyomás ellenére sem adjuk fel a béke melletti elkötelezettségünket és nemzeti érdekeinket» // Magyar Nemzet official web-page. URL: <https://magyarnemzet.hu/kulfold/2023/05/szijas-peter-a-nyomas-ellenere-sem-adjuk-fel-a-beke-melletti-elkotelezettsegunket-es-nemzeti-erdekeinket> (accessed: 1. 09. 2025).

Schmölz, B. Misunderstanding, conflict and divisions between the Visegrad Group and the European Union – an analytical discourse beyond the public cliché of the migration crisis // CES Working Papers. Vol. 11, Iss. 1. 2019: 22–34.

Tsardanidis, C. EU and South-Eastern Europe: From asymmetrical interregionalism to dependencia sub-regionalism? // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. No. 11. 2011: 489–509.

World Values Survey Brochure (archived copy; archived at: 6. 05. 2015). URL: <https://web.archive.org/web/20150506163551/http://www.iffs.se/wp-content/uploads/2012/12/WVS-brochure-web.pdf> (accessed: 1. 09. 2025).

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ VS АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

Чжан Чэньи

АНАЛИЗ ПРИЧИН ИЗМЕНЕНИЯ НАЗВАНИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА НА ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

Аннотация: Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) – это геополитическая концепция. Предложенный премьер-министром Японии Синдзо Абэ в 2016 году термин берет свое начало из географического понятия Индо-Тихоокеанской области Мирового океана. Затем он стал использоваться лидерами США, Японии, Индии, Австралии и других стран. В некоторых случаях термин стал заменой понятия Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), расширяя его границы на запад. Итогом этого стало включение в регион Индии и других стран Южной Азии, а также рост влияния Дели. Азиатско-Тихоокеанский регион в узком смысле включает в себя Восточную и Юго-Восточную Азию, западное побережье Тихого океана, Океанию и острова в Тихом океане. В статье кратко описываются причины и особенности трансформации концепции Азиатско-Тихоокеанского региона в Индо-Тихоокеанской. Во-первых, подъем Индии и повышение ее стратегической позиции в Индийском океане. Во-вторых, концепция АТР уделяет больше внимания экономическому развитию, а ИТР делает упор на безопасность. В-третьих, в рамках Азиатско-Тихоокеанской концепции приоритет отдается многообразию различных ценностей и идеологий, а в рамках Индо-Тихоокеанской считается, что к процессу могут присоединяться только демократические страны. Автор пытается ответить на вопрос, как Китай может реагировать на новые геополитические изменения в краткосрочной и в долгосрочной перспективах. Делается вывод о том, что хотя концепция Индо-Тихоокеанского региона имеет очевидный антикитайский характер, Китаю стоит учитывать происходящие в регионе процессы, в первую очередь понять тревоги малых и средних стран по поводу безопасности, содействовать миру и развитию в регионе, решительно пересекать попытки США разделить Индо-Тихоокеанский регион на основе идеологических критериев, а также выступать против милитаризации региона.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, геополитика, Китай, Индо-Тихоокеанская стратегия, сдерживание, внешняя политика КНР

Автор: Чжан Чэньи, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), 353899135@qq.com

Zhang Chenyi

ANALYSIS OF THE CAUSES FOR THE SHIFT FROM THE CONCEPT OF THE «ASIA-PACIFIC REGION» TO THE «INDO-PACIFIC REGION»

Abstract: A «free and open Indo-Pacific» is a geopolitical concept that was initiated by Japanese Prime Minister Shinzo Abe in 2016. The term evolved from the notion of the Indo-Pacific Sea as a geographical concept and has since been adopted by leaders of the United States, Japan, India, Australia, and other countries. In some cases, it has been used to replace the term «Asia-Pacific», thereby extending the concept westward to include India and other South Asian countries, and consequently emphasizing India's growing strategic importance. The Asia-Pacific region, in a narrower sense, traditionally includes East and Southeast Asia, the Asian territories along the western Pacific coast, Oceania, and the Pacific islands. This article briefly analyzes the motivations and features behind the shift from «Asia-Pacific» to «Indo-Pacific» from three main perspectives. First, the rise of India and its increasingly strategic position in the Indian Ocean. Second, the Asia-Pacific concept has traditionally emphasized economic development, while the Indo-Pacific framework places greater emphasis on security issues. Third, the Asia-Pacific concept accommodates diverse values and ideologies, whereas the Indo-Pacific framework tends to regard democracy as a prerequisite for participation. On this basis, the author attempts to address how China can respond to these emerging geopolitical dynamics in both the short and long term. While acknowledging that the Indo-Pacific concept has an implicit anti-China dimension, the article argues that China should not oppose the Indo-Pacific process outright. Instead, it should seek to understand the security concerns of small and medium-sized countries, promote regional peace and development, resist U.S. efforts to divide the Indo-Pacific along ideological lines, and advocate for China's active and constructive engagement in the region.

Key words: Asia-Pacific, Indo-Pacific, geopolitics, China, Indo-Pacific strategy, containment, China's foreign policy

Author: Zhang Chenyi, Postgraduate student, Moscow State University, 353899135@qq.com

В январе 2007 года исполнительный директор Национального морского фонда Индии Гурприт С. Хурана впервые официально использовал понятие Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) при обсуждении вопроса о морском сотрудничестве между Индией и Японией. Он определил Индо-Тихоокеанский регион как морское пространство, состоящее из Индийского океана и западной части Тихого океана [Gurpreet]. В Белой книге по обороне 2013 года Австралия официально использовала концепцию ИТР [Australia: Defence], став первой страной, которая ввела это определение в свои стратегические документы. В августе 2016 года правительство Японии официально предложило «Свободную и открытую Индо-Тихоокеанскую стратегию» [International Situation]. Согласно заявлению Министерства иностранных дел Японии, Индо-Тихоокеанская стратегия призвана связать два континента, а именно Азию и Африку, и соединить Тихий и Индийский океаны.

С 3 по 14 ноября 2017 года президент США Трамп совершил свою первую с момента вступления в должность поездку в Азию. В приветственной речи в Японии Трамп публично впервые упомянул концепцию Индо-Тихоокеанского региона [Remarks by President Trump], хотя ранее американские лидеры называли океан и территорию от Австралии до Индии Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). После этой презентации новой формулировки чиновники Белого дома и президент начали активно использовать новое понятие. 11 февраля 2022 года администрация Байдена обнародовала «Индо-

Тихоокеанскую стратегию» [Indo-Pacific Strategy], в которой, по сути, были представлены принципы внешней политики администрации Трампа в этом регионе.

Так в чем же причина перехода от понятия Азиатско-Тихоокеанского региона к Индо-Тихоокеанскому? В чем заключаются особенности каждой из этих концепций?

УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ИНДИИ

Наиболее фундаментальной причиной трансформации Азиатско-Тихоокеанского региона в Индо-Тихоокеанский является возвышение Индии и рост стратегического статуса Индийского океана.

ИТР по сравнению с АТР понимается в буквальном смысле как включающий Индийский океан в сферу охвата. С экономическим подъемом азиатских стран, Китая, Японии и Южной Кореи, Индийский океан становится все более и более значимым для морских торговых путей и маршрутов транспортировки нефти. Согласно статистике, контейнерные перевозки через Индийский океан составляют половину от общего объема мировых. Одновременно на нефть, транспортируемую с Ближнего Востока через Индийский океан в Восточную Азию, приходится 70% соответствующих мировых перевозок.

Индийский океан расположен между Азией, Океанией, Африкой и Антарктидой, соответственно, его геополитическое и стратегическое значения очень велики. Укреплению стратегического положения Индийского океана поспособствовало возвышение Индии, четвертой экономики мира. Индийский ВВП в 2022 году был близок 3 трлн долларов США, что больше, чем у Великобритании и Франции [Summary of]. Дели импортирует новейшее вооружение и военную технику из-за рубежа, но одновременно ведет собственные разработки. Индия является членом значимых международных организаций – присоединилась к ШОС, БРИКС, QUAD – поддерживает тесные отношения с США и Россией. Все это делает ее региональным лидером на южноазиатском субконтиненте и в Индийском океане. С непрерывным ростом национальной мощи решимость Индии по доминированию на субконтиненте и в Индийском океане, а также выходу на глобальный уровень укрепляются и концепция ИТР. Идея Азиатско-Тихоокеанского региона является воплощением старой модели расстановки сил, которая не соответствует нынешнему статусу Индии как потенциальной глобальной державы.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ

Азиатско-Тихоокеанская концепция делает акцент на экономическом развитии, в то время как Индо-Тихоокеанская концепция придает важное значение проблеме безопасности.

В 2021 году общая экономика стран Азиатско-Тихоокеанского региона достигла 61% от мировой, а общий объем торговли товарами и услугами составил 47% от мирового [Asia-Pacific Economic Cooperation]. Причем основная доля приходится на развивающиеся рынки Китая и АСЕАН. С 1 января 2022 года официально существует Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), которое охватывает около 2,27 миллиарда человек, а общий ВВП входящих в него стран – около 33% от мирового объема [The Agreement on Regional Economic Partnership]. Во многом экономическое процветание АТР связано с двумя организациями регионального сотрудничества: Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Азиатско-

Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). АСЕАН занимает «центральное положение» в региональных вопросах и сыграла важную роль в поддержании стабильности и экономического роста региона. АТЭС способствовало либерализации и упрощению процедур региональной и глобальной торговли и инвестиций, а также внесло выдающийся вклад в укрепление регионального экономического сотрудничества.

ИТР делает акцент на формировании военных союзов с целью сдерживания развития Китая. Соединенные Штаты построили т.н. систему «два, три, четыре, пять». «Два» относится к двусторонним военным союзам между США со странами: США – Япония, США – Индия, США – Австралия, США – Южная Корея. Основной формой взаимодействия является механизм встреч «2+2» между министрами иностранных дел и обороны двух стран.

«Три» – это военный альянс США, Великобритании и Австралии (AUKUS). Следствием создания альянса стало то, что Австралия объявила об аннулировании контракта на заказ обычных подводных лодок с Францией и переключилась на закупку атомных подводных лодок у США и Англии – такое поведение подрывает механизм ядерного нераспространения и может иметь очень плохие последствия.

«Четыре» – это «Четырёхсторонний диалог по безопасности» между США, Японией, Индией и Австралией (QUAD). Этот механизм был создан во времена администрации Трампа и усилен после прихода к власти правительства Байдена. В настоящее время четыре страны многократно провели морские военные учения под кодовым названием «Малабар».

«Пять» означает разведывательный «Альянс пяти глаз», в который входят спецслужбы пяти англосаксонских стран: США, Англии, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Все эти меры неизбежно привели к милитаризации региона и усилили напряженность в области региональной безопасности. Результатом является сохранение повода для Вашингтона иметь военное присутствие в регионе. В частности, США поддерживают независимость Тайваня, не дают гарантий безопасности Северной Корее и выступают на стороне Индии против Китая в территориальных спорах. Все эти направления имеют антикитайскую направленность.

США выдвинули и свою инициативу экономического сотрудничества – Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (IPEF). IPEF включает в себя 4 столпа: торговля и цифровая экономика, гибкость цепочки поставок, экологически чистая энергетика, налогообложение и борьба с коррупцией [Indo-Pacific Economic Framework]. Однако отсутствие в ней КНР означает, что возглавляемая Вашингтоном программа экономического развития по-прежнему направлена на сдерживание Китая, а не на экономическое сотрудничество.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ

Азиатско-Тихоокеанский регион придерживается принципов толерантности, а Индо-Тихоокеанский регион подчеркивает конфронтацию.

Важной причиной, по которой Азиатско-Тихоокеанский регион долгое время не испытывал потрясений и войн, является существование АСЕАН. Организация не устанавливает никаких пороговых ограничений для социальных и политических систем своих государств-членов. Любая страна, если она расположена в Юго-Восточной Азии и согласна с целями, принципами деятельности АСЕАН, может подать заявку на

вступление. Новые и старые члены организации не опираются на общие исторические или культурные связи, у них также нет общего языка или религиозной основы. Подобная толерантность обеспечила мир и стабильность в АТР.

Концепция ИТР делает больший акцент на «ценностной ориентации» и пытается установить «либеральную демократию» западного образца в качестве «критерия» и «эталона» для измерения политической системы и порядка в регионе. Игнорируя национальную специфику развития стран, США насильственно изменили архитектуру в АТР с помощью идеологического размежевания – привлекли в свой лагерь страны, которые, по мнению Вашингтона, соответствуют их собственному определению демократии.

Демократия – это общая ценность для всего человечества и право всех народов, а не запатентованная собственность какой-либо страны. Существует множество путей достижения демократии, и не может быть одного подходящего шаблона для всех. Измерять разнообразные политические системы мира одним мерилom и смотреть на пеструю картину политических цивилизаций человечества унифицирующим взглядом недемократично по своей сути. Политическая система каждой страны должна определяться народом этой страны. Американская демократическая система является результатом практики, она уникальна, а не универсальна и далека от совершенства. 20 марта 2023 года Министерство иностранных дел КНР опубликовало «Положение американской демократии в 2022 году» [Democracy in the United States]. В статье указывалось, что суть американской демократии заключается в использовании идеологии и ценностей в качестве инструмента для подавления других стран и продвижения геополитической стратегии под демократическим знаменем.

В итоге новые альянсы усугубляют региональные разногласия. Это пошатнуло центральное положение АСЕАН в АТР и может пошатнуть основы региональной стабильности.

СЦЕНАРИИ

Мы предлагаем два основных сценария развития событий, в зависимости от того, признает ли Китай термин Индо-Тихоокеанский регион в будущем?

Сценарий 1. В обозримой перспективе КНР не признает концепцию ИТР.

Есть три основные причины, по которым Китай не признает концепцию Индо-Тихоокеанского региона в краткосрочной перспективе.

А. Термин ИТР повышает статус Индии в этом регионе. В настоящее время китайско-индийские отношения напряжены, а Индия фактически установила тесные отношения с США (в том числе в сфере безопасности). Соответственно, переименование АТР в Индо-Тихоокеанский регион не идет на пользу Китаю.

Б. Хотя термин Индо-Тихоокеанский регион отражает объективные факты роста влияния Индии и все более важное значение Индийского океана, нельзя отрицать, что концепция ИТР идеологически окрашена, связана со сферой безопасности, ведет к росту напряженности.

В. В Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай является бесспорно ведущей державой в военной и экономической областях. Но если концепция ИТР будет использована для разделения АТР, а также расширения географического охвата и увеличения числа включенных стран, в новом географическом диапазоне влияние Китая будет снижено, а роль США возрастет.

Сценарий 2. В долгосрочной перспективе признает. Можно выделить три причины.

А. Концептуальное объединение Азиатско-Тихоокеанского региона и Индийского океана отвечает интересам Пекина и не противоречит китайской концепции и практики «Пояса и пути». Экономические связи между регионами Тихого и Индийского океанов развиваются, а КНР является ведущей движущей силой этого процесса. Китай является крупнейшим торговым партнером основных стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Индийского океана, включая США, Японию, Южную Корею, Россию, Индию, Австралию и страны АСЕАН. КНР сейчас становится одним из важнейших источников инвестиций в регионе и активно работает в регионе Индийского океана, создав ЗСТ с АСЕАН, управляя портом Гвадар в Пакистане, строя экономический коридор Китай-Пакистан-Афганистан, порт в Шри-Ланке, Китайско-Лаосскую железную дорогу и нефте- и газопровод Китай-Мьянма. Пекин также предложил создать экономический коридор Китай-Индия-Бангладеш-Мьянма, что показывает реальную китайскую позицию – поддержку объединения регионов Тихого и Индийского океанов.

Б. Китай должен избегать активного формирования оппозиции Индо-Тихоокеанской стратегии и не ставить себя в положение индо-тихоокеанского стратегического противника. Многие страны, участвующие в Индо-Тихоокеанском процессе, не хотят выбирать сторону КНР или США, а лишь стремятся использовать мощь Соединенных Штатов для развития своей экономики и балансирования влияния Пекина [Zhao]. Китаю необходимо понимать опасения малых стран по вопросам безопасности. Учитывая быстрый рост всеобъемлющей национальной мощи КНР и относительный упадок Соединенных Штатов, для соседних с Китаем стран логично обратиться за защитой к США. Следовательно, нерационально классифицировать эти малые страны как враждебные лагеря в связи с присоединением к Индо-Тихоокеанской стратегии.

В. На данном этапе негативное отношение Китая к концепции Индо-Тихоокеанского региона во многом определяется текущими трудностями, с которыми сталкиваются китайско-индийские отношения. Китай обеспокоен тем, что Индия присоединится к Индо-Тихоокеанскому процессу под руководством США и таким образом поспособствует размещению американских войск в регионе. Но в будущем, если Индия вернется к своей традиционной внешней политике неприсоединения к блокам и будет проводить независимую дипломатию, сохраняя определенную дистанцию от США, Китай может быть изменить свое отношение к ИТР.

Вне зависимости от того, признает Китай ИТР в будущем или нет, Индийский океан приобретает все большее значение, и было бы недальновидно продолжать цепляться за старую концепцию Азиатско-Тихоокеанского региона, вместо того чтобы признать происходящие трансформации. Это также может улучшить отношения с Индией. Но хотя Китай может сохранять оптимизм и готовность к сотрудничеству в отношении экономических перспектив ИТР, он должен решительно и четко противостоять менталитету холодной войны и намерениям сдерживания Китая, выраженным в Индо-Тихоокеанской стратегии.

В Американской энциклопедии (Americana) геополитика рассматривается как наука, изучающая и анализирующая единство географических, исторических, политических и других взаимодействующих факторов, оказывающих влияние на

стратегический потенциал государства. АТР и ИТР – это две концепции, определяющие геополитику XXI века. Смена Азиатско-Тихоокеанской идеи на Индо-Тихоокеанскую является не только изменением географии, но и результатом переплетения различные факторов, таких как идеология, экономические пропорции и военная мощь.

Сдерживание развития Китая является основной мотивацией для США, Японии, Индии и Австралии активно заменить старую концепцию АТР новой. США и их азиатские союзники воспользовались возможностью создать ряд военных союзов, укрепить сотрудничество в области разведки и внедрить Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру, чтобы исключить КНР из региональных экономических цепочек поставок. В этом процессе Соединенные Штаты использовали лозунг создания «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», чтобы обеспечить легитимность своего собственного продвижения и милитаризации Азиатско-Тихоокеанского региона. Транслируется, что Азиатско-Тихоокеанский регион под руководством Китая является автократическим и закрытым, а демократическая идеология используется в качестве необходимого условия для присоединения к возглавляемому США Индо-Тихоокеанскому процессу, усугубляющему раскол АСЕАН.

Усиление Индии и повышение стратегического статуса Индийского океана являются фундаментальными причинами, по которым концепция ИТР привлекла внимание академического сообщества в последние годы. Однако несмотря на то, что термин Индо-Тихоокеанский регион становится все более популярным, понятие Азиатско-Тихоокеанский регион никуда не исчезло. У этого есть три основные причины. Во-первых, Китай (и Россия) критикуют концепцию Индо-Тихоокеанского региона. Во-вторых, АСЕАН обеспокоена сохранением своего статуса ключевого игрока в регионе. В-третьих, зрелый экономический механизм взаимодействия Азиатско-Тихоокеанского региона не был воспроизведен в Индо-Тихоокеанском регионе. Таким образом несмотря на то, что переход от концепции АТР к ИТР – это неизбежная тенденция, у Китая все еще есть достаточно времени, чтобы обдумать и изучить свои позиции и взгляды на Индо-Тихоокеанскую стратегию.

Важно отметить, что нынешний российско-украинский конфликт отсрочил смещение стратегического фокуса США с евро-ближневосточного направления на азиатско-тихоокеанское. С точки зрения классической геополитики, российско-украинский конфликт – это вспышка войны в самом сердце Евразии, не только между двумя суверенными государствами, но и ожесточенное противодействие России и НАТО. Острая конфронтация между Атлантическим сообществом и РФ была создана массивной военной помощью НАТО Украине, быстрым принятием заявления Украины о вступлении в Европейский Союз и заявкой Швеции и Финляндии на вступление в НАТО. Наиболее значительное геополитическое воздействие российско-украинского конфликта заключается в том, что западная часть Евразийского континента вошла в цикл геополитического конфликта, в результате которого Россия стала соперником номер один для США и их союзников по НАТО, а стратегический фокус Вашингтона был перенесен обратно в Европу. Хотя Соединенные Штаты подчеркивают, что их акцент на «Индо-Тихоокеанской стратегии» не уменьшился, Вашингтону трудно достичь обеих целей: сдерживать Китай и Россию одновременно. Результатом этого изменения стало замедление Индо-Тихоокеанского процесса. АСЕАН может воспользоваться этой возможностью, чтобы не только укрепить положение в АТР, но и занять центральное положение в Индо-Тихоокеанской концепции. У Китая также есть больше времени чтобы понять, как превратить

движущую силу Индо-Тихоокеанского процесса из игры с нулевой суммой и гонкой вооружений в мирное русло экономического развития.

В итоге, как бы ни трансформировалась ситуация в будущем, основная позиция китайского правительства не изменится: Китай выступает за солидарность и сотрудничество между странами, совместные усилия по продвижению регионального мира и стабильности, развития и процветания, а также против исключения других стран, что отвечает общим интересам игроков в регионе.

Список источников и литературы

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) // РИА Новости. 08.11.2021. URL: <https://ria.ru/20211108/ates-1757342043.html> (дата обращения: 16.06.2023).

Демократия в США в 2022 году // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 20.03.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbxw_new/202303/t20230320_11044478.shtml (дата обращения: 16.06.2023).

Соглашение о региональном экономическом партнерстве открывает новые возможности для ДФО // PrimaMedia. 15.11.2020. URL: <https://primamedia.ru/news/1031176/> (дата обращения: 16.06.2023).

Хао Хуашэн. Индо-Тихоокеанская стратегия и Большая Евразия: познание и реакция // Исследования по России, Центральной Азии и Восточной Европе. Китайская академия общественных наук. 2019. Вып. 2. С. 27–46.

Australia: Defence White Paper 2013 // Australian Ministry of Defence. 16.12.2013. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/172498/Australia%20defense%20WP_2013_web.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

Democracy in the United States in 2022 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 20.03.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbxw_new/202303/t20230320_11044478.shtml (дата обращения: 16.06.2023).

Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF) // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/agreements-under-negotiation/indo-pacific-economic-framework-prosperity-ipef> (дата обращения: 16.06.2023).

Indo-Pacific strategy // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 16.06.2023).

International situation and Japan's diplomacy in 2016 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter1/c0102.html#sf03> (дата обращения: 16.06.2023).

Khurana G.S. Security of sea lines: prospects for India–Japan cooperation // Strategic Analysis. 2007. Vol. 31. Issue 1. P. 139.

Remarks by President Trump at APEC CEO Summit // U.S. Embassy & Consulate in Vietnam. 10.11.2017. URL: <https://vn.usembassy.gov/20171110-remarks-president-trump-apec-ceo-summit/> (дата обращения: 16.06.2023).

Summary of the economic survey 2022–23 // Indian Ministry of Finance. 31.01.2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1894932> (дата обращения: 16.06.2023).

References

Aziatsko-Tikhookeanskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo (ATES) [Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC)] // RIA Novosti. 8 November, 2021. URL: <https://ria.ru/20211108/ates-1757342043.html> (accessed: 16.06.2023). (In Russian).

Demokratiya v SShA v 2022 godu [Democracy in the United States in 2022] // Ministerstvo inostrannykh del Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. 20 March, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbxw_new/202303/t20230320_11044478.shtml (accessed: 16.06.2023). (In Russian).

Soglashenie o regional'nom ekonomicheskom partnerstve otkryvaet novye vozmozhnosti dlya DFO [Regional Economic Partnership Agreement Opens New Opportunities for the Far East] // PrimaMedia. 15 November, 2020. URL: <https://primamedia.ru/news/1031176/> (accessed: 16.06.2023). (In Russian).

Hao Huasheng. Indo-Tikhookeanskaya strategiya i Bol'shaya Evraziya: poznanie i reaktsiya [Indo-Pacific Strategy and Greater Eurasia: Understanding and Response] // Issledovaniya po Rossii, Tsentral'noi Azii i Vostochnoi Evrope [Studies on Russia, Central Asia and Eastern Europe]. Chinese Academy of Social Sciences. 2019. No. 2: 27–46. (In Russian).

Australia: Defence White Paper 2013 // Australian Ministry of Defence. 16 December, 2013. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/172498/Australia%20defense%20WP_2013_web.pdf (accessed: 16.06.2023).

Democracy in the United States in 2022 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 20 March, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbxw_new/202303/t20230320_11044478.shtml (accessed: 16.06.2023).

Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF) // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/agreements-under-negotiation/indo-pacific-economic-framework-prosperity-ipef> (accessed: 16.06.2023).

Indo-Pacific Strategy // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 16.06.2023).

International Situation and Japan's Diplomacy in 2016 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter1/c0102.html#sf03> (accessed: 16.06.2023).

Khurana, G.S. Security of sea lines: prospects for India–Japan cooperation // Strategic Analysis. 2007. Vol. 31, Issue 1: 139.

Remarks by President Trump at APEC CEO Summit // U.S. Embassy & Consulate in Vietnam. 10 November, 2017. URL: <https://vn.usembassy.gov/20171110-remarks-president-trump-apec-ceo-summit/> (accessed: 16.06.2023).

Summary of the Economic Survey 2022–23 // Indian Ministry of Finance. 31 January, 2023. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1894932> (accessed: 16.06.2023).

Китаев Илья Валерьевич

ИНДО-ТИХОКЕАНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА: СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу запущенного в мае 2022 г. проекта Индо-Тихоокеанской экономической структуры для процветания (ИТЭС) как нового объединения государств АТР/ИТР. ИТЭС действует наравне с такими крупными интеграционными объединениями региона, как ВРЭП и ВПТТП. В работе дается общая характеристика проекта с точки зрения стран-участников, региональной повестки нового объединения и ключевых задач, стоящих перед государствами-членами в его рамках; определяется место ИТЭС в американской стратегии Индо-Пацифики; оценивается степень возможных усилий американского истеблишмента по дальнейшей реализации проекта; приводится позиция КНР по новому региональному объединению; выявляются ключевые проблемы, связанные с реализацией ИТЭС и ставящие под вопрос вероятность подписания соответствующих соглашений в ближайшей перспективе. В ходе исследования автор приходит к выводу, что проект Индо-Тихоокеанской экономической структуры продолжает общий вектор американской стратегии Индо-Пацифики, направленный на сдерживание КНР в АТР/ИТР и продвижение в регионе американских интересов в сферах цифровой экономики, цепочек поставок и т.д. ИТЭС, став частью опубликованной в феврале 2022 г. Индо-Тихоокеанской стратегии США, может положить начало новому формату сотрудничества между Вашингтоном и государствами региона, а также более активному вовлечению американского руководства в региональные экономические процессы. Тем не менее, отсутствие положения о снижении таможенных пошлин и открытии американского рынка для продукции государств-участников становится значительным препятствием для реализации проекта, поскольку ряд стран не только опасается втягивания в геополитическое противостояние с КНР, но и не видит принципиальных выгод от участия в ИТЭС в сравнении с существующими региональными проектами ВРЭП и ВПТТП.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанская экономическая структура, Индо-Пацифика, ИТР, противостояние КНР и США, единые стандарты в экономике.

Автор: Китаев Илья Валерьевич, магистр, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО (У) МИД РФ), Kitaeff.valera@yandex.ru

Iliia Kitaev

INDO-PACIFIC ECONOMIC FRAMEWORK: SUBSTANCE, MEANING AND CHALLENGES OF IMPLEMENTATION

Abstract: The article examines the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF), launched in May 2022, as a new regional initiative involving Asia-Pacific/Indo-Pacific countries, positioning it alongside major regional integration mechanisms such as the

Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP). The paper provides a comprehensive overview of the IPEF from the perspective of participating countries, explores its regional agenda, and outlines the key objectives confronting member states within the framework of the initiative. It situates the IPEF within the broader context of the United States' Indo-Pacific Strategy, evaluates the potential commitment of the U.S. government to advancing the framework, and presents China's position on the new regional arrangement. Furthermore, the study identifies major challenges associated with the implementation of the IPEF and raises questions about the feasibility of concluding a formal agreement under its auspices. The author argues that, as an integral component of the U.S. Indo-Pacific Strategy released in February 2022, the IPEF has the potential to establish a new model of cooperation between Washington and regional partners, thereby facilitating deeper U.S. engagement in regional economic dynamics. However, the framework's exclusion of provisions on tariff reduction and market access to the United States represents a significant limitation. This omission has led several countries to question the tangible benefits of participation, especially in light of existing regional agreements such as the RCEP and CPTPP, and to express concerns about being drawn into geopolitical tensions with China.

Key words: Indo-Pacific Economic Framework, Indo-Pacific Strategy, Indo-Pacific Region, China-US rivalry, common economic standards

Author: Kitaev Iliia, MA, MGIMO University, Kitaeff.valera@yandex.ru

Индо-Тихоокеанская экономическая структура для процветания (ИТЭС) – новый экономический проект, официально запущенный США 23 мая 2022 г. в г. Токио накануне 4-го саммита QUAD. Участниками американской инициативы стали 13 стран Индо-Тихоокеанского региона (ИТР): помимо Соединенных Штатов, к ним относятся Япония, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Республика Корея, а также 7 государств АСЕАН – Филиппины, Малайзия, Индонезия, Бруней, Сингапур, Вьетнам и Таиланд. Позднее к ИТЭС присоединилось первое тихоокеанское островное государство – Фиджи [Чжан Линь, с. 74]. Последний, третий раунд переговоров по заключению соглашения об объединении прошел с 8 по 15 мая 2023 г. в Сингапуре [Joint USTR].

Значимость проекта ИТЭС для Соединенных Штатов заключается в том, что данная инициатива позволяет придать экономическое измерение активно продвигаемой США с 2017 г. стратегии Индо-Пацифики, призванной сформировать на пространстве Тихого и Индийского океанов единое пространство безопасности и поддержать сотрудничество для государств региона на основе ценностей свободы, демократии и верховенства закона.

Примечательно, что ИТЭС стала второй из десяти задач, сформулированных в плане действий на 2022–2023 гг. в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии, опубликованной Белым домом в феврале 2022 г. и придавшей конкретный вектор развитию стратегии Индо-Пацифики [Indo-Pacific Strategy]. Относительно короткие сроки, определенные для заключения соответствующего соглашения, позволяют говорить о приоритетности данного проекта во внешнеэкономической политике США. Вашингтону необходимо обеспечить экономическую безопасность государства в условиях сложной внутриэкономической обстановки и сохранить те региональные позиции, которые может занять Китай на фоне смещения внимания американского руководства на украинский кризис.

Основой ИТЭС выступают так называемые «четыре столпа», а именно: 1) связанная экономика, в первую очередь в вопросах цифровой экономики, потоков данных, а также стандартов в сферах труда и окружающей среды; 2) устойчивая экономика, что связано с необходимостью реагирования на сбои в существующих цепочках поставок; 3) чистая экономика, то есть обеспечение развития зеленых технологий и декарбонизации; 4) справедливая экономика, в первую очередь в областях налогообложения и борьбы с коррупцией [FACT SHEET]. Тем самым, приоритетной целью ИТЭС являются разработка общих принципов и стандартов в передовых и инновационных сферах экономического сотрудничества в ИТР.

Первым практическим шагом на пути реализации указанных целей стала встреча министров торговли государств-членов ИТЭС 27 мая 2023 г. в г. Детройт, США, на котором стороны договорились о заключении специального соглашения о цепочках поставок. Соглашение предусматривает создание Совета ИТЭС по цепочкам поставок для разработки и контроля над выполнением плана действий, а также создание сети кризисного реагирования в указанной области и консультативного совета по трудовым правам [Substantial Conclusion of]. Тем самым предполагается расширение институционального механизма ИТЭС.

Сдержанную позицию в отношении решения США начать переговоры по Индо-Тихоокеанской экономической структуре выразил Пекин, рассматривающий новый американский проект в контексте политики Вашингтона по сдерживанию роста влияния КНР в регионе и созданию искусственных барьеров между Китаем и государствами АТР. В частности, бывший министр иностранных дел КНР Ван И, комментируя в мае 2022 г. решение о запуске проекта ИТЭС, выразил большие сомнения в том, что данная инициатива будет способствовать развитию регионального сотрудничества. Ван И отметил, что Китай выступает против политики скрытого протекционизма, дестабилизации производственных цепочек и продвижения геополитической конфронтации в регионе, а также осуждает любые попытки политической или экономической изоляции Китая, заведомо обреченные на провал и не отвечающие интересам государств региона [Ван И]. Со схожей риторикой выступила официальный представитель МИД КНР Мао Нин, комментируя достигнутое в мае 2023 г. соглашение о цепочках поставок в рамках ИТЭС. Пресс-секретарь МИД КНР подчеркнула, что Китай не поддерживает любые попытки внешнего вмешательства в функционирование региональных рынков, политизации торгово-экономической деятельности и создания искусственных барьеров, в частности по актуальному вопросу производства полупроводников [Пресс-секретарь...]. Тем самым формат ИТЭС становится очередным источником противоречий в китайско-американских отношениях и рассматривается в качестве геополитического инструмента достижения американских интересов в регионе.

Несмотря на попытки руководства США в кратчайшие сроки достигнуть поставленных в рамках проекта задач, перспективы успешной реализации ИТЭС во многом остаются неопределенными, что связано с целым рядом факторов.

Во-первых, основным отличием данного проекта от других примеров региональной экономической интеграции, таких как ВРЭП или ВПТТП, является отсутствие явной торговой повестки. В рамках ИТЭС устанавливаются стандарты в сферах, представляющих интерес в первую очередь для американской экономики, таких как электронная коммерция, конфиденциальность данных и т. д. В то же время ключевой выгодой для других государств региона еще со времен переговоров по ТТП было бы снижение таможенных барьеров и расширение своего присутствия на

американском рынке. Тем самым ИТЭС становится скорее американским средством сдерживания Китая в регионе, нежели новым форматом взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества [Ван Вэнь, с. 73].

Во-вторых, антикитайская направленность ИТЭС будет служить препятствием для его скорой реализации. Участие стран региона в инициативе Пояса и пути, Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), а также ключевые позиции КНР во внешнеторговом обороте большинства государств ИТР предопределяют тот ущерб, который государства ИТЭС могут понести вследствие разрыва производственных цепочек с Китаем [Дас Кунду].

В-третьих, ИТЭС все еще остается лишь инициативой, не имея какой-либо дорожной карты и иного четкого плана имплементации. Более того, предполагается, что государства-участники могут выбрать лишь те из четырех направлений сотрудничества, которые наиболее соответствуют их национальным интересам. Тем самым, в частности, в процесс была вовлечена Индия, вышедшая из части переговоров, связанной с вопросами электронной коммерции, трудовых и экологических стандартов [Тао Дуаньфан, с. 31]. Несмотря на то, что данная уступка со стороны США может повысить степень инклюзивности нового интеграционного объединения, подобный подход может затормозить реализацию проекта и снизить его эффективность, поскольку страны будут находиться на разном уровне достигнутых стандартов, находясь тем самым в неравном положении.

В-четвертых, с американской стороны отсутствует конкретное лицо, ответственное за продвижение проекта ИТЭС. За реализацию инициативы одновременно отвечают Торговое представительство и Министерство торговли США, что тормозит как межведомственную координацию действий по линии ИТЭС, так и достижение конкретных договоренностей с государствами-участниками [Гу Баочжи и др., с. 78].

В-пятых, в поспешном заключении соглашения об ИТЭС не заинтересованы значительная часть американского бизнеса и политических элит. Поскольку Соединенные Штаты избирают курс на защиту собственных производителей и предпринимателей во внешней торговле, а также на ограничение торговой либерализации, то переговоры по заключению соглашения потребуют тщательного анализа и обсуждения внутри страны, в связи с чем общий переговорный процесс может значительно затянуться. Учитывая, что Конгресс имеет право налагать вето на решения Администрации Президента, касающиеся вопросов внешней торговли США, кабинету придется находить баланс между интересами групп внутри страны и государствами-членами, многие из которых уже являются участниками подобных инициатив в регионе [Пань Сяомин, с. 129].

В-шестых, выдвигаемые в рамках ИТЭС стандарты в области цифровой экономики, декарбонизации или инфраструктурного строительства могут потребовать от развивающихся государств региона значительных финансовых и технических ресурсов, что также приведет к затягиванию реализации проекта. Вопросы государств-членов вызывают и требования в сфере налогообложения и противодействия коррупции, которые выходят за рамки уже принятых международных соглашений, в частности Конвенции ООН против коррупции 2003 г. [Goodman, Arasasingham]. Поскольку указанные стандарты определяются в первую очередь Соединенными Штатами, ставится под вопрос степень учета интересов и возможностей государств-участников ИТЭС.

Таким образом, проект Индо-Тихоокеанской экономической структуры, направленный на реализацию региональных интересов США, по-прежнему сталкивается с комплексом нерешенных вопросов. Последние связаны как с внутренними противоречиями американских элит и промышленных групп, так и с отсутствием повестки, которая бы определила принципиальную выгоду государств-участников от заключения данного соглашения в сравнении с существующими региональными интеграционными объединениями, такими как ВРЭП или ВПТТП. Несмотря на то, что проект ИТЭС был официально провозглашен частью Индо-Тихоокеанской стратегии США, неготовность американской стороны к открытию своего внутреннего рынка и опасения ряда государств-членов утратить преимущества от экономического сотрудничества с КНР могут значительно замедлить переговорный процесс и поставить под вопрос возможность достижения соглашения по линии ИТЭС на ближайшую перспективу. Достигнутое в мае 2023 г. соглашение о цепочках поставок может продемонстрировать способность Вашингтона договариваться со странами-участницами без обращения к значительным уступкам, однако долгосрочность данного соглашения по-прежнему сложно оценить. Проект ИТЭС может также привести к дальнейшему охлаждению китайско-американских отношений, поскольку КНР рассматривает ИТЭС как часть геополитического проекта США по сдерживанию и изоляции Китая на пространстве АТР. Тем самым укрепление экономического сотрудничества, продвигаемое в рамках Индо-Тихоокеанской экономической структуры, без привлечения КНР как крупнейшей экономики региона будет определять ограниченный эффект данного сотрудничества и неравномерное распределение выгод от реализации проекта для государств-участников.

Список источников и литературы

Кунду Н.Д. «Индо-Тихоокеанская экономическая структура»: новый подход к региональному экономическому и торговому сотрудничеству // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 07.12.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-tikhookeanskaya-ekonomicheskaya-struktura/> (дата обращения: 23.03.2023).

Fact Sheet: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // The White House. 23.05.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (accessed: 20.03.2023).

Goodman M.P, Arasasingham A. Regional Perspectives on the Indo-Pacific Economic Framework // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2022. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep40563.pdf?refreqid=fastly-default%3A1e77db5034eccec74d732b42c5513a6e&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=&initiator=search-results (accessed: 25.03.2023).

Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 12.05.2023).

Joint USTR and U.S. Department of Commerce Readout of Third Indo-Pacific Economic Framework Negotiating Round in Singapore // Office of the United States Trade

Representative. 15.05.2023. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2023/may/joint-ustr-and-us-department-commerce-readout-third-indo-pacific-economic-framework-negotiating> (accessed: 01.06.2023).

Substantial Conclusion of Negotiations on Landmark IPEF Supply Chain Agreement // U.S. Department of Commerce. 27.05.2023. URL: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2023/05/substantial-conclusion-negotiations-landmark-ipef-supply-chain> (accessed: 01.06.2023).

顾宝志, 郑梦婷, 李卓宇. [Гу Баочжи, Чжэн Мэнтин, Ли Чжююй]. «印太经济框架»对我国影响及应对建议 [Влияние Индо-Тихоокеанской экономической структуры на КНР и предложения по ответным мерам] // 国际贸易 [Международная торговля]. 2022. № 10. С. 77–86.

潘晓明 [Пань Сяомин]. «印太经济框架»展望及其对亚太经济融合的影响 [Перспективы «Индо-Тихоокеанской экономической структуры» и ее последствия для экономической интеграции в АТР] // 国际问题研究 [Исследования международных проблем]. 2022. № 6. С. 119–134.

陶短房 [Тао Дуаньфан]. «印太经济框架»内的各国诉求 [Интересы государств-членов «Индо-Тихоокеанской экономической структуры»] // 中国外资 [Иностранные инвестиции в Китае]. 2022. № 19. С. 30–31.

王文 [Ван Вэнь]. 美国«印太经济框架»口惠而实难至 [«Индо-Тихоокеанская экономическая структура» США: легко на словах, сложно на деле] // 当代世界 [Современный мир]. 2022. № 6. С. 72–73.

王毅: 要对美国的«印太经济框架»划一个大大的问号 [Ван И: «Индо-Тихоокеанская экономическая структура» США вызывает большие вопросы] // 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. 22.05.2022. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbhd/202205/t20220522_10690866.shtml (дата обращения: 20.03.2023).

张琳 [Чжан Линь]. 美国«印太战略»延伸下的«印太经济框架» [«Индо-Тихоокеанская экономическая структура» в контексте расширения Индо-Тихоокеанской стратегии США]. 中国外汇 [Китайская валютная биржа]. 2022. № 12. С. 74–75.

2023年5月29日外交部发言人毛宁主持例行记者会 [Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Мао Нин провела очередную пресс-конференцию 29 мая 2023 года] // 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. 29.05.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsf_673025/202305/t20230529_11085378.shtml (дата обращения: 15.06.2023).

References

Fact Sheet: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (2022) // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (accessed: 20. 03. 2023).

Goodman, M.P., Arasasingham, A. Regional Perspectives on the Indo-Pacific Economic Framework (2022) // Center for Strategic and International Studies (CSIS). URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep40563.pdf?refreqid=fastly->

[default%3A1e77db5034eccec74d732b42c5513a6e&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=&initiator=search-results](https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf) (accessed: 25. 03. 2023).

Indo-Pacific Strategy of the United States (2022) // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 12. 05. 2023).

Joint USTR and U.S. Department of Commerce Readout of Third Indo-Pacific Economic Framework Negotiating Round in Singapore (2023) // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2023/may/joint-ustr-and-us-department-commerce-readout-third-indo-pacific-economic-framework-negotiating> (accessed: 1. 06. 2023).

Kundu, Nivedita Das. «Indo-Tikhookeanskaya ekonomicheskaya struktura»: novyy podkhod k regional'nomu ekonomicheskomu i trgovomu sotrudnichestvu [Indo-Pacific Economic Framework: New Approach for Regional Economic and Trade Cooperation] (2022) // Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub «Valday» [The Valdai Discussion Club]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-tikhookeanskaya-ekonomicheskaya-struktura/> (accessed: 23. 03. 2023). (In Russian).

Substantial Conclusion of Negotiations on Landmark IPEF Supply Chain Agreement (2023) // U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2023/05/substantial-conclusion-negotiations-landmark-ipef-supply-chain> (accessed: 1. 06. 2023).

顾宝志·郑梦婷·李卓宇. [Gu Baozhi, Zheng Mengting, Li Zhuoyu] (2022). «印太经济框架»对我国影响及应对建议 [The Impact of the «Indo-Pacific Economic Framework» on China and Suggestions for Response] // 国际贸易 [International Trade]. No. 10: 77–86. (In Chinese).

潘晓明 [Pan Xiaoming] (2022). «印太经济框架»展望及其对亚太经济融合的影响 [Perspectives on the Indo-Pacific Economic Framework and its Impact on Asia-Pacific Economic Integration] // 国际问题研究 [International Studies]. No. 6: 119–134. (In Chinese).

陶短房 [Tao Duanfang] (2022). «印太经济框架»内的各国诉求 [The Demands of Countries in the «Indo-Pacific Economic Framework»] // 中国外资 [China Foreign Investments]. No. 19: 30–31. (In Chinese).

王文 [Wang Wen] (2022). 美国«印太经济框架»口惠而实难至 [The U.S. «Indo-Pacific Economic Framework»: A Promise is Too Good to Be True] // 当代世界 [Contemporary World]. No. 6: 72–73. (In Chinese).

王毅：要对美国的«印太经济框架»划一个大大的问号 [Wang Yi: A big Question Mark is over the US «Indo-Pacific Economic Framework»] (2022) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202205/t20220522_10690866.shtml (accessed: 20. 03. 2023). (In Chinese).

张琳 [Zhang Lin] (2022). 美国«印太战略»延伸下的«印太经济框架» [The «Indo-Pacific Economic Framework» in the Context of the Extension of the U.S. «Indo-Pacific Strategy»] // 中国外汇 [China Foreign Exchange]. No. 12: 74–75. (In Chinese).

2023年5月29日外交部发言人毛宁主持例行记者会 [Foreign Ministry Spokesperson Mao Ning Hosts a Regular Press Conference on May 29, 2023] (2023) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China.

URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhs1_673025/202305/t20230529_11085378.shtml (accessed: 15. 06. 2023). (In Chinese).

Николаев Николай Анатольевич

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ПОЛЯРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Аннотация: В данной статье рассматривается арктическое направление полярной политики Китая. Под полярной политикой КНР подразумевается научная, экспедиционная и экономическая деятельность в Антарктике и Арктике, объединяемых в Китае под термином «полярные регионы». ». Основным оператором полярной политики Китая выступает Государственное океанологическое управление КНР (ГОУ КНР), в то время как под арктической политикой Китая подразумевается международно-политическая и экономическая активность сугубо в рамках Арктики. Основными проводниками арктической политики выступают МИД КНР, Министерство коммерции КНР и Министерство природы КНР. Во-первых, в рамках научной деятельности предпринимается попытка разработать и выдвинуть идею самопозиционирования Китая как «сильной полярной державы» (цзиди цянью) в Арктике и Антарктике. Во-вторых, продолжается попытка интегрировать экономически приоритетный арктический вектор с научным и остальными направлениями в «новые стратегические рубежи», под которыми понимаются киберпространство, сферы космоса, полярных регионов и районов морского дна, где Китай имеет долгосрочный интерес. В-третьих, выработана общая нормативная база, регулирующая в том числе относительно самостоятельный экономический вектор в Арктике. После публикации в январе 2018 года белой книги «Политика Китая в Арктике» начался процесс выделения арктического вектора общей полярной политики КНР в отдельный политический курс в Арктике. Драйвером этого выступает заинтересованность Пекина в расширении экономического присутствия в регионе. Пекин убежден, что к 2040-2050 гг. центральная часть Северного Ледовитого океана освободится ото льдов, открыв для Китая возможность вести в этих «будущих международных водах» самостоятельную экономическую деятельность, освоение и добычу природных и биологических ресурсов, а также осуществление навигации по т. н. трансарктическому маршруту.

Ключевые слова: полярная политика Китая, политика Китая в Арктике, самопозиционирование Китая в полярных широтах, «сильная полярная держава», новые стратегические рубежи Китая

Автор: Николаев Николай Анатольевич, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии Наук (ИМЭМО РАН), nikolaev.na@imemo.ru

Nikolai Nikolaev

THE ARCTIC DIRECTION OF CHINA'S POLAR POLICY

Abstract: This article discusses the Arctic dimension of China's polar policy. China's polar policy encompasses scientific, expeditionary, and economic activities in Antarctica and the Arctic, collectively referred to in China as the «polar regions». The primary operator of

China's polar policy is the State Oceanic Administration (SOA) of the People's Republic of China. Meanwhile, China's Arctic policy involves international political and economic activities specifically focused on the Arctic. The principal actors are the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Commerce, and the Ministry of Natural Resources and Environment of the People's Republic of China. First, research efforts are underway to develop and advance the concept of China's self-positioning as a «strong polar power» (jidi qiangguo) in both the Arctic and Antarctic. Second, ongoing initiatives aim to integrate the economically prioritized Arctic vector with scientific and other domains into «new strategic frontiers», a term understood to include cyberspace, outer space, polar regions, and seabed areas—zones in which China maintains long-term interests. Third, a unified regulatory framework has been established, including provisions for the relatively autonomous economic agenda in the Arctic. With the publication of the white paper China's Arctic Policy in January 2018, it became evident that the process of delineating the Arctic vector from China's broader polar strategy into a distinct Arctic policy had commenced. The primary impetus for this separate Arctic policy is Beijing's interest in expanding its economic footprint in the region. A significant motivating factor is the belief that by the 2040s to 2050s, the central portion of the Arctic Ocean will become ice-free, thereby enabling China to engage in independent economic activities in these «future international waters». This includes the exploration and extraction of natural and biological resources, as well as navigation along the so-called trans-Arctic route.

Key words: China's polar policy, China's Arctic policy, China's polar self-positioning, «strong polar power», China's «strategic new frontiers».

Author: Nikolaev Nikolai, Junior Researcher, IMEMO, nikolaev.na@imemo.ru

Зачастую многие эксперты не различают арктическую и полярную политику Китая. Хотя цели, задачи, документы и инструменты реализации обоих направлений отличаются.

Научная деятельность в Арктике и Антарктике проводится или синхронизирована с исследованиями одних и тех же ученых из институтов, подведомственных и курируемых едиными госорганами КНР – Государственным океанологическим управлением (ГОУ КНР) и Китайским институтом полярных исследований (КИПИ). В первой половине 2010-х гг. на основе своих научных достижений за предыдущие годы Китай предпринимает попытку выдвинуть идею китайского самопозиционирования как «сильной полярной державы» (цзиди цяньго) в Арктике и Антарктике. Эта идея включает в себя:

– Политический курс Китая в Арктике и Антарктике, прежде всего его научный вектор, продолжает рассматриваться как одна из частей китайской политики в «четырёх новых стратегических рубежах», включающих в себя, помимо собственно полярных регионов, космос, Интернет, районы морского дна.

– Наличие общей нормативной базы, регулирующей в том числе относительно самостоятельный экономический вектор в Арктике.

После публикации в январе 2018 г. Белой книги Государственного совета КНР «Политика Китая в Арктике» начался процесс выделения арктического вектора общей полярной политики Пекина в отдельный политический курс в Арктике. Драйвером этого выделения выступает заинтересованность Пекина в расширении экономического присутствия в регионе. При этом важным стимулом для Пекина стала убежденность, что к 2040–2050-м гг. центральная часть Северного Ледовитого океана освободится ото

льдов, открыв для Китая возможность вести в этих «будущих международных водах» самостоятельную экономическую деятельность – освоение и добычу природных и биологических ресурсов, а также навигацию по т.н. трансарктическому маршруту.

К основным направлениям полярной политики КНР относятся:

- 1) продвижение Китаем самопозиционирования как «сильной полярной державы»;
- 2) развитие деятельности в «новых стратегических рубежах» Китая;
- 3) усиление возможностей экспедиционной деятельности, в том числе путем строительства новых ледоколов.

Важность осмысления данных направлений полярной политики Китая позволит лучше понять китайские планы в Антарктике и Арктике. Полученные выводы могут быть использованы при разработке и реализации российской политики в полярных широтах.

САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЯ КАК «СИЛЬНОЙ ПОЛЯРНОЙ ДЕРЖАВЫ»

У истоков формирования идеи «сильной полярной державы» стояли представители т.н. китайского «полярного сообщества». Они принимали активное участие в расширении присутствия Китая в Арктике, в первую очередь в годы работы Сюй Шаоши (2007-2013), министра земельных и природных ресурсов КНР, одного из ближайших соратников премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао (2003-2013) и по совместительству представителя неформальной политической фракции «комсомольцев» в КПК. К активным представителям этой группы также следует отнести заместителя директора Китайского института полярных исследований (КИПИ) Ян Хуэйгэна (2001-2008).

Развитие арктического научного сотрудничества, по словам западных экспертов, привело к тому, что знания, результаты исследований и научные данные становятся своеобразной «валютой» Арктики, которую неарктические государства путем признания своих заслуг и успехов стремились конвертировать в политическое влияние на арктические дела [Philip E. Steinberg, *Covering Kiruna*]. В свою очередь Пекин предпринимает попытку превратить свои «научные достижения» в политический ресурс для выстраивания «полярной» идентичности Китая, которая бы подчеркивала статус и роль страны в Антарктике и Арктике, а также подкрепляла бы значение вносимого КНР вклада в их научное освоение.

На фоне успехов реализации арктической научной деятельности Китая в 1990–первой половине 2000-х гг. на экспертном уровне изучены вопросы углубления вовлеченности и повышения статуса страны в полярных широтах. С середины 2000-х гг. формулируются подходы к определению новой внешнеполитической идентичности КНР, подчеркивающей его достижения и вклад в научное освоение Арктики и Антарктики.

В декабре 2005 года впервые с инициативой превращения Китая из «крупной» в «сильную полярную научно-исследовательскую державу» выступил Ян Хуэйгэн [Эксклюзивное интервью]. Идея была поддержана в экспертных кругах и получила развитие в рамках официального дискурса. Так, в апреле 2011 года подводя итоги участия Пекина в 4-м Международном полярном годе, министр земельных и природных ресурсов КНР Сюй Шаоши заявил, что «научные достижения» страны по освоению Арктики и Антарктики позволяют Китаю стать на путь превращения «в сильную полярную научно-исследовательскую державу» [Государственное океанологическое управление].

С начала 2012 года начинается новый этап – китайские экспертные круги пытаются концептуализировать озвученную Сюй Шаоши формулировку «сильной полярной научно-исследовательской державы». В январе 2012 года директор Государственного океанического управления (ГОУ) КНР Ли Цыгуй (2011–2014) выдвигает шесть задач по утверждению самопозиционирования Китая как «сильной полярной научно-исследовательской державы» [Лю Цыгуй выдвинул «шесть связей» ...], а именно обеспечить:

1) связь текущих социально-экономических потребностей с предложениями экспертов ГОУ КНР;

2) единство государственных интересов с научными в полярных широтах для достижения комплексного положительного эффекта;

3) планы краткосрочных и долгосрочных исследований в целях достижения высоких результатов;

4) разработку программ и развитие компьютерной техники, адаптированной к полярным условиям;

5) связь исследований в области охраны окружающей среды с освоением природных ресурсов;

6) практическую пользу от реализации результатов исследований в сфере экономического освоения полярных регионов.

Начавшееся обновление внешнеполитической стратегии Китая после смены руководства страны в марте 2013 года, а также одобрение заявки КНР в наблюдатели Арктического Совета (АС) в мае того же года способствовали переформулированию тезиса «сильной полярной научно-исследовательской державы» в «сильную полярную державу» (цзиди цяньго). В результате Китай отошел от опоры на «научные достижения» в сторону подчеркивания международно-политического статуса КНР в духе идей Си Цзиньпина.

Новая формулировка быстро входит в оборот официального и экспертного сообществ. В сентябре 2013 года на открытии Всекитайского симпозиума по полярным наукам целый ряд высокопоставленных лиц КНР назвали идею «строительства сильной полярной державы» одной из составляющих элементов морской стратегии Китая [Открытие Всекитайского симпозиума]. В ноябре 2014 года директор ГОУ КНР Лю Цыгуй (2011-2014) в своих разъяснениях тезисов речи Си Цзиньпина на церемонии встречи с экипажем ледокола «Сюэлун» в австралийском Хобарте отметил, что продвижение идеи «строительства сильной полярной державы» будет осуществляться в 2015-2030 гг. и с опорой на усиление нового арктического направления оно призвано внести вклад в превращение Китая в «сильную морскую державу новой эпохи» [Директор ГОУ КНР].

Однако такая интерпретация этой речи Си Цзиньпина вызвала опасения у западных экспертов. Особое беспокойство вызвал тезис о связи научно-исследовательской деятельности Пекина в полярных широтах с реализацией морской стратегии КНР, а также с планами военно-морского строительства до 2050 года [Brady].

Появление новой формулировки идеи – «сильная полярная держава» подчеркивает планируемое Пекином усиление долгосрочной деятельности в полярных широтах, в том числе возможную экономическую активность, а также пока менее реальную – военно-морскую. Подтверждением допускаемой нами экономической активности в рамках реализации идеи «строительства сильной полярной державы» выступают положения 13-го и 14-го пятилетних планов социально-экономического развития КНР. В частности, в документе сформулированы следующие задачи китайской политики в полярных широтах [Основные положения 13-го пятилетнего плана].

Во-первых, в рамках намечающегося расширения пространства голубой экономики в целях укрепления охраны окружающей среды и морских ресурсов планируется усиление разведки и освоения ресурсов в морских пространствах, углубление научных исследований и изысканий в полярных водах;

Во-вторых, в рамках совершенствования системы глобального экономического управления анонсируется активизация участия в разработке международных правил регулирования в полярных широтах и морском дне.

Китайские эксперты охарактеризовали содержание «полярного блока» 12-й и 13-й пятилеток как основу первого этапа «строительства сильной полярной державы», в рамках которого планируется повысить транспортно-технические возможности, оптимизировать систему управления, обеспечить материально-техническую базу передовым оборудованием, техникой исследования и экспедиции [Ма Ли].

В мае 2017 года принимается Декларация XXXIX Консультативного совещания по Договору об Антарктике при активной поддержке Австралии. В документе к 25-й годовщине Мадридского протокола [Протокол об охране окружающей среды] страны-участницы подтвердили «неоспоримую и безоговорочную» приверженность к его положениям, в том числе статье 7, запрещающей разработку минеральных ресурсов в Антарктике и её акватории до 2048 года [XXXIX Antarctic Treaty Consultative; Mining prohibition of the Protocol]. Это поставило «на паузу» развитие австралийско-китайского сотрудничества в антарктическом направлении.

Отсутствие упоминания идеи «строительства сильной полярной державы» в белой книге ГОУ КНР «Антарктическая деятельность Китая» 2017 года, на наш взгляд, свидетельствует о следующих изменениях в политике Пекина в полярных широтах.

Во-первых, можно предположить временный отход от реализации идеи «сильной полярной державы» из-за международного ажиотажа, вызванного её связью с реализацией морской стратегии КНР в полярных широтах и «строительством сильной морской державы».

Во-вторых, Китай откладывает попытки принять участие в совместном с Австралией и Новой Зеландией освоении минеральных ресурсов, т.е. ограничившись лишь научно-исследовательской деятельностью в Антарктике и её акватории. К тому же, по утверждению китайских дипломатов, действующий запрет на разработку антарктических минеральных ресурсов по Мадридскому протоколу дает Пекину необходимое время для подготовки к участию в их освоении [Во Илин]. Однако, как отмечают ведущие отечественные специалисты по международному морскому праву, пересмотр положений ст. 7 Мадридского договора даже после 2048 года представляется маловероятным с учетом различий интересов и потенциалов заинтересованных развитых и развивающихся государств [Гудев].

В-третьих, произошел сдвиг экономических интересов Пекина в сторону Арктики. Подтверждением этому выступает публикация Госсоветом КНР в январе 2018 года белой книги Госсовета КНР «Политика Китая в Арктике» (а не в целом полярной), в которой были изложены основные контуры экономической деятельности в регионе, а также продвигается многокомпонентная система арктического самопозиционирования Китая как «околоарктического государства», «важного заинтересованного государства-участника» и др. Отсутствие в документе упоминаний идеи «сильной полярной державы» демонстрирует временный отход от нее [Николаев]. Другим документом, подтверждающим этот сдвиг, выступает 14-й пятилетний план социально-экономического развития КНР с перспективными целями до 2035 года, где в рамках планируемого углубления участия в глобальном морском управлении

предусматривается вовлечение Китая в экономическое освоение Арктики и продвижение идеи «строительства Ледового Шелкового пути» [Основные положения 14-го пятилетнего плана]

В-четвертых, полярные широты и районы морского дна включаются в категорию т.н. «новых стратегических рубежей» (чжаньлюэ синьцзяньюй) – интернет, космос, полярные регионы и районы морского дна, где Китай в перспективе планирует усиливать свое присутствие. Реализация идеи «сильной полярной державы» является задачей долгосрочной перспективы (2015–2030/35), а «сильной полярной научно-исследовательской державы» (1989–2019) – промежуточной и среднесрочной. Причем промежуточная среднесрочная цель считается выполненной, об этом в октябре 2019 года на торжественном открытии Всекитайского симпозиума по полярной науке заявил директор ПИИК Ян Хуэйгэн, констатируя, что благодаря усилиям ученых в последние 30 лет Китай вошел в число «крупных полярных научно-исследовательских держав» [Чжан Цзянсунь].

Резюмируя эволюцию идеи «сильной полярной державы», стоит отметить, что она стала важной составной частью реализуемой КНР морской стратегии и планов военно-морского строительства до 2050 года.

О «ЧЕТЫРЕХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РУБЕЖАХ»

Тематика «новых стратегических рубежей» актуализируется в начале 2010-х гг. в контексте усиления конкуренции между странами за лидерство в Интернете, космосе, полярных широтах, районах морского дна. Толчок к актуализации вопроса китайского лидерства в этих сферах дал руководитель Центра оборонных и политических исследований Академии военных наук (АВН) Китая Чэнь Чжоу, который и ввел в научной оборот термин «новых стратегических рубежей». В декабре 2011 года Чэнь Чжоу отметил, что конкуренция за лидерство в «новых стратегических рубежах» перерастает в т.н. «мягкую борьбу» (жуань чжаньчжэн), которая географически расширяется до периферийных к Китаю стран Азии и Африки [Усиление глобальной конкуренции за ресурсы].

В 2013–2015 гг. в китайских экспертных кругах сложился консенсус, что Китаю необходимо обеспечить защиту своих приоритетных интересов в интернете, космосе, полярных регионах и районах морского дна. Так, в феврале 2012 года заместитель руководителя ГОУ КНР Чэнь Лян выступил с заявлениями о необходимости укрепления связи реализуемой Пекином морской стратегии с интересами Китая в «новых стратегических рубежах» [ГОУ КНР: Прилагать]. А в июле 2015 года принимается Закон о национальной безопасности КНР, в котором Пекин обозначил, что будет защищать свои интересы в этих рубежах [Закон о национальной безопасности КНР].

В 2015-2015 гг. обеспечена концептуальная связь задач «новых стратегических рубежей» с целями «строительства сильной морской державы и сильной полярной державы» [Ежегодный форум по полярной науке]. К октябрю 2016 года сформировалась консолидированная позиция о «четырех новых стратегических рубежах» в первую очередь как о сферах глобального управления [Интернет-пространство и глобальное].

Место Арктики в «новых стратегических рубежах» было определено профессором Юридического факультета Океанского университета Китая Лю Хуэйчжуном, которая отнесла Арктику к морской стратегии Китая в «новых

стратегических рубежах». По ее мнению, это обусловлено тем, что Пекин прежде всего планирует проводить самостоятельную политику в районах морского дна центральной части Северного Ледовитого океана в условиях «Арктики без льда». В этой связи последние районы следует рассматривать как один стратегический рубеж в рамках арктического региона, соединяющего полярные широты и районы морского дна [Лю Хуэйчжун]. В перспективе Лю Хуэйчжун видит эту версию как основу более широкого глобального сотрудничества, связывающего Мировой океан и Арктику [Лю Хуэйчжун]. Наблюдается консенсус и относительно тезисов Цю Циньчао и Ван Хаймэй, считающих, что рост геополитической значимости Арктики создает «новый рубеж» глобального сотрудничества, а не зону конфронтации [Цю Цинчао, Ван Хаймэй].

Таким образом, «четыре новых стратегических рубежа» – это обозначенные Пекином приоритеты и национальные интересы в сфере обеспечения безопасности и глобального лидерства. Арктика в этих рамках позиционируется как сфера глобального управления, связывающая остальные. Это иллюстрирует проект китайской спутниковой навигационной системы «Бэйдоу».

Включение Арктики в рубежи и растущая китайская активность в регионе демонстрирует, что регион рассматривается Пекином в качестве первостепенного приоритета.

Коммерческий интерес Китая к арктическим пространствам обусловлен постепенным ростом потребностей китайской экономики. Попытки вовлечения КНР в формирующуюся региональную систему экономического регулирования в Арктике являются частью китайской политики по реформированию глобального экономического управления.

НОРМАТИВНАЯ БАЗА АРКТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛЯРНОЙ ПОЛИТИКИ КНР

С середины 2010-х гг. в Китае идет формирование нормативной базы арктического вектора «полярной политики». Нормативными документами, определяющими характер арктического вектора общей китайской политики в полярных широтах, выступают Закон о национальной безопасности КНР, пятилетние планы, доклад Государственного комитета по делам развития и реформ КНР и ГОУ КНР «Размышления о строительстве морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояса и Пути» (2017). Арктический вектор находит следующее отражение в указанных документах:

1) в рамках п. 32 статьи 2 Закона о национальной безопасности КНР предусмотрены следующие меры [Закон о национальной безопасности КНР...]:

- продолжение мирного изучения и освоения районов международного морского дна и полярных широт за пределами Китая путем укрепления безопасности доступа к ним, проведения научных исследований, а также наращивания потенциала для их освоения;

- обеспечение защиты деятельности, имущества и других интересов Китая в районах международного морского дна и полярных широт.

2) в 13-м пятилетнем плане, утвержденном в марте 2016 года, поставлены следующие задачи [Основные положения 13-го пятилетнего плана]:

- усиление разведки и освоение ресурсов в морских пространствах, углубление научных исследований и изысканий в полярных водах в рамках намечающегося расширения пространства голубой экономики в целях охраны окружающей среды и морских ресурсов;

- активизация участия в разработке международных правил в регулировании дел в полярных широтах и районах морского дна.

При этом, согласно оценкам экспертов, содержание «полярного блока» 13-й пятилетки было охарактеризовано как основа первого этапа «строительства сильной полярной державы», в рамках которого планируется повысить транспортно-техническую мобильность, оптимизировать систему управления, обеспечить материально-техническую базу передовым оборудованием и техникой для проведения исследований и экспедиций [Лю Шэпин, Чжан Цзяньсун].

3) в новом 14-м пятилетнем плане с перспективными целями до 2035 года в его «полярном блоке» наблюдается следующее распределение задач [Основные положения 14-го пятилетнего]:

- вовлечение Китая в практическое сотрудничество в Арктике и продвижение идеи «строительства Ледового Шелкового пути» в рамках углубления участия в глобальном морском управлении;

- продолжение реализации научной повестки путем создания площадки по многомерному мониторингу за полярными широтами, а также с помощью строительства тяжелых ледоколов.

Важно заметить, что в 14-й пятилетке зафиксирован сдвиг в сторону экономической повестки. Одновременно строительство ледокола «Сюэлун-2» по западным и китайским оценкам уже воспринимается как шаг к созданию первого атомного авианосца или платформы для активизации военно-морской деятельности Китая в полярных широтах [Основные положения 14-го пятилетнего; Китай запустил проект строительства первого ледокола; Marc Lanteigne].

4) в докладе ГКРП КНР и ГОУ КНР «Размышления о строительстве морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояса и Пути» (2017) определены основные контуры идеи создания голубого экономического коридора, связывающего Китай с Европой через Северный Ледовитый океан.

Таким образом, видно, что нормативно-правовая база арктического вектора полярной политики более развита в сравнении с той правовой основой, которая формируется под отдельную арктическую политику. Формально точкой отсчета создания нормативной базы отдельной арктической политики можно считать публикацию в январе 2018 года белой книги Госсовета КНР «Политика Китая в Арктике».

Особенностью нормативно-правовой базы арктического вектора в рамках общей полярной политики выступает акцент на законодательное обеспечение защиты китайских интересов в полярных широтах, а также реализация этих документов через официальные документы Госсовета КНР, ГКРП КНР и ГОУ КНР.

О ПЛАНАХ НАРАЩИВАНИЯ ЛЕДОКОЛЬНОГО ФЛОТА КИТАЯ

В настоящее время Китай сформировал собственный ледокольный флот, состоящий из 5 действующих судов ледокольного класса и 1 строящегося атомного ледокола (см. табл.1). Главным оператором всех 5 судов выступает Полярный научно-исследовательский институт Китая (PRIC) при Государственном океанологическом управлении КНР. С 2018 года по заказу Китайской национальной ядерной корпорации (CNNC) ведется активная работа по строительству тяжелого атомного ледокола по проекту 22220 типа «Арктика» (ЛК-60Я). Ввод в эксплуатацию нового ледокола позволит КНР вести круглогодичную деятельность в любых ледовых условиях и

обеспечить второе место Пекину после России по мощности состава ледокольного флота.

Таб. 1. Ледокольный флот Китая

№	Наименование ледокола	Тип и класс ледокола	Водоизмещение	Оператор	Порт приписки
1.	«Сюэлун»	Многоцелевое ледокольно-транспортное судно снабжения проекта 10629 типа «Витус Беринг». На эксплуатации с 1994 г.	21250 т.	PRIC	Порт Цзяннань (Шанхай)
2.	«Сюэлун-2»	Научно-исследовательское судно ледокольного класса. Polar class – 3. На эксплуатации с 2019 года.	13 990 т.		
3.	«Цзи Ди»	Многофункциональный ледокол. Polar class – 6. На эксплуатации с 2024 г.	5700 т.		Порт Циндао
4.	«Таньсо Саньхао»	Глубоководное многофункциональное научно-исследовательское судно ледокольного класса. Polar class – 4. На эксплуатации с 2024 г.	10 000 т.		Порт Гуанчжоу

5.	«Чжун Шань Да Сюэ Цзи Ди»	Ледокольное буксирное судно снабжения. Построен в 1983 г. в Канаде, а в 2018 г. выкуплен КНР. На эксплуатации с 2021 года.	5853 т.	Университет имени Сунь Ятсена	
6.	«Сюэлун-3» (строится)	Многоцелевой тяжелый атомный ледокол. Polar class – 2.	25 000 т.	CNNC	-

Источник: составлено автором

Вопросы строительства новых ледоколов курирует Китайская государственная судостроительная корпорация (CSSC).

С 2018 года Пекин продолжает наращивать возможности собственного ледокольного флота путем строительства новых, а также технической модернизации и дооборудования действующих ледоколов. В 14-м пятилетнем плане социально-экономического развития (2021-2025), белой книге Госсовета КНР «Политика Китая в Арктике» (2018) и других официальных документах строительство ледокольного флота рассматривается как один из важных этапов реализации инициативы «Ледовый Шелковый путь» в Арктике. Китай планирует расширить технические возможности отечественного судоходства через арктические судоходные маршруты, в частности, через будущий трансарктический коридор по центральной части Северного Ледовитого океана (сейчас покрыт льдами), который будет пролегать в обход российского Северного морского пути и канадского Северо-Западного прохода.

Планы расширения ледокольного флота Китая способствовали аналогичным ответным мерам от США. Фактически Вашингтон и Пекин в Арктике ведут «гонку» по количеству и качеству ледоколов.

В 2019 году администрация президента США Д.Трампа запустила программу модернизации ледоколов, которая реализуется совместно с Финляндией и Канадой. В этих конфронтационных условиях Китай продолжит наращивать свой ледокольный флот, поскольку заинтересован в участии в реализации арктических добывающих проектов, например, в Гренландии.

Арктика по-прежнему остается частью китайской полярной политики, включающей отдельное международно-политическое самопозиционирование КНР в полярных широтах. Соответствующая политика связана с реализуемой Пекином морской стратегией и военно-морским строительством, развитой нормативной базой, государственной политикой безопасности и планами социально-экономического развития Китая, а также арктическим сегментом «четырёх стратегических рубежей».

Список источников и литературы

Гудев П.А. Проблемы системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты) // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2.

Николаев Н.А. Многокомпонентная система самопозиционирования Китая в Арктике: теория и практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 3. С. 260–275. DOI: 10.21638/spbu06.2024.302.

Brady A. The Rise of a New Polar Power // In: China as a Polar Great Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.1017/9781316832004.002.

Sørensen C.T.N. China as an Arctic Great Power. Potential Implications for Greenland and the Danish Realm // Policy Brief. Royal Danish Defence College. February 2018. P. 5. URL: <https://www.fak.dk/globalassets/fak/dokumenter/publikationer/-china-as-an-arctic-great-power---2018-.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).

Lanteigne M. The Changing Shape of Arctic Security // NATO Review. 28.06.2019. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (дата обращения: 09.08.2020).

Mining prohibition of the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty (Madrid Protocol) // Website of the Australian Antarctic Division. May 2019. URL: <https://www.antarctica.gov.au/about-antarctica/law-and-treaty/the-madrid-protocol/> (дата обращения: 03.05.2022).

Philip E. Steinberg, Johanne M. Bruun, Ingrid A. Medby. Covering Kiruna: a natural experiment in Arctic awareness // Polar Geography. 2014. Vol. 37. No. 4. P. 273–297. DOI: 10.1080/1088937X.2014.978409.

Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty. 04.10.1991. URL: <https://base.garant.ru/2541180/> (дата обращения: 07.02.2020).

XXXIX Antarctic Treaty Consultative Meeting Santiago Declaration on the Twenty Fifth Anniversary of the signing of the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty // Secretariat of the Antarctic Treaty. Santiago – Chile, 2016. P. 2. URL: https://documents.ats.aq/ATCM39/ad/ATCM39_ad003_e.pdf (дата обращения: 03.05.2022).

本报记者专访中国极地研究中心副主任杨惠根博士我国酝酿环球考察 // 大连晚报 [Интервью у заместителя директора Китайского центра полярных исследований Ян Хуэйгэня. Моя страна планирует кругосветную экспедицию // Dalian Evening News]. 2005 年 12 月 05 日. URL: <https://news.sina.com.cn/s/2005-12-05/00437617786s.shtml> (дата обращения: 27.08.2020).

海洋局：第四次国际极地年中国行动计划圆满结束 // 中央政府门户网站 (Государственное океанологическое управление КНР: План действий Китая по проведению Четвёртого Международного полярного года успешно завершён // Портал Центрального правительства Китая). 08.04.2011. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2011-04/08/content_1840104.htm (дата обращения: 27.08.2020).

刘赐贵对极地考察工作提出«六个结合»的要求 // 中央政府门户网站 [Лю Цыгуй предложил «шесть задач» для полярных экспедиций // Портал центрального правительства Китая]. 2012 年 01 月 09 日. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2012-01/09/content_2040075.htm (дата обращения 07.02.2020).

013 年中国极地科学学术年会召开 // 中国极地研究中心 (PRIC) [В 2013 году проведена ежегодная академическая конференция по полярной науке Китая // Китайский центр полярных исследований], 2013 年 09 月 26-29 日. URL: <http://www.pric.gov.cn/detail/News.aspx?id=1440d741-0486-4ab1-a6db-60e717df893e> (дата обращения 07.02.2020).

海洋局局长：从极地大国迈向极地强国 // 中央政府门户网站. 2014-11-19. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-11/19/content_2780849.htm (дата обращения 07.02.2020).

海洋局局长：学习贯彻习近平主席重要指示精神 // 中央政府门户网站 [Директор ГОУ КНР: изучить и реализовать важные указания председателя Си Цзиньпина // Портал центрального правительства Китая]. 2014-11-20. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-11/20/content_2781032.htm (дата обращения 07.02.2020).

马力《十二五中国将成为极地考察强国》// 新京报 [Ма Ли: «Китай станет центром полярных исследований в период 12-й пятилетки» // Beijing News]. 08-04-2011. URL: <https://www.bjnews.com.cn/detail/155143897514659.html> (дата обращения 07.02.2020).

吴依林 从南极条约体系演化看矿产资源问题 // 中国海洋大学学报(社会科学版) (У Илिनь: Проблемы минеральных ресурсов с точки зрения эволюции системы Договора об Антарктике // Журнал Китайского университета океанологии (социальные науки)). 2009, (05). URL: <https://gb.global.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=ZGHZ200905004&dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2009&v=> (дата обращения: 03.05.2022).

中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 // 中央政府门户网站 [Общая схема 13-го пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития КНР // Портал Центрального правительства КНР]. 17.03.2016. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (дата обращения: 03.05.2022).

中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要 // 中华人民共和国国家发展和改革委员会 [Основные положения 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития КНР и долгосрочные цели до 2035 года // Госкомитет по развитию и реформам КНР]. Март 2021. С. 81. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (дата обращения: 03.05.2022).

刘惠荣 《海洋战略新疆域的法治思考》 // 《亚太安全与海洋研究》 [Лю Хуэйжун. Правовые размышления о новых горизонтах морской стратегии // Азиатско-Тихоокеанская безопасность и морские исследования]. 2018. № 4. URL: <https://aoc.ouc.edu.cn/2020/0430/c9821a285759/pagem.htm> (дата обращения: 15.02.2021).

全球围绕资源«战略新疆域»博弈加剧«软战争»凸显 // 中国经济网微博 [Глобальная конкуренция за «стратегические новые рубежи» ресурсов усиливается, на первый план выходят «мягкие войны» // China Economic Net Weibo]. 28.12.2011. URL: <https://finance.sina.com.cn/roll/20111228/092911082109.shtml> (дата обращения: 07.02.2020).

国家海洋局：努力拓展海洋战略和利益«新疆域» // 新华网 [Государственное океанологическое управление КНР: стремление расширить новые границы морской стратегии и интересов // Синьхуа]. 26.02.2014. URL: <https://www.163.com/news/article/9M1ACKL100014JB5.html> (дата обращения: 07.02.2020).

徐庆超, 王海媚, 《21 世纪以来中国的北极研究: 进展与问题 – 徐庆超助理研究员访谈》 // 《国际政治研究》 [Сюй Цинчао, Ван Хаймэй. Арктические исследования Китая с XXI века: прогресс и проблемы – интервью с ассистентом исследователя Сюй Цинчао // Международные политические исследования]. 2021. № 4. С. 147.

URL: <https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2021-08/20210831164833748161.pdf> (дата обращения: 08.12.2021).

网络空间，全球治理《新疆域》 // 中国网 [Киберпространство — новый рубеж глобального управления // China.org.cn]. 11.10.2016.
URL: http://views.ce.cn/view/ent/201610/11/t20161011_16622882.shtml (дата обращения: 07.02.2020).

诗平、张建松 《国家海洋局：《十三五》期间初步达到世界极地强国水平》 // 人民网 [Лю Шипин, Чжан Цзяньсун. Государственное океаническое управление: выход на уровень мировой полярной державы в период 13-й пятилетки // Жэньминь жибао]. 28.10.2016.
URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2016/1028/c1001-28815488.html> (дата обращения: 07.02.2020).

《战略新疆域与国家安全》学术研讨会聚焦太空网络 // 中华人民共和国国家互联网信息办公室 [Научный семинар «Стратегические новые рубежи и национальная безопасность» сосредоточился на космических сетях // Информационный офис по киберпространству Китая]. 04.12.2015. URL: http://www.cac.gov.cn/2015-12/04/c_1117354623.htm (дата обращения: 07.02.2020).

中华人民共和国国家安全法 // 中央政府门户网站 [Закон о национальной безопасности КНР // Портал Центрального правительства КНР]. 01.07.2015.
URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (дата обращения: 07.02.2020).

张建松，刘诗平，《杨惠根：30年间，中国已跻身极地考察大国行列》 // 自然资源部 [Чжан Цзяньсун, Лю Шипин. Ян Хуэйгэнь: за 30 лет Китай стал крупнейшей полярной державой // Министерство природных ресурсов КНР]. 09.10.2019.
URL: https://www.mnr.gov.cn/dt/ywbb/201910/t20191010_2470230.html (дата обращения: 03.05.2022).

中国公开首艘核动力破冰船项目 为核动力航母扫平障碍 // 环球时报 [Китай представил первый проект атомного ледокола — шаг к строительству атомных авианосцев // Global Times]. 28.06.2018. URL: <http://www.cmfd.com.cn/index.php?c=show&id=788> (дата обращения: 05.02.2020).

极地科学年会：在《战略新疆域》要研究哪些新问题？ // 人民网 [Ежегодная конференция по полярной науке: какие новые вопросы следует изучать на «стратегическом новом рубеже»? // People's Daily Online]. 27.10.2016.
URL: <http://scitech.people.com.cn/n1/2016/1027/c1007-28813212.html> (дата обращения: 07.02.2020).

References

Brady, A. The Rise of a New Polar Power // In: China as a Polar Great Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.1017/9781316832004.002.

Gudev, P.A. Problemy sistemy Dogovora ob Antarktike (politiko-pravovye aspekty) [Problems of the Antarctic Treaty System (Political and Legal Aspects)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2021. No. 6: 91–103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2. (In Russian).

Lanteigne, M. The Changing Shape of Arctic Security // NATO Review. 28 June 2019.
URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (accessed: 9. 08. 2020).

Mining Prohibition of the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty (Madrid Protocol) // Australian Antarctic Division official website. May 2019. URL: <https://www.antarctica.gov.au/about-antarctica/law-and-treaty/the-madrid-protocol/> (accessed: 3. 05. 2022).

Nikolaev, N.A. Mnogokomponentnaya sistema samopozitsionirovaniya Kitaya v Arktike: teoriya i praktika [The Multicomponent System of China's Self-Positioning in the Arctic: Theory and Practice] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 17, No. 3. 2024: 260–275. DOI: 10.21638/spbu06.2024.302. (In Russian).

Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty. 4 October 1991. URL: <https://base.garant.ru/2541180/> (accessed: 7. 02. 2020).

Sørensen, C.T.N. China as an Arctic Great Power: Potential Implications for Greenland and the Danish Realm // Policy Brief. Royal Danish Defence College. February 2018: 5. URL: <https://www.fak.dk/globalassets/fak/dokumenter/publikationer/-china-as-an-arctic-great-power---2018-.pdf> (accessed: 7. 02. 2020).

Steinberg, P.E., Bruun, J.M., Medby, I.A. Covering Kiruna: A Natural Experiment in Arctic Awareness // Polar Geography. Vol. 37, No. 4. 2014: 273–297. DOI: 10.1080/1088937X.2014.978409.

XXXIX Antarctic Treaty Consultative Meeting Santiago Declaration on the Twenty-Fifth Anniversary of the Signing of the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty // Secretariat of the Antarctic Treaty. Santiago, Chile. 2016: 2. URL: https://documents.ats.aq/ATCM39/ad/ATCM39_ad003_e.pdf (accessed: 3. 05. 2022).

本报记者专访中国极地研究中心副主任杨惠根博士我国酝酿环球考察 [Interview with Dr. Yang Huigen, Deputy Director of the Chinese Polar Research Center: «China Plans a Global Expedition»] // 大连晚报 [Dalian Evening News]. 2005 年 12 月 05 日. URL: <https://news.sina.com.cn/s/2005-12-05/00437617786s.shtml> (accessed: 27. 08. 2020). (In Chinese).

海洋局：第四次国际极地年中国行动计划圆满结束 [State Oceanic Administration: The Fourth International Polar Year China Action Plan Successfully Completed] // 中央政府门户网站 [Central People's Government of the PRC]. 2011 年 04 月 08 日. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2011-04/08/content_1840104.htm (accessed: 27. 08. 2020). (In Chinese).

刘赐贵对极地考察工作提出«六个结合»的要求 [Liu Cigui Proposed «Six Combinations» for Polar Research Work] // 中央政府门户网站 [Central People's Government of the PRC]. 2012 年 01 月 09 日. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2012-01/09/content_2040075.htm (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

2013 年中国极地科学学术年会召开 [2013 China Polar Science Annual Conference Held] // 中国极地研究中心 [Polar Research Institute of China]. 2013 年 09 月 26–29 日. URL: <http://www.pric.gov.cn/detail/News.aspx?id=1440d741-0486-4ab1-a6db-60e717df893e> (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

海洋局局长：从极地大国迈向极地强国 [Director of the State Oceanic Administration: From a Major Polar Country to a Polar Power] // 中央政府门户网站 [Central People's Government of the PRC]. 2014 年 11 月 19 日. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-11/19/content_2780849.htm (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

海洋局局长：学习贯彻习近平主席重要指示精神 [Director of the State Oceanic Administration: Studying and Implementing President Xi Jinping's Important Instructions] // 中央政府门户网站 [Central People's Government of the PRC]. 2014 年 11 月 20 日.

URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-11/20/content_2781032.htm (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

马力 《十二五中国将成为极地考察强国》 [Ma Li: «China Will Become a Polar Research Power during the 12th Five-Year Plan Period»] // *新京报* [Beijing News]. 2011年04月08日. URL: <https://www.bjnews.com.cn/detail/155143897514659.html> (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

吴依林 从南极条约体系演化看矿产资源问题 [Wu Yilin: Mineral Resource Issues in the Evolution of the Antarctic Treaty System] // *中国海洋大学学报(社会科学版)* [Journal of Ocean University of China (Social Sciences Edition)]. 2009. No. 5. URL: <https://gb.global.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=ZGHZ200905004&dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2009&v=> (accessed: 3. 05. 2022). (In Chinese).

中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 [The 13th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the PRC] // *中央政府门户网站* [Central People's Government of the PRC]. 2016年03月17日. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (accessed: 3. 05. 2022). (In Chinese).

中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要 [The 14th Five-Year Plan and Long-Range Objectives through 2035 of the PRC] // *中华人民共和国国家发展和改革委员会* [National Development and Reform Commission of the PRC]. 2021年03月. P. 81. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (accessed: 3. 05. 2022). (In Chinese).

刘惠荣 《海洋战略新疆域的法治思考》 [Liu Huirong. Legal Reflections on New Maritime Strategic Domains] // 《亚太安全与海洋研究》 [Asia-Pacific Security and Ocean Research]. 2018. No. 4. URL: <https://aoc.ouc.edu.cn/2020/0430/c9821a285759/pagem.htm> (accessed: 15. 02. 2021). (In Chinese).

全球围绕资源«战略新疆域»博弈加剧«软战争»凸显 [Global Competition over «Strategic New Domains» of Resources Intensifies; «Soft War» Emerges] // *中国经济网微博* [China Economic Net Weibo]. 2011年12月28日. URL: <https://finance.sina.com.cn/roll/20111228/092911082109.shtml> (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

国家海洋局：努力拓展海洋战略和利益«新疆域» [State Oceanic Administration: Expanding Maritime Strategic and Interest «New Frontiers»] // *新华网* [Xinhua Net]. 2014年02月26日. URL: <https://www.163.com/news/article/9M1ACKL100014JB5.html> (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

徐庆超，王海媚 《21 世纪以来中国的北极研究：进展与问题——徐庆超助理研究员访谈》 [Xu Qingchao, Wang Haimei. China's Arctic Research since the 21st Century: Progress and Problems – Interview with Assistant Researcher Xu Qingchao] // 《国际政治研究》 [International Political Studies]. 2021. No. 4: 147. URL: <https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2021-08/20210831164833748161.pdf> (accessed: 8. 12. 2021). (In Chinese).

网络空间，全球治理«新疆域» [Cyberspace: A New Frontier of Global Governance] // *中国网* [China.org.cn]. 2016年10月11日.

URL: http://views.ce.cn/view/ent/201610/11/t20161011_16622882.shtml (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

诗平、张建松 《国家海洋局：《十三五》期间初步达到世界极地强国水平》 [Shi Ping, Zhang Jiansong. State Oceanic Administration: Reaching the Level of a World Polar Power during the 13th Five-Year Plan] // 人民网 [People's Daily Online]. 2016 年 10 月 28 日. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2016/1028/c1001-28815488.html> (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

《战略新疆域与国家安全》学术研讨会聚焦太空网络 [Academic Symposium «Strategic New Domains and National Security» Focused on Space and Cyber Networks] // 中华人民共和国国家互联网信息办公室 [Cyberspace Administration of China]. 2015 年 12 月 04 日. URL: http://www.cac.gov.cn/2015-12/04/c_1117354623.htm (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

中华人民共和国国家安全法 [National Security Law of the People's Republic of China] // 中央政府门户网站 [Central People's Government of the PRC]. 2015 年 07 月 01 日. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

张建松，刘诗平 《杨惠根：30 年间，中国已跻身极地考察大国行列》 [Zhang Jiansong, Liu Shiping. Yang Huigen: In 30 Years, China Has Become a Major Polar Research Power] // 自然资源部 [Ministry of Natural Resources of the PRC]. 2019 年 10 月 09 日. URL: https://www.mnr.gov.cn/dt/ywbb/201910/t20191010_2470230.html (accessed: 3. 05. 2022). (In Chinese).

中国公开首艘核动力破冰船项目 为核动力航母扫平障碍 [China Launches Its First Nuclear-Powered Icebreaker Project – A Step toward Nuclear Aircraft Carriers] // 环球时报 [Global Times]. 2018 年 06 月 28 日. URL: <http://www.cmfd.com.cn/index.php?c=show&id=788> (accessed: 5. 02. 2020). (In Chinese).

极地科学年会：在《战略新疆域》要研究哪些新问题？ [Annual Polar Science Conference: What New Questions Should Be Studied in the «Strategic New Domain»?] // 人民网 [People's Daily Online]. 2016 年 10 月 27 日. URL: <http://scitech.people.com.cn/n1/2016/1027/c1007-28813212.html> (accessed: 7. 02. 2020). (In Chinese).

МНОГОСОСТАВНЫЕ ОБЩЕСТВА, КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВ И КОНФЛИКТЫ ВОКРУГ ГРАНИЦ

Muhammad Taimur Fahad Khan

THE DURAND LINE AFTER 2021: CONSTRUCTED BOUNDARIES, SECURITY PRACTICES, AND CROSS-BORDER GOVERNANCE

Abstract: The Pakistan-Afghanistan border (also known as the «Durand Line»), drawn in 1893 between British India and Afghanistan, remains one of the most contested boundaries in international politics. Since the Taliban's return to power in 2021, its significance has deepened as a site where questions of sovereignty, identity, and security converge. This chapter examines the Durand Line through both constructivist and realist lenses. From a constructivist perspective, the Line functions not only as a territorial marker but as a socially constructed space, continuously redefined through discourse, colonial legacies, and the lived experiences of borderland communities. Postcolonial insights highlight how its contested legitimacy sustains Afghan narratives of resistance and Pakistani claims of legal inheritance. Realist approaches, meanwhile, illuminate the security dilemmas that harden the frontier: Pakistan's fencing projects, refugee deportations, and counterterrorism measures juxtaposed with Kabul's refusal to recognise the Line. By applying securitization theory, the chapter also demonstrates how migration and trade have been reframed as existential threats, legitimising extraordinary state practices. Complementing this, borderlands studies and Global IR perspectives reveal the hybrid governance of the frontier, shaped by local agency, informal trade, and regional powers. The Durand Line after 2021 thus exemplifies the paradox of «conflicting boundaries», physically fortified yet socially porous, underscoring how borders are simultaneously made, contested, and lived.

Keywords: Durand Line, Pakistan, Afghanistan, Taliban, Borders, Security, Economy, Regional stability

Author: Muhammad Taimur Fahad Khan, M. Phil (International Relations), Research Associate, Institute of Strategic Studies Islamabad (ISSI), Muhammad.taimur.khan@issi.org.pk

Borders are never just lines on a map. They are lived realities, shaped by history, politics, and the identities of the people who inhabit the spaces around them. The Pakistan-Afghanistan border or the 'Durand Line' (used interchangeably during this study), drawn in 1893 between British India and Afghanistan, continues to embody this complexity. For more than a century, it has been a source of dispute, carrying the legacies of colonial decision-making while also shaping the security and political landscape of the region. Its contested nature has made it one of the most enduring examples of how boundaries can simultaneously divide and connect [Ewans, pp. 121–25].

The events of 2021, marked by the Taliban's return to power in Kabul, have given the Durand Line renewed significance. For Pakistan, the border has remained central to efforts at countering militancy, regulating migration, and securing trade [USIP, 2022]. For Afghanistan,

it continues to represent an unresolved question of sovereignty and identity [Rubin, pp. 45–47]. Yet, beyond official policies and state narratives, the borderland communities on both sides experience the Line in more everyday terms: as a barrier to kinship ties, as a checkpoint for traders, and as a reminder of how decisions made more than a century ago continue to shape present lives [Haroon, pp. 200–210].

This study approaches the Durand Line through two lenses. A constructivist perspective highlights how the Line is not merely a territorial marker but a socially constructed boundary that influences how states and societies define themselves [Wendt, p. 391]. At the same time, realist concerns underscore the security dilemmas and territorial disputes that make the Line such a contentious and often volatile space [Mearsheimer, p. 29]. By combining these approaches, the chapter seeks to answer three guiding questions:

1. How has the meaning and function of the Durand Line changed since 2021?
2. What kinds of security practices and governance measures shape this border today?
3. How do constructed boundaries such as the Durand Line influence broader patterns of regional order?

In addressing these questions, the discussion begins with the historical roots of the Durand Line and its contested legitimacy. It then turns to the transformations that followed the Taliban's return, exploring how policies, security practices, and local dynamics have reshaped the border space. The final sections focus on cross-border governance and the interplay between identity, sovereignty, and security, situating the Durand Line within the wider category of «conflicting boundaries» in international studies.

HISTORICAL CONTEXT AND CONSTRUCTED LEGACIES

The origins of the Durand Line lie in the geopolitical rivalries of the late nineteenth century. In 1893, Sir Mortimer Durand, representing British India, and Amir Abdur Rahman Khan of Afghanistan signed an agreement that demarcated the spheres of influence between the two powers [Ewans, pp. 118–122]. The line cut through Pashtun tribal territories, dividing communities, and creating a frontier that neither reflected local realities nor gained enduring acceptance among Afghans [Gregorian, p. 153]. From its inception, the border was thus a political construct, designed to serve imperial interests rather than local needs.

After the creation of Pakistan in 1947, the status of the Durand Line became one of the most sensitive issues in Afghan-Pakistani relations. Kabul refused to formally recognise the boundary, arguing that it had been imposed under duress and had expired with the end of British colonial rule [Rubin, pp. 43–46]. Pakistan, however, inherited the border as a matter of international law and national security, viewing it as the legitimate frontier of the new state [Siddique, p. 210]. The competing positions hardened over time, fuelling periodic crises, and contributing to mistrust between the two neighbours.

Beyond the diplomatic exchanges, the Line also carried symbolic weight. For many Afghans, it became a reminder of colonial injustice and a rallying point for nationalist claims [Kakar, p. 97]. For Pakistan, by contrast, it symbolised territorial integrity and sovereignty, essential to the survival of the state amid regional uncertainty [Ahmed, pp. 32–34]. This clash of narratives reveals the socially constructed character of the border: while drawn on a map by imperial powers, its meaning has been continually reshaped by state discourses, nationalist ideologies, and the lived experiences of borderland communities.

From a postcolonial perspective, the Durand Line illustrates how colonial boundaries continue to shape the political imagination of post-independence states. As scholars of postcolonial international relations argue, such boundaries are not merely relics of empire but active structures that define sovereignty, belonging, and exclusion [Chatterjee, p. 10]. In Afghanistan, the refusal to accept the Line draws legitimacy from a narrative of resisting colonial impositions, positioning the Afghan state as the guardian of anti-imperial identity. In Pakistan, the inheritance of the Line represents an attempt to stabilise sovereignty through recognition of colonial-era treaties, thereby linking state legitimacy to international legal continuity.

Constructivist insights reinforce this interpretation. Borders like the Durand Line are not static markers but socially constructed institutions, whose meaning depends on the discourses that states and societies attach to them [Wendt, p. 396]. Competing Afghan and Pakistani narratives have ensured that the Line remains a site of political contestation, demonstrating how colonial legacies are reproduced and transformed through contemporary identity politics.

The legacies of colonialism thus remain deeply embedded in the politics of the Durand Line. Its contested legitimacy highlights how borders can endure as sites of both memory and conflict, shaping identities long after the circumstances of their creation have faded. The persistence of these legacies continues to influence how Pakistan and Afghanistan engage with each other in the twenty-first century.

THE DURAND LINE AFTER 2021: CHANGING POLITICAL LANDSCAPES

The Taliban's return to power in Kabul in August 2021 reshaped the dynamics surrounding the Durand Line. For Pakistan, this moment initially carried the hope of a more cooperative border policy, built on the assumption that a friendly government in Kabul would help stabilize cross-border relations [Rashid, pp. 256–258]. Yet the months that followed revealed a more complex reality. Despite shared religious and cultural ties, the Taliban resisted formally recognizing the border, maintaining continuity with previous Afghan governments that considered the Line illegitimate [Giustozzi, pp. 89–90].

Clashes soon erupted along the frontier, particularly as Pakistan accelerated its border fencing project. Reports of Taliban fighters dismantling parts of the fence and obstructing construction reflected Kabul's opposition to what it perceived as a unilateral measure to harden a disputed boundary [USIP]. For Islamabad, however, the fence was framed as a necessary step to counter cross-border militancy and enhance security, especially in light of escalating attacks attributed to the Tehrik-i-Taliban Pakistan (TTP) [Abbas, p. 112].

The dispute over the Line also spilled into the political and diplomatic realm. Taliban officials publicly emphasized Afghanistan's historical stance on the border, with senior leaders reiterating that Kabul does not recognise the Durand Line as an international boundary [O'Donnell]. This hardened the positions of both sides: Afghanistan continued to view the Line through the lens of sovereignty and national identity, whereas Pakistan approached it primarily as a security imperative and an international boundary inherited at independence.

At the same time, the Taliban takeover triggered new pressures on border governance. Refugee flows surged in the immediate aftermath of 2021, while restrictions on formal crossings strained both humanitarian channels and cross-border trade. The situation intensified after Islamabad announced large-scale deportations of undocumented Afghans in 2023-25, exposing many to insecurity and economic hardship upon return [HRW]. For

communities straddling the frontier, the result was increased uncertainty, as local economies and kinship ties were disrupted by the changing border environment.

The period after 2021 thus underscored the paradox of the Durand Line: even as it was being physically fortified, it remained politically contested and socially porous. The return of the Taliban did not resolve the boundary dispute but instead gave it fresh urgency, situating the Durand Line once again at the heart of Afghan-Pakistani relations.

SECURITY PRACTICES AND BORDER MANAGEMENT

In the aftermath of 2021, Pakistan intensified efforts to manage the Durand Line as a security frontier. The most visible element of this strategy has been the construction of a multi-layered fence along much of the 2,640-kilometer border. Designed to curb cross-border militancy and smuggling, the project reflects Islamabad's determination to transform a historically porous boundary into a controlled frontier [Grare, pp. 42–44]. Yet the fencing also sparked tensions with the Taliban, who viewed it as a unilateral step to harden a border they do not formally recognise [O'Donnell].

Security incidents along the frontier underline these challenges. The Tehrik-i-Taliban Pakistan (TTP) has exploited the rugged terrain and cross-border sanctuaries to intensify attacks inside Pakistan, complicating the task of policing the frontier [Abbas, pp. 156–160]. Periodic armed skirmishes between Pakistani forces and Taliban fighters at crossing points further underscore the volatility of the border space [USIP].

From a realist perspective, these dynamics exemplify the security dilemma. Measures intended by Pakistan as defensive such as fencing, patrols, and stricter border control are interpreted by the Taliban as offensive attempts to consolidate a disputed boundary. This misperception fuels reciprocal hostility, reinforcing the cycle of mistrust. As Jervis argues, when states cannot easily distinguish between defensive and offensive measures, even security-seeking actions may provoke instability [Jervis, p. 62]. The recurring clashes along the Durand Line after 2021 reflect precisely this logic of unintended escalation.

Another key dimension of border management has been the control of refugee flows. Following the Taliban takeover, hundreds of thousands of Afghans crossed into Pakistan, many seeking safety, livelihood, and transit opportunities. Islamabad's subsequent deportation drive in 2023-25 highlighted how migration management has become entangled with security narratives, as undocumented Afghans were increasingly portrayed as potential threats [HRW].

This process is well explained through securitization theory, as advanced by the Copenhagen School. By framing Afghan refugees not merely as humanitarian subjects but as existential risks to Pakistan's stability, state authorities were able to justify exceptional measures such as mass deportations and restrictions on mobility [Buzan et al., p. 24]. The securitization of migration thus transformed a social and economic challenge into a national security issue, legitimizing extraordinary practices at the border.

Trade and transit also form part of the security calculus. Pakistan has periodically closed major crossings such as Torkham and Chaman in response to clashes or diplomatic disputes, using trade access as leverage in its dealings with Kabul. In early 2024, for example, the Torkham crossing was shut down for several weeks before reopening with relaxed documentation requirements, underscoring how border management is closely tied to both security concerns and political negotiations [Express Tribune, 2024]. For local populations, these closures have disrupted livelihoods, demonstrating how securitization extends beyond military practices to encompass economic governance.

Taken together, these practices reveal the multifaceted nature of border security after 2021. The Durand Line functions not only as a line of defence against militancy but also as a site where migration, trade, and local economies are regulated through the language and logic of security. By situating these dynamics within both the realist framework of the security dilemma and the constructivist lens of securitization, we can see how material imperatives and discursive practices converge to harden the border.

CROSS-BORDER GOVERNANCE AND LOCAL INTERACTIONS

While much of the debate on the Durand Line focuses on sovereignty and security, the everyday realities of governance are equally important. For communities along the frontier, the Line is not only a symbol of contestation but also a practical space where rules, trade, and interactions are negotiated on a daily basis.

Informal trade networks have long sustained borderland economies. Goods ranging from fuel and foodstuffs to consumer items move through both licit and illicit channels, blurring the lines between commerce and smuggling [Marsden, p. 74]. These networks often serve as a lifeline for local communities, but they also complicate state efforts at regulation and revenue collection. Attempts by Pakistan to formalize border trade through customs posts and border markets have faced resistance due to high transaction costs, corruption, and the entrenched role of informal networks [Grawert et al., pp. 12–14].

Ethnic and tribal ties add another layer of complexity. The Pashtun populations straddling the border share kinship links, cultural practices, and religious affiliations that frequently override the hardening of the Line [Khan, pp. 88–90]. For many families, the border is both an obstacle and a bridge, dividing relatives yet allowing cross-border marriages, festivals, and community interactions to persist. These dynamics illustrate how governance is not only imposed by states but also shaped by the agency of local communities.

From the perspective of borderlands studies, the Durand Line represents a «hybrid space» where sovereignty is neither absolute nor singular. Instead, multiple actors such as state authorities, tribal networks, smugglers, traders, and humanitarian agencies negotiate overlapping forms of authority [Donnan and Wilson, p. 5]. This perspective challenges the conventional state-centric view of borders as fixed and impermeable, highlighting instead their role as sites of adaptation and negotiation.

Cross-border governance is further influenced by external actors. International organisations have been involved in managing refugee flows and humanitarian assistance, while regional powers such as China and Russia have expressed concerns about border stability in the context of counterterrorism and trade connectivity [Small, 2020]. Here, the insights of Global IR become relevant. Acharya argues that international studies must take into account non-Western experiences and local practices that shape order beyond Eurocentric frameworks [Acharya, p. 15]. The Durand Line, understood through Global IR, is not merely a case of unresolved boundary politics but an example of how regional actors and borderland communities jointly reshape the norms of governance in South and Central Asia.

Together, these dynamics reveal a paradoxical governance environment. On the one hand, Pakistan and Afghanistan seek to assert control through regulation, surveillance, and diplomacy. On the other hand, local actors and external stakeholders continue to shape how the border functions in practice. The Durand Line thus operates as a space of overlapping sovereignties and competing logics of governance, where state authority coexists uneasily with community practices and international interventions.

THE DURAND LINE AS A CONSTRUCTED SPACE

Beyond its function as a physical demarcation, the Durand Line is also a powerful example of how borders are socially and politically constructed. From a constructivist perspective, boundaries derive their meaning not simply from geography but from the ideas, narratives, and practices that states and societies attach to them [Wendt, p. 396]. In this sense, the Durand Line is both a cartographic line and a symbolic marker of contested sovereignty, identity, and legitimacy.

For Afghanistan, successive governments, including the Taliban, have framed the Line as an artificial imposition of colonial power, an argument that reinforces narratives of national resistance and independence [O'Donnell]. For Pakistan, by contrast, the border is cast as a legitimate and internationally recognised frontier, integral to state sovereignty and internal security [USIP, 2022]. These competing discourses demonstrate how borders are constructed not only through treaties and fences but also through language, policy, and the claims of political actors.

At the same time, realist perspectives remind us that the meaning of the Line cannot be separated from power politics. As Mearsheimer argues, the struggle for security and survival drives states to defend their borders, even when those borders are disputed [Mearsheimer, p. 29]. Pakistan's fencing, deportation policies, and militarization of crossings are rooted in such security logics, while Afghanistan's refusal to concede the Line is tied to its own quest for legitimacy and sovereignty. The juxtaposition of these positions highlights how material imperatives and constructed meanings intersect in shaping border politics.

The lived experience of communities along the Line also illustrates the socially constructed dimension of space. For many Pashtuns, the border is a reminder of division imposed from outside, yet it is also a space of interaction and negotiation that sustains family ties, trade, and cultural practices [Haroon, pp. 205–207]. Their narratives complicate state-centric perspectives, underscoring that the Durand Line is not merely a site of interstate contestation but also a social field where identities are constantly renegotiated.

Taken together, the Durand Line after 2021 exemplifies how boundaries are at once hardened by security practices and fluid in their social meanings. Constructivist insights allow us to see the border as more than a physical frontier, while realist perspectives explain why it remains militarised and contested. The interplay of these approaches suggests that the Durand Line's endurance lies not only in its geography but also in the competing narratives and practices that continually reconstitute its meaning in regional politics.

The Durand Line remains one of the most enduring examples of how boundaries are simultaneously constructed, contested, and securitized. More than 130 years after its creation, it continues to shape the politics of South Asia and beyond, not simply as a line of demarcation but as a space loaded with meaning. Its persistence underscores how borders are never only physical barriers: they are also narratives, practices, and instruments of power.

From a constructivist perspective, the Line illustrates the ways in which boundaries are sustained by discourse and identity. Afghan governments, including the Taliban, have invoked the Durand Line as a symbol of colonial injustice, reinforcing national narratives of resistance. Pakistan, by contrast, frames it as a cornerstone of statehood and sovereignty, a discourse that legitimizes its security practices and territorial claims. These competing constructions

ensure that the Line is constantly reimagined, demonstrating how the politics of space cannot be separated from the politics of identity [Wendt, p. 401].

At the same time, realist dynamics remain central. The struggle for security, survival, and control of territory drives state policies. Pakistan's fencing of the border, its deportation of Afghan migrants, and the militarization of crossings reflect the enduring logic of defensive realism [Mearsheimer, pp. 29–33]. Afghanistan's refusal to recognise the Line likewise reflects a power struggle rooted in sovereignty claims and the quest for legitimacy. The coexistence of these logics shows how the border functions at the intersection of ideas and material imperatives.

For borderland communities, however, the Durand Line is less a symbol of grand strategy than a lived reality. Their experiences, navigating trade, kinship, and everyday survival across a militarised frontier, remind us that the construction of space is not monopolized by states. Local practices and social interactions also imbue the border with meaning, often in ways that challenge or soften official narratives [Haroon, pp. 205–207].

The Durand Line after 2021 therefore exemplifies the paradox of «conflicting boundaries». It is hardened through fences, surveillance, and securitization, yet fluid through the identities, networks, and discourses that traverse it. It is a colonial artifact that has become central to contemporary geopolitics, a realist frontier that can only be understood through constructivist insights. As such, it demonstrates the need for international studies to approach borders not as static markers but as dynamic and contested spaces.

By situating the Durand Line within this broader theoretical frame, the chapter contributes to a deeper understanding of how constructed spaces continue to influence international order. It reminds us that boundaries endure not only because they are defended with force, but also because they are reproduced through meaning. In this way, the Durand Line offers both a cautionary tale and a conceptual lesson: borders are never just drawn, they are constantly made, unmade, and remade in the interplay of power and identity.

References

Abbas, H. *The Taliban Revival: Violence and Extremism on the Pakistan-Afghanistan Frontier*. New Haven: Yale University Press, 2014: 268 p.

Acharya, A. *Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018: 215 p.

Ahmed, F. *Ethnicity and Politics in Pakistan*. Karachi: Oxford University Press, 1998: 294 p.

Buzan, B., Wæver, O., and de Wilde, J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner, 1998: 239 p.

Chatterjee, P. *The Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories*. Princeton: Princeton University Press, 1993: 282 p.

Donnan, H., Wilson, T.M. *Borders: Frontiers of Identity, Nation and State*. Oxford: Berg, 1999: 293 p.

Express Tribune. Pakistan-Afghanistan border at Torkham to reopen today, document requirements to be relaxed // *The Express Tribune*, 23 January 2024. URL: <https://tribune.com.pk/story/2401057/pakistan-afghanistan-border-at-torkham-to-reopen-today-document-requirements-to-be-relaxed> (accessed: 19. 09. 2025).

Ewans, M. *Afghanistan: A Short History of Its People and Politics*. New York: HarperCollins, 2002: 244 p.

Giustozzi, A. *The Taliban at War: 2001–2021*. London: Hurst & Company, 2021: 304 p.

Grare, F. *Pakistan: The Resurgence of Baluch Nationalism*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013: 15 p.

Grawert, E., Rahimi, S., Strand, A., and Wakil, K. *Afghanistan's Cross-Border Trade with Pakistan: Informal Pathways and Policy Challenges*. Bonn: Bonn International Center for Conversion (BICC), 2017. (accessed: 12. 09. 2025).

Gregorian, V. *The Emergence of Modern Afghanistan: Politics of Reform and Modernization, 1880–1946*. Stanford: Stanford University Press, 1969: 586 p.

Haroon, S. *Frontier of Faith: Islam in the Indo-Afghan Borderland*. New York: Columbia University Press, 2007: 259 p.

Human Rights Watch (HRW). *Pakistan: Forced Returns Expose Afghans to Persecution, Destitution*. New York: HRW, 19 March 2025. URL: <https://www.hrw.org/news/2025/03/19/pakistan-forced-returns-expose-afghans-persecution-destitution> (accessed: 17. 09. 2025).

Jervis, R. *Cooperation Under the Security Dilemma // World Politics*. Vol. 30, No. 2. 1978: 167–214.

Kakar, H. *Afghanistan: A Study in International Political Developments, 1880–1896*. Lahore: Punjab University Press, 1971: 318 p.

Khan, A. *Politics of Identity: Ethnic Nationalism and the State in Pakistan*. New Delhi: Sage Publications, 2005: 212 p.

Marsden, M. *Trading Worlds: Afghan Merchants Across Modern Frontiers*. London: Hurst & Company, 2016: 432 p.

Mearsheimer, J.J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2001: 592 p.

O'Donnell, L. *The Taliban Want a Piece of Pakistan // Foreign Policy*, 20 February 2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/02/20/taliban-pakistan-afghanistan-border-dispute/> (accessed: 19. 09. 2025).

Rashid, A. *Descent into Chaos: The United States and the Failure of Nation Building in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia*. New York: Viking, 2008: 484 p.

Rubin, B.R. *Afghanistan from the Cold War through the War on Terror*. New York: Oxford University Press, 2013: 544 p.

Siddique, Q. *Pakistan's Future Policy Towards Afghanistan: A Look at Strategic Depth, Militant Movements, and Regional Dynamics*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2011: 72 p.

Small, A. *The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics*. London: Hurst & Company, 2020. URL: https://sanipanhwar.com/uploads/books/2024-08-28_13-13-44_7b5d180f329ca8d283936dc2e10a9009.pdf (accessed: 22. 09. 2025).

Pakistan's New Border Dynamics after the Taliban Takeover // United States Institute of Peace (USIP). Washington, DC: USIP, 2022. URL: <https://www.usip.org/publications/2022/01/after-talibans-takeover-pakistans-ttp-problem> (accessed: 22. 09. 2025).

Wendt, A. *Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization*. Vol. 46, No. 2. 1992: 391–425.

Сулейменов Андрей Русланович

ГРАНИЦЫ И ЭКСПАНСИЯ ДЖИХАДА: КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПРОПАГАНДЕ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА

Аннотация: Исследование посвящено тому, как материалы пропаганды радикального исламизма конструируют пространство. В фокусе внимания находятся периодические пропагандистские издания международной террористической организации «Исламское государство» (ИГ): журналы «Дабик» и «Румийя». На примере пространственных представлений радикальной пропаганды демонстрируются религиозно-политические установки данного объединения и усилия авторов пропагандистских материалов по созданию единого социокультурного пространства для аудитории с различным культурным бэкграундом. Фигурирующие в пропаганде радикалов географические обозначения, а также географические «точки сборки» идентичности свидетельствуют о намеренной архаизации пропагандистского дискурса конструируемого «халифата». Анализируется роль следующих политико-религиозных практик и концептов, оформляющих восприятие пространства в радикальной пропаганде: обвинение в вероотступничестве (практика такфира), разделение мира на «дар аль-ислам» и «дар аль-харб», а также концепция «джахилийи» (состояние «невежества» до-исламского общества). Особая роль в пропагандистских изданиях отведена сирийскому городу Дабик, располагающемуся на северо-западе страны. В соответствии с распространяемым пропагандистскими медиа террористов пророческим хадисом, именно в окрестностях этого города должна произойти последняя битва крестоносного войска и небольшого отряда праведных мусульман, после которой начнется Апокалипсис. Также анализируется установка на совершение хиджры, обязательного переселения на территории «халифата», которое пропагандистскими изданиями исламистов освещается как «фард аль-айн», личный долг каждого правоверного мусульманина. Помимо символического аспекта пространственных представлений пропаганды «Исламского государства», в статье освещены практики организации пространственного деления территорий «халифата» в период с 2014 по 2019 гг.

Ключевые слова: радикальный исламизм, пропаганда, Исламское государство, терроризм, пространство, вооруженный джихад, образ врага, историческая память, Халифат

Автор: Сулейменов Андрей Русланович, аспирант/соискатель, младший научный сотрудник, преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ННГУ), andrey_sul@mail.ru

Andrey Suleymenov

BORDERS AND EXPANSION OF JIHAD: SPACE IN THE PROPAGANDA OF RADICAL ISLAMISM

Abstract: The study is devoted to the analysis of the principles of spatial organization found in the materials of radical Islamist propaganda. The primary focus is on the periodic propaganda publications of the terrorist organization «Islamic State»: the magazines Dabiq and Rumiya. An examination of how spatial representations are constructed in radical propaganda reveals the religious and political orientations of this organization, as well as the efforts of propaganda authors to create a unified socio-cultural space for an audience with diverse cultural backgrounds. The geographical references appearing in radical propaganda, along with the geographical «assembly points» of identity, reflect a deliberate archaization of the discourse surrounding the constructed «caliphate». This study analyzes the role of political and religious practices and concepts that shape the perception of space in radical propaganda, including: the accusation of apostasy (takfir), the division of the world into dar al-Islam and dar al-harb, and the concept of *jahiliyyah* (the state of pre-Islamic «ignorance»). A special role in propaganda publications is assigned to the Syrian city of Dabiq, located in the northwest of the country. According to a prophetic hadith disseminated by terrorist propaganda outlets, it is in the vicinity of this city that the final battle between the crusader army and a small contingent of righteous Muslims is prophesied to occur—an event that will herald the beginning of the Apocalypse.

Key words: Radical Islamism, propaganda, Islamic State, terrorism, space, Military Jihad, enemy image, historical memory, Caliphate

Author: Suleymenov Andrey, Junior Researcher, Lecturer, Lobachevsky University

Негосударственные акторы Ближнего Востока подчас обнаруживают большую политическую активность и жизнеспособность, нежели региональные государства – традиционные участники политического процесса. В некоторых случаях оппозиционные организации и движения предлагают собственные проекты трансформации регионального ландшафта, несовместимые с идеей светского государства.

Амбициозная попытка построения альтернативного общественного устройства была предпринята международной террористической организацией «Исламское государство» (ИГ) в течение краткого, но бурного периода экспансии. Около четырех лет на территории Сирии и Ирака существовал т.н. «халифат», руководство которого позиционировало себя как истинных продолжателей дела Пророка и реформаторов-восстановителей утраченного величия Праведного халифата.

Данное исследование посвящено представлениям об организации пространства в пропагандистских изданиях «Исламского государства»: периодических журналах «Дабик» и «Румийя». В условиях чрезвычайного многообразия своих сторонников и их различного социокультурного базиса джихадистская пропаганда столкнулась с необходимостью формирования единой картины мира, в том числе – с помощью выработки понятной аудитории символически нагруженной организации пространства. Именно пространство является маркером коллективной идентичности: отношение членов группы к тому или иному набору географических координат как к «нашей / чужой», «дружественной / враждебной» земле закладывает фундамент политико-религиозной общности, формируемой джихадистской пропагандой.

В нашей работе мы последовательно рассмотрим два измерения пространственных представлений в пропагандистских изданиях религиозных радикалов. Первый аспект условно можно обозначить как «материальный»: анализ данной составляющей пространственных представлений фокусируется на образе

территорий, подконтрольных боевикам в период активной деятельности обозначенных изданий (2014-2017 гг.). Второй аспект, интересующий нас в большей степени, можно определить как «символический»: под ним мы понимаем символическую нагрузку конкретных фигурирующих в пропагандистской деятельности территорий, связанные с данными территориями практики, а также политико-религиозные доктрины, влияющие на представление пространства в пропаганде радикалов.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Провозглашение «халифата» (а точнее, идея его восстановления с явным оммажем Аббасидскому периоду) 29 июня 2014 года стало едва ли не самым большим медийным успехом радикального исламизма, поспорить с которым могут лишь видеохроника 11 сентября 2001 г. и кадры из захваченного талибами Кабула в августе 2021 г. Незадолго до этого дня одна из наиболее непримиримых группировок охваченного хаосом Арабской весны Ближнего Востока захватила иракские города Тикрит, Мосул и Самарру.

Именно в Мосуле над зданием захваченного турецкого посольства был поднят черный флаг «Исламского государства» – бывшего «Исламского государства Ирака и Леванта», а до событий Арабской весны – «Отделения аль-Каиды в Ираке». Смена названия ярко продемонстрировала амбиции организации: региональные устремления руководство группировки сменило на общемировые. В отличие от аль-Каиды, своей материнской организации, руководство ИГ фокусировалось не на зрелищных атаках противника на его территории (подобно уничтожению башен Всемирного торгового центра или серии терактов в метро Лондона), но на установлении военного и административного контроля на территориях непосредственного функционирования.

В переписке высших функционеров аль-Каиды и тогда еще подконтрольного ей иракского филиала заметно очевидно разное понимание стратегии долговременного джихада: руководство аль-Каиды настаивало на медленном, последовательном захвате территорий через приобретение симпатий местных жителей, допуская даже определенные компромиссы (в том числе и с шиитской частью населения). Руководство головной организации в лице Аймаана аз-Завахири убеждало своих иракских визави в необходимости планомерного встраивания в религиозно-политическую конфигурацию региона, а не широкой вооруженной экспансии и установлении жесткого административного контроля [Zawahiri's letter]. Однако погружение региона в хаос Арабской весны и длительная гражданская война в Сирии создали все условия именно для стремительного наступления джихадизма широким фронтом, которое в итоге и привело к захвату боевиками «Исламского государства» ряда сирийских и иракских агломераций.

Глобалистские намерения новой силы не ограничивались исключительно Ближним Востоком: вскоре в обилии были созданы новые «фронты джихада», охватившие своей географией всю Африку и Евразию. Пожалуй, единственными материками, на территории которых не был провозглашен очередной вилайят «Исламского государства», остались две Америки и Антарктида.

Пропагандистские издания ИГ довольно подробно освещали гражданскую жизнь на подконтрольных территориях, уделяя место и особенностям административного аппарата новосозданных провинций. Во времена расцвета «халифата» фронты ИГ действовали в столь отдаленных от Ближнего Востока регионах, как Филиппины и Северный Кавказ. Однако эти экзотические вилайяты, провозглашаемые на дальних

рубежах джихада, присутствуют в пропаганде ИГ лишь как фронтир, место отчаянного боя. Подробности об организации мирной жизни на религиозных принципах и под руководством военно-гражданских администраций практически отсутствуют в материалах периодических изданий, чего нельзя сказать о «центральных территориях» ИГ.

В наиболее отдаленных от центра деятельности джихадистов территориях, таких как Филиппины, «халифат» стал своеобразным брендом, под которым могли объединиться разнообразные оппозиционные и сепаратистские течения. В случае российского Северного Кавказа идея построения глобального исламского государства вошла в конкуренцию с идеями религиозно-сепаратистской группировки «Имарат Кавказ», которая в значительной мере являлась продолжением ичкерийского проекта (несмотря на провозглашенный лидером группировки Доку Умаровым в 2007 г. отказ от ичкерийского наследия) [Провозглашение Имарата Кавказ: отречение от тагута]. В 2015 году радикальный исламизм на Северном Кавказе пережил раскол, когда ряд полевых командиров «Имарата Кавказ» присягнул на верность «халифу» Абу Бакру аль-Багдади. Территории, находящиеся под действительным, а гораздо чаще – номинальным контролем принесших присягу полевых командиров, немедленно включались в перечень провинций-вилайятов растущего «халифата».

Таким образом, Исламское государство даже в годы наибольшей территориальной экспансии представляло собой гибридное квазигосударственное образование, обладающее как реальным контролем над физическими территориями, так и являющееся организатором локальных террористических групп и ячеек на периферии исламского мира [Голунов-а, с. 20.]. Данное обстоятельство позволяет некоторым авторам утверждать о постмодернистской, а не традиционалистской природе выстраиваемого радикалами «халифата» [How to think about Islamic State].

Первоначально созданное на территории Ирака и Сирии с номинальной столицей в городе Ракка ИГ на пике своего развития контролировало около 105 тыс. км² с населением примерно в 10 млн. человек. Совместные усилия противников «Исламского государства» постепенно низвели контролируемую боевиками территорию до 45 тыс. км² с населением около 2,5 млн. человек к зиме 2016-2017 г. [Голунов-б, с.91]. Последний значимый оплот ИГ на территории Сирии, город Багуз-Фукани, был взят подразделениями Сирийских демократических сил (SDF) в феврале 2019 года. С утратой контроля над Багуз-Фукани проект «халифата» как постоянного военно-административного контроля территорий Ближнего Востока утратил актуальность. Возможно, военное поражение в какой-то мере даже сыграло на пользу организации: так, с именем первого «халифа», Абу Бакра аль-Багдади, связан не только временный серьезный успех «Исламского государства», но и его провал в Леванте. Фигура погибшего в бою «халифа» предоставляет больше символических ресурсов, нежели сам живой аль-Багдади. В настоящее время группировка проявляет значительную активность в регионе Сахеля.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТРАНСТВА

Анализ непроговариваемых, имплицитных характеристик пространства радикальной пропаганды способен выявить сущностно важные черты «Исламского государства», выделяющие его из ряда множества иных группировок радикального исламизма.

Прежде всего необходимо обратить внимание на географические «точки сборки идентичности», присущие пропаганде ИГ. Сама суть организации, позиционирующей себя как универсальное исламское государство, не ограниченное концепцией национальных границ, имеет следствием привлечение в ряды боевиков выходцев с различным социальным и культурным бэкграундом. Так, журнал «Дабик» часто публиковал истории сторонников ИГ со всего мира, решивших присоединиться к вооруженному джихаду в Сирии.

Разнообразие культурных установок сторонников можно нивелировать путем привития единой картин мира, задания общей системы координат, в том числе и географических. Конструируемая картина мира в данном случае должна быть максимально доступна наибольшей аудитории и в силу этого не содержать сложных политических конструкций. Такими смысловыми узлами, географическими точками сборки идентичности в нашем понимании являются два наиболее важных фигурирующих в пропаганде радикалов города: Дабик и Рим.

Роль *axis mundi*, опорного столпа мироздания, отведена поселению Дабик, небольшому городу на северо-западе провинции Алеппо. Джихадистская пропаганда и, в более широком смысле, идеология ИГ, основана на эсхатологическом хадисе о последней битве небольшого войска мусульман против войск «римлян», которая должна произойти именно вблизи Дабика. Данный город дал название первому периодическому изданию исламистов, распространяемому посредством интернет-сети.

Согласно хадису, гибель защитников города в неравном противостоянии является инициатором Армагеддона. Дабик централизует пространство глобального джихада: противоборство на отдаленных фронтах (Филиппины, Африка, Кавказ) является лишь обрамлением грядущего последнего сражения. Взятие города, а также пленение в его окрестностях представителей Коалиции послужило причиной восторга в периодической печати джихадистов – «крестоносцы» появились в области Дабика, свидетельствуя об истинности пророчества. Тем не менее, базирование на «пророческой методологии» (о чем не устают напоминать пропагандистские материалы) не означает неспособности исламистов к рациональным действиям. Так, войска ИГ не стали оборонять город, а оставили его практически без боя; утрата Дабика имела следствием лишь выход нового журнала под названием «Румийя».

Название нового издания отсылает нас к иному маркеру пространства пропаганды – Риму. В отличие от Дабика, образ Рима не наполнен эсхатологическим смыслом, но лишь обозначает направление грядущей экспансии. Если номинальная «столица халифата», город Ракка, воплощала в себе идеальное государство времен праведных халифов, Дабик был обещанием грядущей метафизической победы, то Рим стал символом «чужих» земель, целью предстоящей экспансии.

Потенциальной территорией вооруженного наступления Исламского государства является весь мир. Так, в одном из интервью, собранных Ю. Тоденхёфером в захваченном боевиками Мосуле, боец ИГ сообщает о грядущем завоевании Германии, родины журналиста [Тоденхёфер]. Для легитимации экспансионистских идей Исламским государством активно применяется концепция джахилии («невежества», состояния общества до распространения ислама), а также принцип такфиризма. В соответствии с двумя данными положениями, все немусульманские территории воспринимаются в качестве законной цели распространения религии (в том числе и вооруженным путем). Такфир – практика обвинения в отпадении от религии, впадение в неверие. Одним из самых тяжких грехов в исламе является предательство сотоварищей по Аллаху, переход в многобожие и нарушение принципа таухида

(монотеизма). В восприятии радикальных фундаменталистов, свидетельством такого греха является оспаривание суверенитета Аллаха: к примеру, принятие светского законодательства. Таким образом, правительства даже региональных государств с преобладающим суннитским большинством в представлении пропаганды Исламского государства не обладают легитимностью и являются законными целями для вооруженного джихада. Очевидно, что принцип обвинения противников либо в отпадении от веры, либо в нахождении в состоянии невежества-джахилии не ограничен никакими территориальными рамками и может быть применен по отношению к любой государственной структуре. В свою очередь, находящаяся под контролем боевиков территория в средствах пропаганды представлена как образец политико-религиозного устройства общества по заветам Корана.

Совершая краткий обзор основных компонентов пространства пропаганды радикального исламизма, необходимо остановиться и на противоположности сакральному пространству «Дар аль-Ислам» – «Дар аль-харб», территории войны. Земля неверия, как уже упоминалось нами ранее, является вторым компонентом бинарной оппозиции пространств, положенной в основу радикального исламизма. Территория джахилии, «невежества», не имеет четких границ и подвижна в зависимости от успехов/неудач исламистов. Не-исламское пространство обладает следующими характеристиками в пропагандистских материалах:

1. Хаос и неупорядоченность;
2. Общая греховность образа жизни;
3. Опасность не только для души «истинно верующего», но и угроза его физической безопасности.

В противопоставлении «Дар аль-ислам» и «Дар-аль харб» четко прослеживается отмеченная М.Ю. Лотманом идея избранности, вытекающая из оппозиции «святое-грешное / свое-чужое» [Лотман, с. 255-265]. Вне зависимости от этно-религиозных характеристик или государственной принадлежности, все земли Джахилии обладают значением греховности, и непригодны для жизни верующего. Даже в случае принадлежности территории к исламскому миру, ее «очищение» происходит только с переходом под контроль «Исламского государства». Изменение нравственного статуса индивида связано с перемещением из пространства греховности в пространство святости. Сторонникам «Исламского государства» предписана реализация этого перехода посредством совершения хиджры, переселения на контролируемые боевиками территории.

Как правило, процесс перемещения, выход из профанного пространства связан со множеством лишений, в обилии описанных на страницах журанлов «Дабик» и «Румийя». Пространство Джахилии не выпускает потенциального мухаджира, предлагая ему множество соблазнов; переселенцы в своем трудном и долгом пути на земли «халифата» претерпевают множество трудностей и опасностей. Принцип аскетизма и самоограничения – неотъемлемая характеристика сакрального. Сознательно ограничивая себя в получении мирских удовольствий, индивидуум совершает обмен профанных благ на эквивалентное количество сакральных [Кайуа, с. 159].

В период активного роста территорий Исламского государства совершение хиджры представлялось пропагандистскими материалами как высший личный долг (фард аль-айн) каждого мусульманина. Однако по мере сокращения подконтрольных боевикам территорий идея перемещения в регион боевых действий (Левант) уступила

место призыву к совершению индивидуального джихада в родных регионах сторонников исламистов.

Наряду с важной задачей убеждения аудитории в построении сильного государства на землях Леванта и донесения дихотомической картины разделения мира на «Дар аль-ислам» и «Дар-аль харб», пропаганда исламистов приложила значительные усилия к освещению деконструкции границ региона, во многом установленных волей колониальных западных держав. Разрушение национальной границы между Сирией и Ираком в пропаганде исламистов является важнейшим, эпохальным событием для истории уммы. Так, для более убедительной демонстрации ухода в прошлое разделенности арабского мира созданная боевиками вилайят Евфрат располагалась по обе стороны границы между Сирией и Ираком [ISIS's Financial and Military Capabilities]. Однако преодолеть управленческие трудности администрации «халифата» удалось не в полной мере: подконтрольная ИГ территория в регионе Леванта сохраняла разделение на два крупных наместничества (более крупных, нежели провинции, административных образования): сирийское и иракское – каждое со своим наместником [Голунов-б, с. 88].

Еще одной значимой характеристикой пространства в пропаганде изданий радикальных исламистов является его высокая насыщенность архаическими смыслами. Так, Иберийский полуостров зачастую именуется как Аль-Андалус, а вооруженное противостояние на землях Леванта представлено как продолжение экспансии крестоносных государств. Отсылка к архаическим концепциям в целом характерна для исламистской пропаганды. Так, в первом номере русскоязычного издания исламистов «Исток» легитимность власти новоизбранного «халифа» подтверждается выстраиванием преемственности между четырьмя праведными халифами (VII-VIII вв.) и приходом к власти Абу Бакра аль-Багдади [Сулейменов, Рыжов, 2022]. Кроме того, отметим, что сама кунья, исламское имя нового халифа, отсылает к полководцу времен стремительного роста ислама – Абу Бакра ас-Сиддика.

Значимой категорией для понимания особенностей восприятия пространства радикальными исламистами является концепция рибата. Данным понятием обозначается служение в самом широком смысле этого слова. Изначально под рибатом понимался форпост на границе исламских территорий. Однако в пропаганде «Исламского государства» термин значительно расширяется. Так, обязанность несения службы на рибате («или выезд на рибат») подразумевает нахождение как на самой линии фронта, так и выполнение административных обязанностей в тылу, вдали от прямого соприкосновения с противником. Как и в случае с хиджрой, «выезд на рибат» представляется как личная обязанность каждого правоверного мусульманина. Таким образом, не только весьма условная линия фронта, но и вся территория «халифата» (на момент существования периодической печати исламистов и деятельности на территории Сирии) представлена как место сакрального подвига и исполнения религиозного долга.

Проект возрожденного глобального общемусульманского халифата, выстраиваемый «Исламским государством» на территории Сирии и Ирака в период активной экспансии, потерпел военное поражение в регионе Ближнего Востока. Наиболее отдаленные от центральных территорий «фронты» и «вилайяты» ИГ существовали преимущественно в виртуальной форме: несмотря на активные боевые

действия (такие, как захват боевиками филиппинского города Минданао), отдаленные провинции ИГ не имели настоящей административной связи с подконтрольными исламистам регионами Леванта. Неспособность «халифата» осуществлять масштабные скоординированные операции в масштабе нескольких «фронтов» свидетельствует больше о медийной выгоде, которую приобретало руководство «халифата» и присягнувшие ему полевые командиры региональных террористических организаций. «Исламское государство» являлось скорее брендом глобального джихада, под которым могли объединиться разнообразные, наиболее непримиримые и стоящие на позициях фундаментализма террористические акторы. Вместе с тем, значительный опыт, приобретенный функционерами ИГ как в противостоянии государственным вооруженным силам, так и в управлении территориями со значительным населением (более миллиона человек только в Мосуле), может быть использован организацией в продолжающемся противостоянии на территории Африки, куда переместилась значительная часть структур «халифата».

Разработанная пропагандистами «Исламского государства» пространственная и временная картина мира призвана была сплотить совершивших переселение на земли «халифата» боевиков из различных регионов мира, сформировать единое понимание ценностей и принципов в условиях различающихся культурных установок своих сторонников. Немаловажную роль в этом процессе сыграли мессианские установки (стремление к захвату Дабика и подтверждения эсхатологического пророчества), а также апелляция к прошлому, ушедшему «золотому веку» исламской цивилизации. Впрочем, как показывает история вооруженного противостояния в Сирии, взятие правительственными войсками ключевых «точек сборок» идентичности (сакрального города Дабик, «столицы» ИГ Ракки и густонаселенного Мосула) не нанесли фатального удара по идеологической картине радикальных исламистов, которые лишь отказались от построения государства на территории Сирии и перенесли свою деятельность в новые регионы мира.

Список источников и литературы

Голунов С.В. Апелляции к прошлому в политике «Халифата исламского государства» // Известия АлтГУ. 2020. № 6 (116). С. 17–21.

Голунов С.В. Террористический «халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации // Полития. 2020. № 2 (97). С. 87–101.

Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Семиосфера. Санкт-Петербург: «Искусство—СПБ», 2000. С. 255–265

Провозглашение Имарата Кавказ: Отречение от Тагута // Кавказ.Центр. URL: <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2020/10/07/119352/znaj-svoyu-istoriyu--provozglashenie-imarata-kavkaz-otrechenie-ot-taguta--.shtml> (дата обращения: 02.06.2023).

Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

Сулейменов А.Р., Рыжов И.В. Пространственно-временные характеристики в пропаганде радикальных исламистов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 50–51.

Тоденхефер Ю. Десять дней в ИГИЛ. М.: Эксмо, 2017. 320 с.

How to think about Islamic State // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/24/how-to-think-about-islamic-state> (дата обращения: 01.06.2023).

ISIS's Financial and Military Capabilities. 2014 // The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center. URL: http://www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf (дата обращения: 03.06.2023).

Zawahiri's Letter to Zarqawi // Combating Terrorism Center at West Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zargawi-original-language-2/> (дата обращения: 01.06.2023).

References

Caillois, R. (2003). Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe [Man and the Sacred. Myth and Man]. Moscow: OGI: 296 p. (In Russian translation).

Golunov, S.V. (2020). Apellyatsii k proshlomu v politike «Khalifata islamskogo gosudarstva» [Appeals to the Past in the Policy of the «Caliphate of the Islamic State»] // Izvestiya AltGU. No. 6 (116): 17–21. (In Russian).

Golunov, S.V. (2020). Terroristicheskiy «khalifat» kak kvazigosudarstvo: problema kontseptualizatsii [The Terrorist «Caliphate» as a Quasi-State: The Problem of Conceptualization] // Politiya. No. 2 (97): 87–101. (In Russian).

How to think about Islamic State // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/24/how-to-think-about-islamic-state> (accessed: 1. 06. 2023).

ISIS's Financial and Military Capabilities. (2014) // The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center. URL: http://www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf (accessed: 3. 06. 2023).

Lotman, Yu.M. (2000). O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the Concept of Geographical Space in Russian Medieval Texts] // Semiosfera. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPB: 255–265. (In Russian).

Provozglashenie Imarata Kavkaz: Otrechenie ot Taguta [Proclamation of the Caucasus Emirate: Renunciation of Taghut] // Kavkaz-Center. URL: <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2020/10/07/119352/znaj-svoyu-istoriyu--provozglashenie-imarata-kavkaz-otrechenie-ot-taguta--.shtml> (accessed: 2. 06. 2023). (In Russian).

Suleymenov, A.R., Ryzhov, I.V. (2022). Prostranstvenno-vremennye kharakteristiki v propagande radikal'nykh islamistov [Spatio-Temporal Characteristics in the Propaganda of Radical Islamists] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. No. 4: 50–51. (In Russian).

Todenhöfer, J. (2017). Desyat' dney v IGIL [Ten Days Inside ISIS]. Moscow: Eksmo: 320 p. (In Russian translation).

Zawahiri's Letter to Zarqawi // Combating Terrorism Center at West Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zargawi-original-language-2/> (accessed: 1. 06. 2023).

Атие Басем

ВЕЛИКАЯ СИРИЯ: ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Аннотация: В исследовании рассматриваются философские учения населения, проживающего на территории, ранее известной как Великая Сирия. В настоящий момент на этом пространстве располагаются современные государства – Сирия, Ливан, Палестина, Иордания. Цель исследования заключается в анализе причин возникновения различных националистических течений на территории Сирии, которые доминировали на политической арене страны в период с 1946 по 2000-е гг. В данной работе автор предлагает рассмотреть несколько исторических промежутков сквозь призму философии сирийского национализма и концепта Великой Сирии, стоящего на вершине всех этих течений. Автор сопоставляет идеи панарабизма и сирийского национализма, т.н. «сирийства» («Syrianism»), особую роль в развитии которого играет ливанский философ Антун Сааде. Так в статье изучаются основные принципы философии А. Сааде, чьи идеи остаются актуальными и в наши дни. Методологией исследования стало комбинирование методов исторического анализа, а также изучения архивных документов, текстов и стенограмм речей основоположника концепта о возрождении Великой Сирии Антуна Сааде. В результате исследования автор приходит к заключению, что учения сирийско-ливанских политических философов сыграли главенствующую роль в формировании сирийского политического государства до и после обретения Сирией независимости. В заключении автор приходит к выводу, что пансиризм, или сирийский национализм, был культурно-территориальной философией, появившейся вследствие внутренней динамики в регионе Великой Сирии, в то время как арабский национализм был частью широкой концепции национализма.

Ключевые слова: Сирия, национализм, «сирийство», панарабизм, политическая философия, политическая география, колониализм, постколониализм.

Автор: Атие Басем, старший преподаватель, инженер-исследователь, Уральский федеральный университет (УрФУ), batie@urfu.ru

Basem Atieh

GREATER SYRIA: THE PHILOSOPHY OF POLITICAL GEOGRAPHY

Abstract: The research is dedicated to examining the philosophical teachings concerning national belonging and identity among the populations residing in the region historically referred to as Greater Syria, which encompasses the modern states of Syria, Lebanon, Palestine, Jordan, and others. The purpose of the study is to analyze the origins of various nationalist movements in Syria that predominated in the country's political sphere from 1946 until the early 2000s. Thus, the author proposes viewing several historical phases as a single, continuous period to be examined through the lens of the philosophy of Syrian nationalism and the concept of Greater Syria, which underpins all these movements. The author compares the principles of pan-Arabism with those of the so-called «Syrianism»,

formulated by the Lebanese philosopher Antun Saadeh. Accordingly, the article explores the fundamental tenets of Saadeh's philosophy, whose relevance persists in contemporary discourse. The research methodology combines historical analysis with the examination of archival documents, written texts, and transcripts of Antun Saadeh's speeches. As a result, the study concludes that the teachings of Syrian-Lebanese political philosophers played a crucial role in shaping the Syrian state both before and after independence. The originality of the research lies in its comprehensive approach to the examination of the theoretical foundations of Syrian nationalist thought, concluding that pan-Syrianism was a cultural-territorial ideology that emerged from the internal dynamics of the Greater Syria region, whereas Arab nationalism constituted a component of broader nationalist ideologies.

Key words: Syria, nationalism, «Syrianism», Arabism, political philosophy, political geography, colonialism, post-colonialism.

Author: Atieh Basem, Senior Lecturer, Research Fellow, Ural Federal University

Подъем национализма в XVIII – XIX вв. не был исключительно европейским явлением. С начала XX века национализм постепенно стал проявляться и в регионе Восточного Средиземноморья. Итоги Первой мировой войны и распад Османской империи также сыграли роль в активизации и ускорении националистических тенденций. Целью данной работы является изучение идей национализма, нациостроительства, на примере Сирии. Для достижения этой цели необходимо в первую очередь понять, что представляла собой Сирия в указанное время, а также рассмотреть идеи о пансирийстве и арабском национализме и провести анализ того, как развивались эти два философских понятия.

В ходе исследования используется метод исторического анализа, а также анализ оригинальных источников – архивных документов, стенограмм, в том числе на арабском языке, автором которых был Антун Сааде, учредитель Сирийской социал-националистической партии и вдохновитель концепции Великой Сирии, также известной как концепция «сирийства» [Antun Saadeh...].

Также для более детального анализа вопроса о сирийском национализме были рассмотрены работы видных ученых, которые рассматривали сирийскую политику того времени. Одними из наиболее видных исследователей вопроса сирийского национализма и создания сирийского государства были американский историк и политический комментатор Даниэль Пайпс с его работой «Greater Syria: The History of an Ambition» [Pipes], и американский историк ливанского происхождения Филип С. Хури с его работой «Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920-1945» [Khoury]. Стоит отметить, что обе работы дают подробное описание обстановки в регионе, подтолкнувшей к подъему арабского национализма в эпоху до обретения Сирией независимости.

ИСТОРИЯ СИРИИ В ДОКОЛОНИАЛЬНЫЙ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Исторически термин Сирия, согласно профессору Американского университета Бейрута Ламии Шехаде, произошел от древней цивилизации «Ассирия», существовавшей в 6 веке до н. э., которая так была названа греками. Другими возможными этимологическими истоками Сирии также считаются клинописное упоминание Сури, угаритское Срин и еврейское Сирион [Shehadeh].

Более того, Сирия в разные времена называлась по-разному: Арам – в ранних клинописях Библии, Эбернари – у персов, Шам или Билад аль-Шам (Земля Шама или Сима – старшего сына Ноя) – у арабов и Утремер – у крестоносцев. Но во все времена термин Сирия так или иначе относился к Восточному Средиземноморью, Леванту или известной ранее Великой Сирии.

Сирию всегда называли «землей цивилизаций» [Fortin] или «колыбелью цивилизаций» [Cheneviere], поскольку она является одной из старейших и постоянно населенных территорий в мире, освоение которой восходит к периоду от 10 тыс. до 8 тыс. лет до н. э.

С историко-археологической точки зрения стоит отметить, что самые старые останки, найденные в Сирии, относятся к эпохе палеолита (около 800 тыс. лет до н. э.), а с 3-го тыс. до н. э. за территории Сирии последовательно воевали шумеры, эблаиты, аккадцы, ассирийцы, египтяне, хетты, хурриты, митаннийцы, амореи и вавилоняне. Кроме того, она находилась под управлением различных царств и империй, включая хананеев, финикийцев, арамеюв, персов, греков, римлян, арабов и османов [Syria: A country Study].

Османское завоевание и управление Сирией продолжалось почти 400 лет – с 1516 до 1918 г. [Ottoman Syria...]. Разделенные Османской империей на отдельные административные единицы земли Сирии занимали территории к востоку от Средиземного моря, к западу от реки Евфрат, к северу от Аравийской пустыни и к югу от Таврских гор. Османское разделение Сирии было довольно непостоянным и претерпевало частые изменения.

Так, Сирия при османах была разделена отдельно на Дамаск-Эялет (т.е. провинцию), Алеппо-Эялет, Триполи-Эялет (территория современного Ливана), который был образован из провинции Дамаска в 1579 г., и позже Адана-Эялет (территория современной Турции), который был отделен от Алеппо. В 1660 г. был основан Цфата-Эялет (территория современной Палестины), который вскоре был переименован в Сидон-Эялет (территория современного Ливана) [Fusaro, P. 64–88].

Впоследствии в 1667 г. эмират Горный Ливан получил особый автономный статус в пределах провинции Сидон, но был упразднен в 1841 г. и преобразован в 1861 г. в Мутасаррифат Горного Ливана. Позже после реформ Танзимата в 1864 г. сирийские эялеты были преобразованы в Сирийский вилайет (государство), Алеппский вилайет и Бейрутский вилайет. В 1872 г. Мутасаррифат Иерусалима был отделен от Сирийского вилайета в автономную администрацию с особым статусом. Таким образом, в период с 1872 г. и вплоть до Первой мировой войны административными единицами Османской Сирии были: Алеппский вилайет, Санджак Зор (современный Дейр-эз-Зор), Бейрутский вилайет как отдельное государство, Сирийский вилайет, Мутасаррифат Горного Ливана, Мутасаррифат Иерусалима, Мутасаррифат Карака [Ottoman Period].

Переломным моментом в истории региона в данный период стало событие, известное как османская резня 1860-х гг., когда сотни тысяч сирийских христиан в Горном Ливане и Дамаске погибли от рук османцев [Rogan]. Это в свою очередь стало мотивом для международного вмешательства внешних акторов в ситуацию в регионе. В результате чего французы направили в Левант 6 тыс. солдат, которые бы предоставили защиту христианам. Следствием этого стало увеличение французского влияния. С этого времени в течение XIX века европейские имперские державы – Великобритания и Франция – стали осуществлять все более активную политику в левантийском регионе.

После арабского восстания против османов, произошедшего в период с 1916 по 1918 гг., а также в связи с распадом Османской империи после окончания Первой

мировой войны, в соответствии с историческими территориями Сирии было создано Арабское королевство Сирия, которое располагалось как раз в границах Леванта или Великой Сирии. Королевство возглавил Фейсал бин Аль-Хусейн, который стал принцем Сирии в 1918 г., а после провозглашения Сирией независимости 8 марта 1920 г. он взошел на престол уже в лице короля государства.

Декларация о независимости королевства была принята на заседании учредительного законодательного органа, известного как «Всеобщий сирийский конгресс». В то же время Конституция, известная как «Основной закон», гласила, что королевство является гражданской конституционной монархией, децентрализующей административное правление, и гарантирующей политические и экономические свободы, права религиозных общин и равенство между гражданами.

Вопреки претензиям правительства Фейсала на территорию Великой Сирии, Великобритания и Франция не признали королевство, выступив против идеи воссоздания страны [Yonker]. В результате 25 июля 1920 г. королевство сдалось агрессивному натиску французских войск.

В июле 1922 г. Лига Наций в соответствии с соглашением Сайкса-Пико, подписанному Великобританией и Францией во время Первой мировой войны, утвердила французские мандаты на Сирию и Ливан. По соглашению британцы контролировали большую часть Османской Месопотамии (Ирак) и южную часть Османской Сирии (Палестина и Трансиордания, позднее Иордания), в то время как под французский контроль попала остальная часть Османской Сирии, включая Ливан, Александретту и части Киликии [Myers].

Как и османы, французы повторно разделили Сирию на несколько разных территорий и управлений, используя секторальный фактор. Так, в разное время существовали Сирийская Федерация (1922–1924 гг.), Государство Сирия (1924–1930 гг.) и Сирийская Республика (1930–1950 гг.). В эти же периоды существовали и более мелкие государства: государство Большой Ливан, государство Алеппо, государство Дамаск, Алавитское государство (современная территория сирийской провинции Латакия) и государство Джебель-Друз (современная территория сирийской провинции Свейда). Государство Хатай (сирийская Александретта, также известная как Искендерун) было аннексировано Турцией в 1939 году.

В ответ на действия французов в период с 1925 по 1927 гг. на территории Сирийского государства и Большого Ливана произошло восстание, известное как Великая сирийская революция. Ведущие силы революции первоначально состояли из повстанцев, происходивших из государства Джебель-Друз, позже к ним присоединились и участники из остальных регионов Сирии. Среди борцов за независимость были сунниты, друзы, алавиты, шииты и христиане. Повстанцы стремились положить конец французской оккупации в подмандатных регионах, перешедших из рук османов в руки французов после Первой мировой войны.

Французский мандат прекратил свое существование только после окончания Второй мировой войны, в 1946 г., когда последний французский солдат покинул Сирию и Ливан, что позволило странам провозгласить свою независимость.

ВЕЛИКАЯ СИРИЯ И РОЖДЕНИЕ СИРИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Возникновение ранних националистических идей в Сирии связывают с концом XIX века, на который пришелся период Просвещения (т. н. «Нахда»). Так, первым сирийским философом, развивающим националистические идеи, считается Бутрус аль-

Бустани – выходец из Горного Ливана, маронит, обращенный в протестантизм. Именно он основал в Бейруте одну из первых региональных газет под названием «Нафир Сурия» [Tauber].

Помимо закладываемого самими сирийскими и ливанскими философами теоретического фундамента по вопросу национальной принадлежности, зарубежные теоретики также посвящали свои труды вопросу сирийской идентичности. Так, французский географ и писатель Элизе Реклю в 1884 г. в 9-м томе своей книги «Nouvelle Géographie Universelle» описывал, что отличает сирийцев от арабов. В тот же период бельгийский миссионер-иезуит Анри Ламменс и его ученик Жак Табет в начале XX в. выдвинули теорию об отдельной неарабской сирийской нации, существовавшей со времен финикийцев, и обращали особое внимание на то, что эта нация сформировалась в пределах естественных географических границ Сирии [Yonker, 2021, p. 7].

В целом можно отметить, что националистические тенденции в Сирии возникли как реакция на турецкую политику в последние годы существования Османской империи и, в свою очередь, могли развиваться под влиянием националистических течений, существовавших на Западе.

Одной из самых выдающихся фигур по развитию не только идей, но и практик националистических движений в Сирии, является Антун Сааде – православный греческий христианин, родившийся в 1904 г. в Горном Ливане. Сааде был ливанским социально-политическим философом, впоследствии основавшим ядро сирийского национализма – Сирийскую социал-националистическую партию.

Основной концепт Сааде заключался в том, что естественная (историческая) Сирия («Natural Syria») включала в себя Левант, Палестину, Трансиорданию, Ливан, Сирию, Ирак и части Южной Турции. Его концепция Великой Сирии включала все религиозные, этнические и языковые группы, представленные в одном регионе. Сааде подчеркивал роль философии и социальных наук в развитии своей социальной идеологии [Saadeh, What Motivated me...]. Он рассматривал социальный национализм как инструмент преобразования традиционного общества в динамичное и прогрессивное. Философ выступал против колонизации, которая разделила Великую Сирию на субгосударства. При этом важную роль в идеологии Сааде играла секуляризация: он выводит ее за пределы социально-политических аспектов вопроса в философские измерения [Saadeh, Genesis of Nations].

Важно отметить, что Сааде отверг панарабизм – идею о том, что носители арабского языка образуют единую, объединенную нацию – и вместо этого выступал за создание государства Объединенная сирийская нация или Естественная Сирия. Она должна была охватывать условный регион т. н. Плодородного полумесяца, образуя тем самым сирийскую родину, которая «простирается от хребта Тавр на северо-западе и гор Загрос на северо-востоке до Суэцкого канала и Красного моря на юге и включает в себя Синайский полуостров и залив Акаба, а от Сирийского моря на западе (именно восточную бассейн Средиземного моря, обращенного к побережью Леванта), включая остров Кипр, до свода Аравийской пустыни и Персидского залива на востоке» [Haytham].

Сааде обращался и к географическим вопросам. У него было свое видение регионального строения: философ провозглашал идеи о том, что отношение человека к среде имеют особую важность, но в свою очередь и климат, фауна, флора и ресурсы влияют на поведение индивида. Так, горное население будет по-иному распоряжаться

своими ресурсами, по сравнению, к примеру, с обитателями пустынь, что в свою очередь окажет влияние на их взаимодействие с внешним миром [Beshara].

Действительно особое значение в философии Сааде отводилось понятию родины. Говоря же о проблеме расизма, который во многих европейских идеологиях ассоциировался с национализмом, он утверждал, что, вопреки распространенному мнению, раса – это чисто физическое понятие, которое не имеет ничего общего с психологическими или социальными различиями между человеческими сообществами. Люди различаются по своим физическим характеристикам – цвету, росту и внешнему виду в общем – соответственно, делясь на расы, однако национализм не может быть основан на таких показателях. Каждая нация состоит из различных расовых групп, и ни одна из них не является продуктом одной расы или одного конкретного племени [Beshara].

Более того, Сааде отвергал как язык, так и религию в качестве определяющих национальных характеристик и утверждал, что нации совершенствуются в результате общего развития людей, населяющих определенный географический регион. Именно это делало его решительным противником арабского национализма и панисламизма [Saadeh, Return Speech...]. Философ обращал внимание на то, что Сирия исторически, географически и в культурном плане отличается от остального арабского мира, который можно разделить на несколько частей. Изучив историю Сирии как отдельного феномена, начиная от финикийцев, хананеев, ассирийцев, вавилонян и т. д., Сааде пришел к выводу о том, что т. н. «сирийство» или «сирианизм» («Syrianism») выходит за рамки религиозных различий. Это умозаключение можно проследить в его философском труде «Нушу аль-Уммам» («Восстание народов»), где сказано: «Сирия принадлежит сирийцам, которые составляют самодостаточную нацию. Сирийская родина – это та географическая среда, в которой развивалась сирийская нация» [Moubayed, 2017].

Философия Сааде, однако, вызвала недовольство среди ливанских националистов, поскольку он отказывался признавать суверенитет ливанского государства и власть его должностных лиц, подчеркивая, что отдельного ливанского государства не существует и что оно должно войти в состав Великой Сирии.

В марте 1947 г. Сааде провел в Бейруте кампанию за воссоединение Ливана и Сирии в качестве первого шага к отмене «искусственных» границ Соглашения Сайкса-Пико. В ходе кампании члены Сирийской социал-националистической партии были встречены агрессивно настроенной Ливанской фалангой – Христианской партией маронитов. Столкновение между двумя сторонами привело к гибели членов партии Сааде, закрытию штаб-квартиры партии и бегству почти 700 её членов в Сирию.

В Дамаске Сааде сначала был принят сирийским президентом генералом Хосни Аль-Заимом, бывшим офицером Османской империи, который в итоге обманул Сааде и приказал экстрадировать его в Бейрут, где по приказу премьер-министра Ливана Рида Аль Солеха тот был расстрелян 6 июля 1949 г. в возрасте 45 лет.

Несмотря на трагическую гибель Сааде, философское наследие о Великой Сирии продолжило своё развитие вплоть до настоящего времени. Так, в настоящее время Сирийская социал-националистическая партия является одной из самых активных политических партий не только Сирии, но и Ливана.

Антун Сааде считается одним из наиболее влиятельных ближневосточных философов XX века. Так, британский журналист Патрик Сил описал его как «человека, который вдохновлял на самоотверженность, как, вероятно, ни один другой лидер в арабской политике. Многие, кто знал его в то время, описывают его как своего рода

интеллектуального диктатора: авторитарного, притягательного, чрезвычайно приткого, с блестящим знанием многих вопросов» [Moubayed, 2016].

Воспользовавшись импульсом арабских националистических идей в 1950-х годах, панарабистская философия партии Баас, созданной сирийским христианином греко-православного вероисповедания, политическим философом Мишелем Афлаком, устранила всех своих соперников и сумела захватить власть в Сирии в 1963 г., что привело к длительному правлению партии Баас, при которой арабский национализм стал основной идеологией в Сирии.

В связи с политическим доминированием арабского национализма, именно его идеи широко исследовались многими социологами и антропологами, в то время как изучению сирийского национализма посвящено достаточно малое количество работ.

На рубеже XIX–XX вв. в Сирии было два основных направления сирийского национализма: пансирийство и арабский национализм, более известный как панарабизм. В то время как пансирийская мысль возникла исходя из проблем территориального характера, арабский национализм во многом стал ответом на внешнюю динамику – Первую мировую войну и крах Османской империи.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что национализм в Сирии следует рассматривать не только как часть арабского национализма или как отдельный видоизмененный арабский национализм, но понимать, что он представляет собой более разнообразное и сложное поле для изучения. Это особенно важно сегодня в период обострения сирийского вопроса, касающегося территориального статуса-кво.

Список источников и литературы

Antun Saadeh // Syrian Social Nationalist Party.
URL: https://web.archive.org/web/20041212043845/http://www.ssnp.org/new/Saadeh/saadeh_en.htm (дата обращения: 22.06.2023).

Beshara A. Antun Sa'adeh: The Man, His Thought: An Anthology. Ithaca Press, 1999. 636 p. ISBN: 086372308X.

Cheneviere A. Syria: Cradle of Civilizations. London: Stacey International, 2002. 192 p. ISBN: 0905743997.

Fortin M. Syria, Land of Civilizations. Montreal, Quebec, Canada: Editions de l'Homme, 1999. 348 p. ISBN: 2761915216.

Fusaro M. The Ottoman Levant // Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean: The Decline of Venice and the Rise of England, 1450–1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107447158>.

Haytham K.A. The Syrian Social Nationalist Party: Its Ideology and Early History. Beirut, 1990. 141 p.

Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton: Princeton University Press, 1987. 722 p. ISBN: 9780691632995.

Moubayed S. One people, shared history, but divided by artificial borders // Gulf News. 29.07.2017. URL: <https://gulfnews.com/world/mena/one-people-shared-history-but-divided-by-artificial-borders-1.2065762> (дата обращения: 22.06.2023).

Moubayed S. Antoun Saadeh: The Father of Greater Syria // Gulf News. 11.05.2016. URL: <https://gulfnews.com/lifestyle/antoun-saadeh-the-father-of-greater-syria-1.1824903> (дата обращения: 22.06.2023).

Myers D.P. The Mandate System of the League of Nations // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1921. Vol. 96, Iss. 1. P. 74–77. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271622109600116>.

Ottoman period. Ottoman government, 16th–17th Centuries // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/Syria/Ottoman-period> (дата обращения: 22.06.2023).

Ottoman Syria / Ed. by Thomas Collelo // Syria: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1987. URL: <https://countrystudies.us/syria/7.htm> (дата обращения: 22.06.2023).

Pipes D. Greater Syria: The History of an Ambition. Oxford: Oxford University Press, 1990. 249 p. ISBN: 9780195060225.

Rogan E.L. Sectarianism and Social Conflict in Damascus: The 1860 Events Reconsidered // Arabica. 2004. Vol. 51, Iss. 4. P. 493–511.

Saadeh A. What Motivated Me to Establish the Syrian Social Nationalist Party // SSNP. URL: <https://web.archive.org/web/20041213211929/http://www.ssnp.org/new/library/saadeh/misc/en/motivated.htm> (дата обращения: 22.06.2023).

Saadeh A. Return Speech of 1947 // SSNP. URL: <https://web.archive.org/web/20041213211756/http://www.ssnp.org/new/library/saadeh/misc/en/return.htm> (дата обращения: 22.06.2023).

Saadeh A. Genesis of Nations // SSNP. URL: https://web.archive.org/web/20041212032021/http://www.ssnp.org/new/library/saadeh/nisho2_oumam/en/index.htm (дата обращения: 22.06.2023).

Shehadeh L. The Name of Syria in Ancient and Modern Usage // The Origins of Syrian Nationhood: Histories, Pioneers and Identity. Routledge, 2011. P. 17–29. ISBN: 9780203816776.

SSNP // Syrian Social Nationalist Party. URL: <https://ssnp.net/> (дата обращения: 22.06.2023).

Syria: A Country Study. Washington, D.C.: Federal Research Division, Library of Congress, 1988. URL: <https://www.loc.gov/item/87600488/> (дата обращения: 22.06.2023).

Tauber E. The Emergence of the Arab Movements. Routledge, 2013. 424 p. ISBN: 9780714640846.

Yonker C.C. The Rise and Fall of Greater Syria: A Political History of the Syrian Social Nationalist Party. Berlin: De Gruyter, 2021. 270 p. ISBN: 3110728478.

References

Antun Saadeh // Syrian Social Nationalist Party. URL: https://web.archive.org/web/20041212043845/http://www.ssnp.org/new/Saadeh/saadeh_en.htm (accessed: 22. 06. 2023).

Beshara, A. Antun Sa'adeh: The Man, His Thought: An Anthology. Ithaca Press, 1999: 636 p. ISBN: 086372308X.

Cheneviere, A. Syria: Cradle of Civilizations. London: Stacey International, 2002: 192 p. ISBN: 0905743997.

Fortin, M. Syria, Land of Civilizations. Montreal, Quebec, Canada: Editions de l'Homme, 1999: 348 p. ISBN: 2761915216.

Fusaro, M. *The Ottoman Levant // Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean: The Decline of Venice and the Rise of England, 1450–1700*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107447158> (accessed: 22. 06. 2023).

Haytham, K.A. *The Syrian Social Nationalist Party: Its Ideology and Early History*. Beirut, 1990: 141 p.

Khoury, P. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945*. Princeton: Princeton University Press, 1987: 722 p. ISBN: 9780691632995.

Moubayed, S. Antoun Saadeh: The Father of Greater Syria // *Gulf News*. 11 May, 2016. URL: <https://gulfnews.com/lifestyle/antoun-saadeh-the-father-of-greater-syria-1.1824903> (accessed: 22. 06. 2023).

Moubayed, S. One people, shared history, but divided by artificial borders // *Gulf News*. 29 July, 2017. URL: <https://gulfnews.com/world/mena/one-people-shared-history-but-divided-by-artificial-borders-1.2065762> (accessed: 22. 06. 2023).

Myers, D.P. *The Mandate System of the League of Nations // The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 96, Iss. 1. 1921: 74–77. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271622109600116>.

Ottoman period. Ottoman government, 16th–17th Centuries // *Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/place/Syria/Ottoman-period> (accessed: 22. 06. 2023).

Ottoman Syria / Ed. by Thomas Collelo // Syria: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1987. URL: <https://countrystudies.us/syria/7.htm> (accessed: 22. 06. 2023).

Pipes, D. *Greater Syria: The History of an Ambition*. Oxford: Oxford University Press, 1990: 249 p. ISBN: 9780195060225.

Rogan, E.L. *Sectarianism and Social Conflict in Damascus: The 1860 Events Reconsidered // Arabica*. Vol. 51, Iss. 4. 2004: 493–511.

Saadeh, A. *Genesis of Nations // Syrian Social Nationalist Party (SSNP)*. URL: https://web.archive.org/web/20041212032021/http://www.ssnp.org/new/library/saadeh/nisho2_oumam/en/index.htm (accessed: 22. 06. 2023).

Saadeh, A. *Return Speech of 1947 // Syrian Social Nationalist Party (SSNP)*. URL: <https://web.archive.org/web/20041213211756/http://www.ssnp.org/new/library/saadeh/misc/en/return.htm> (accessed: 22. 06. 2023).

Saadeh, A. *What Motivated Me to Establish the Syrian Social Nationalist Party // Syrian Social Nationalist Party (SSNP)*. URL: <https://web.archive.org/web/20041213211929/http://www.ssnp.org/new/library/saadeh/misc/en/motivated.htm> (accessed: 22. 06. 2023).

Shehadeh, L. *The Name of Syria in Ancient and Modern Usage // The Origins of Syrian Nationhood: Histories, Pioneers and Identity*. Routledge, 2011: 17–29. ISBN: 9780203816776.

SSNP // *Syrian Social Nationalist Party*. URL: <https://ssnp.net/> (accessed: 22. 06. 2023).

Syria: A Country Study. Washington, D.C.: Federal Research Division, Library of Congress, 1988. URL: <https://www.loc.gov/item/87600488/> (accessed: 22. 06. 2023).

Tauber, E. *The Emergence of the Arab Movements*. Routledge, 2013: 424 p. ISBN: 9780714640846.

Yonker, C.C. *The Rise and Fall of Greater Syria: A Political History of the Syrian Social Nationalist Party*. Berlin: De Gruyter, 2021: 270 p. ISBN: 3110728478.

Растольцев Сергей Владимирович

УРЕГУЛИРОВАНИЕ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТКОНФЛИКТНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация: Южный Кавказ является одним из важных субрегионов в Евразии, где пересекаются интересы разных центров силы и располагаются значимые транспортные маршруты. Это открывает большой потенциал для развития многосторонних инфраструктурных проектов. Однако этот регион остается пространством повышенной военно-политической напряженности с неурегулированными спорами, что препятствует развитию международных связей. Среди такого рода горячих точек долгое время являлся Нагорный Карабах, из-за которого возник кровопролитный затяжной конфликт между Арменией и Азербайджаном. Новое противостояние за Карабах в начале 2020-х гг. привело к существенному переформатированию статус-кво и приблизило возможность подписания мирного соглашения в обозримом будущем. Одним из ключевых пунктов повестки переговоров после 2020 г. стало разблокирование экономических и транспортных связей в регионе. На этом фоне появилось сразу несколько амбициозных внутренних и международных проектов, направленных на развитие транзитного потенциала территории. Восстановление транспортных путей имеет различное значение для развития связей на разных пространственных уровнях – конфликтного региона, Кавказа и в более широком международном контексте евразийского континента. Для сторон конфликта – Азербайджана и Армении – разблокировка коммуникаций имеет очень важное значение и может дать большой импульс экономическому развитию. Однако на данный момент есть существенный разрыв между теорией и практикой реализации этих задач в Азербайджане и в Армении. Сохраняющаяся напряженность в отношениях затрудняет их выполнение и повышает риски в сфере безопасности, что препятствует развитию экономических связей и проектов. На уровне Кавказа в целом восстановление транспортных путей вокруг Карабаха имеет меньшее значение. Несмотря на то, что из-за затяжных конфликтов некоторые пути в регионе оказались заблокированными, за три десятилетия с момента распада СССР страны перестроили свои транспортные коммуникации с учетом сложившихся обстоятельств. Разблокировка старых и открытие новых коммуникаций как элемент постконфликтного восстановления создает потенциально более удобные и быстрые пути доставки, но для этого нужно, чтобы была обеспечена безопасность и стабильность на остающихся беспокойными границах, к тому же сама перестройка маршрутов займет немало времени. В более широком международном контексте восстановление коммуникаций, прерванных карабахской войной, является лишь одной из многочисленных альтернатив создания хабов между Европой и Азией, и для того, чтобы именно этот вариант стал приоритетным, необходимы значительные инвестиции в обеспечение безопасности и развитие инфраструктуры.

Ключевые слова: урегулирование конфликтов, нагорно-карабахский конфликт, инфраструктурные проекты, Южный Кавказ, Евразия

Автор: Растольцев Сергей Владимирович, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии Наук (ИМЭМО РАН), e-mail: sergej-ras@yandex.ru

Sergey Rastoltsev

SETTLEMENT OF ARMENIAN-AZERBAIJANI RELATIONS AND PROSPECTS FOR POST-CONFLICT SPATIAL DEVELOPMENT IN THE SOUTH CAUCASUS

Abstract: The South Caucasus is one of the most important sub-regions in Eurasia, where the interests of different power centers intersect and important transport routes are located. This opens up significant potential for the development of multilateral infrastructure projects. However, the region remains a space of heightened military-political tension, where many disputes remain unresolved, hindering the development of international relations. Nagorno-Karabakh, which sparked a bloody and protracted conflict between Armenia and Azerbaijan, has long been one of these flashpoints. A renewed confrontation over Karabakh in the early 2020s led to a significant reshaping of the status quo and brought closer the possibility of a peace agreement being signed in the foreseeable future. One of the key items on the post-2020 negotiating agenda has been the unblocking of economic and transport links in the region. Against this backdrop, several ambitious domestic and international projects have emerged, aimed at enhancing the region's transit potential. The restoration of transport routes has varying implications for the development of ties at different spatial levels – the conflict region, the Caucasus, and the broader international context of the Eurasian continent. For the parties to the conflict – Azerbaijan and Armenia – unblocking communications is of critical importance and could provide a significant boost to economic development. However, there is currently a considerable gap between the theory and practice of implementing these objectives in both Azerbaijan and Armenia. Ongoing tensions in bilateral relations complicate their implementation and increase security risks, thereby hindering the development of economic ties and projects. In the Caucasus as a whole, restoring transport routes around Karabakh is relatively less significant. Although some routes in the region have been blocked due to protracted conflicts, in the three decades since the collapse of the USSR, the countries have rebuilt their transport systems to accommodate prevailing circumstances. Unblocking former routes and developing new ones as part of post-conflict reconstruction could create more convenient and rapid delivery corridors, but this requires ensuring security and stability along the remaining conflict-ridden borders, and reconstructing the routes themselves will take considerable time. In a broader international context, restoring communications disrupted by the Karabakh war is just one of many hub alternatives between Europe and Asia, and significant investment in security and infrastructure development is needed to make it a priority.

Keywords: conflict resolution, Nagorno-Karabakh conflict, infrastructure projects, South Caucasus, Eurasia

Author: Sergey Rastoltsev, Junior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, (IMEMO), sergej-ras@yandex.ru

В Евразии существует целый ряд субрегионов, которые можно рассматривать как потенциальные хабы для транспорта и логистики между Европой и Азией. Их особенное положение привлекает внимание многих крупных держав в евразийском регионе. Одним из таких субрегионов является Южный Кавказ, где пересекаются интересы разных центров силы и располагаются важные транспортные маршруты, что открывает большой потенциал для развития многосторонних инфраструктурных проектов. Вместе с тем Южный Кавказ остается пространством повышенной военно-политической напряженности, где сохраняются нерешенные споры, которые препятствуют развитию внутренних и международных связей.

Пожалуй, самой горячей точкой на карте Южного Кавказа долгое время оставался нагорно-карабахский конфликт, который оставался центральной проблемой в отношениях между двумя странами региона – Арменией и Азербайджаном. Современное политическое пространство Южного Кавказа и двух вышеупомянутых государств формировалось одновременно с эскалацией ситуации вокруг Нагорного Карабаха. Высокая степень конфронтации сохранялась на протяжении трех десятилетий, что во многом повлияло на развитие всего региона, не только в военно-политической сфере, но также и предопределило развитие экономики, инфраструктуры, транспортных и пространственных связей.

Наиболее кровопролитная вооруженная фаза конфликта в начале 1990-х гг. ознаменовалась Первой карабахской войной, по итогам которой армянские силы установили контроль не только над Карабахом, но и над шестью прилегающих к нему районами (около 13,5% территории Азербайджана). Ее окончание в 1994 г. с заключением соглашения о прекращении огня не принесло устойчивого мира, а лишь «заморозило» конфликт в тлеющем состоянии. На протяжении более 25 лет в некоторые периоды напряженность несколько ослабевала, в другие, напротив, росла, но постоянно сохранялась. В этот период многие транспортные и инфраструктурные связи, существовавшие ранее во времена СССР, оказались заморожены. Автомобильные, железные дороги были закрыты, границы оказались на замке. Были прерваны коммуникации не только между Арменией и Азербайджаном, но также между Арменией и Турцией, поддержавшей Баку в борьбе за Нагорный Карабах. В результате многие километры транспортных коммуникаций и границ были заблокированы. Вместе с замороженным конфликтом было «заморожено» и само пространство вокруг Нагорного Карабаха: конфликт тормозил развитие Армении и Азербайджана, а также существенно ограничивал международное экономическое развитие региона. Косвенный ущерб от затяжного противодействия несли все страны кавказского субрегиона и соседние с ним государства: Грузия, Россия, Турция, Иран.

Продолжающаяся с 2010-х гг. эскалация конфликта привела в итоге к новому силовому противостоянию. Вторая и третья карабахские войны в 2020-23 гг. привели к существенному переформатированию ситуации как внутри конфликтного региона, так и за его пределами. По их итогам Азербайджан полностью вернул себе все свои территории, включая Нагорный Карабах, тем самым полностью восстановив территориальную целостность. Решив карабахский конфликт военным путем, Баку ликвидировал многолетние противоречия по поводу будущего территорий, занятых ранее Арменией, сохранявшиеся долгое время в рамках прежнего мирного процесса. Это открыло путь к решению других проблем, которые надлежало решить в рамках дальнейших переговоров. Таким образом, мирный процесс был переформатирован и перезапущен в новых условиях.

Одним из наиболее важных вопросов такого рода стало разблокирование экономических и транспортных связей в регионе. Этот пункт был отмечен среди ключевых в совместной трехсторонней декларации глав России, Армении и Азербайджана по итогам переговоров в конце 2020 г. [Заявление]. Пункт о заключении соглашений в том числе в транспортной сфере также был упомянут в недавно опубликованном в августе 2025 г. проекте мирного договора между Арменией и Азербайджаном [Проект мирного договора]

Урегулирование многолетнего карабахского конфликта и открытие связей между Азербайджаном и его эксклавом в Нахичевани, Арменией и Азербайджаном, Арменией и Турцией, более активное включение Ирана давало возможность придать импульс развитию опустошенного и разделенного противостоянием региона, а также в будущем превратить его в один из крупнейших хабов трансконтинентальной торговли между Европой и Азией. Трансформировать прежде опасный, заблокированный и конфликтный регион в открытое пространство, дающее импульс развитию региональных и международных связей, казалось привлекательной идеей.

Теория и практика восстановления транспортных путей имеют разное значение для развития связей на уровне конфликтного региона, Кавказа в целом, а также в более широком международном контексте на уровне евразийского континента. Во второй части данной работы предлагается рассмотреть более подробно значимость развития инфраструктуры вокруг Карабаха на каждом из уровней.

Для сторон конфликта – Азербайджана и Армении – разблокировка коммуникаций важна и может дать большой импульс экономическому развитию. Исходя из нынешнего пространственного положения в наибольшей степени в развитии и разблокировке транспортных коммуникаций заинтересована Армения. В том случае, если удастся заключить мирный договор и обеспечить стабильность с Азербайджаном, включая открытие границ, а также, возможно, наладить отношения и с Турцией, открыв границу и с ней, то это дает возможность преодолеть многолетнюю изоляцию Еревана и разблокировать более 80% международных границ, сделав их доступными для транзитных перевозок. Таким образом, могут быть восстановлены несколько прежде работавших еще в советское время направлений.

Во-первых, железные дороги Гюмри (Армения) – Карс (Турция) и Иджеван (Армения) – Газах (Азербайджан). Во-вторых, уже упомянутый Мегринский (Зангезурский) коридор Горадиз (Азербайджан) – Агбенд (Армения) – Ордубад (Азербайджан). Он также может быть продлен через Нахичевань путем восстановления сообщения на севере между пограничными городами Ерасх (Армения) и Шарур (Азербайджан), что даст возможность осуществлять кольцевые перевозки между Арменией и Азербайджан. Кроме того, Иран предлагает свою альтернативу Мегринскому коридору, идущему с востока на запад, в виде линии Тегеран-Джюльфа-Ерасх, проходящей через Нахичевань. Существует также амбициозный и масштабный план строительства новой железной дороги на юге Армении в Иран и ее интеграции с иранскими железными дорогами [Пылин, с. 133]. Стоимость этого проекта оценивается в 3-4 млрд долларов. Для его реализации нужно построить отрезок в 90 км в Иране и 230 км – в Армении, причем объем работ очень трудоемкий – с учетом горного рельефа должно быть прорыто 120 км тоннелей [Армения — Иран].

Армянские железные дороги также получили бы дополнительный стимул развития при реализации давнего плана строительства внутри страны соединительной ветки Фиолетово-Ванадзор, длина которой составляет всего 32 км (хотя условия строительства довольно сложные из-за гористой местности) [Строительство ж/д].

Строительство этой ветки решило бы сразу несколько внутренних для Армении задач: сократить путь от Еревана до Тбилиси на 112 км, замкнуть железнодорожное кольцо страны, снизить себестоимость перевозок и увеличить пропускную способность армянской железной дороги [Армянские претензии]. У этой ветки также есть большой международный потенциал с возможным возобновлением движения между и Арменией и Азербайджаном и развитием транзитных перевозок из России в Армению, Турцию и Иран.

Однако в связи со слабой в сравнении с Азербайджаном позиции Армении – как с точки зрения военно-политического, так и экономического положения – за истекший период не удалось реализовать ни один из представленных выше проектов. Единственное значимое событие для внутренней инфраструктуры, которое удалось сделать на практике – модернизация существующей автомобильной магистрали, идущую с севера на юг страны и соединяющую Армению с Ираном [Завершено 15% строительства...]. Это пока только поддерживает сложившуюся до 2020 г. систему пространственных связей, не создавая новые пути сообщения. То есть на практике Еревану пока не удается преодолеть сложившуюся за долгие годы международную изоляцию.

Азербайджан также серьезно заинтересован в развитии новых транспортных связей после смены статус-кво в конфликте. При этом в ходе тридцатилетней конфронтации вокруг Карабаха он, в силу своего геополитического положения, не переживал столь сильной пространственной изоляции, как Армения. Поэтому Баку стал преследовать после 2020 г. две главных цели. Первая – восстановление возвращенных территорий и их интеграция в общегосударственную систему, что являлось сугубо внутренним вопросом. Вторая – установление нового сообщения со своим эксклавом в Нахичевани.

В первом вопросе – восстановлении транспортных путей в конфликтном регионе после возвращения контроля над большей частью территории вокруг Карабаха в 2020 г. – Баку действует очень активно. Практически сразу после окончания войны азербайджанские власти развернули широкомасштабную программу строительства транспортной инфраструктуры на освобожденных территориях. В кратчайшие сроки в 2021–2022 гг. были построены международные аэропорты в Физули и Зангелане [Новый международный аэропорт], а в 2025 г. был открыт еще один высокогорный международный аэропорт в Лачине [Аэропорт Лачин] Ведется активное строительство и проектирование 17 автомагистралей и дорог, которое также планируется завершить в 2025 г. [На освобожденных территориях]

Что касается второго вопроса – о создании так называемого Зангезурского (в армянской версии – Мегринского) транспортного коридора в Нахичевань, позволяющего связать азербайджанский эксклав с основной территорией государства – то здесь у Баку возникло гораздо больше сложностей. Эта цель требовала уже не только внутренних инвестиций, но и достижения международных договоренностей о строительстве и дальнейшей совместной эксплуатации инфраструктуры с Арменией и/или Ираном. Сохраняющееся напряжение в отношениях и большой объем нерешенных противоречий с обеими странами в последние годы препятствовали реализации этого проекта.

Азербайджан почти сразу после окончания Второй карабахской войны начал строительство участков этого проекта на своей территории, что демонстрировало его активное стремление к реализации этого маршрута. С 2021 г. восстанавливается заброшенная после начала конфликта в 1990-е годы железнодорожная ветка в

направлении Нахичевани, проходившая по границе с Ираном через Армению, а также параллельно идущая автотрасса Горадиз-Агбенд [Петров]. Их готовность по состоянию на середину 2025 г. составляла 63% и 93% соответственно [Железная дорога Горадиз-Агбенд].

Несмотря на то, что Армения участвовала в переговорах по строительству международного Зангезурского коридора по своей территории, проект так и не был утвержден и на практике работы не начались на фоне постоянно возникающих противоречий с Азербайджаном. При этом Ереван хочет отделить железнодорожное сообщение от автомобильного, тогда как Баку настаивает на пакетном решении, которое, по сути, будет создавать экстерриториальный коридор. В свою очередь, такую формулировку сочла неприемлемой Армения [Интервью премьер-министра]. Противостояние по этому вопросу в итоге тормозило и переговоры по мирному договору между Арменией и Азербайджаном.

У Азербайджана есть альтернатива строительству коридору через Армению. Перспективный маршрут должен проходить по территории Ирана, буквально в нескольких километрах от армянской границы (на другом берегу реки Араз), причем объемы строительства проще, т.к. автотрасса там уже действует. В марте 2022 г. был подписан меморандум между Баку и Тегераном о создании новых коммуникационных связей в виде строительства железнодорожных и автомобильных мостов. Однако последовавшее резкое ухудшение ирано-азербайджанских отношений в начале 2023 г. поставило проект на паузу [Петров].

Таким образом, Азербайджан испытывал трудности в реализации строительства Зангезурского коридора из-за военно-политического кризиса с соседями, что провоцирует его на ужесточение риторики. Новым шансом на решение этой сложной проблемы стала инициатива президента США Д. Трампа в августе 2025 г. На трехсторонней встрече в августе 2025 г. в Вашингтоне он смог не только выступить посредником в парафировании армяно-азербайджанского мирного договора, но и предложить свой инновационный подход в преодолении проблемы Зангезурского коридора. Новый проект получил название «маршрут Трампа ради международного мира и процветания» («Trump Route for International Peace and Prosperity — TRIPP») и предполагает создание транспортного коридора путем передачи управления им третьей стороне (предполагается, что такой стороной могут стать США), чтобы тем самым преодолеть двусторонние противоречия. Тем не менее «маршрут Трампа» пока не получил какой-либо детализации и обоснования, поэтому на данный момент его перспективы остаются неясными. В целом, проблема создания такого рода проекта показывает, что невозможно обеспечить устойчивое развитие международной транспортной инфраструктуры в условиях, пока не улажены базовые проблемы безопасности между конфликтующими сторонами.

При этом хотя до последнего времени не удавалось найти компромисса с соседями по проекту Зангезурского коридора, Азербайджан почти сразу после окончания Второй карабахской войны начал строительство участков этого проекта на своей территории. С 2021 г. активно восстанавливается заброшенная после начала конфликта в 1990-е годы железнодорожная ветка в направлении Нахичевани, проходившая по границе с Ираном через Армению, а также параллельно идущая автотрасса Горадиз-Агбенд [Петров]. Их готовность по состоянию на середину 2025 г. составляла 63% и 93%, соответственно [Железная дорога Горадиз-Агбенд].

На уровне Кавказа в целом восстановление транспортных путей вокруг Карабаха имеет чуть менее значимое значение, хотя в более отдаленной перспективе может

открыть большие возможности для развития. Несмотря на то, что из-за затяжных конфликтов многие транспортные пути в регионе оказались заблокированы, за три десятилетия с момента распада СССР страны перестроили свои коммуникации с учетом сложившихся обстоятельств. Наиболее выгодное положение в этих условиях заняла Грузия, которая с учетом закрытых границ между Арменией и Турцией/Азербайджаном стала главным транзитным хабом для стран региона. Важнейшее значение для транспортировки грузов в европейском направлении через Черное море заняли морские порты Поти и Батуми. Начиная с 1990х гг. от них до побережья Каспийского моря и азербайджанских портов постоянно модернизировались и развивались международные автомагистрали E60/E70 между Грузией и Азербайджаном, которые также составили часть мегапроекта по развитию международного транспортного коридора «Восток-Запад». В дополнение к уже существующим автомагистралям заметным событием стало соединение железных дорог Турции и Грузии в 2017 г. Единый транспортный коридор «Баку-Тбилиси-Карс» превратился в важную транспортную артерию, соединяющей Азербайджан, Грузию и Турцию и также дающую выход к грузоперевозкам из Центральной Азии через Каспий.

Соответственно, разблокировка старых и открытие новых коммуникаций как элемент постконфликтного восстановления в Армении и Азербайджане потенциально создаст более удобные и быстрые пути доставки, но эти пути сообщения будут дополнять существующие маршруты. Кроме того, для этого нужно, чтобы была обеспечена безопасность и стабильность на границах, плюс сама перестройка маршрутов займет немалое время. Восстановление и развитие таких дополнительных путей сообщения при определенных условиях могут быть выгодными для России и Ирана. Так, например, упомянутый выше проект Зангезурского коридора помимо важного внутреннего значения для Баку (преодоление изоляции Нахичевани) может стать выгодной международной альтернативой для транзита грузов между Россией, Ираном, Арменией и Турцией, что сделает его второй транспортной артерией для грузоперевозок через Южный Кавказ наряду уже функционирующим коридором «Баку-Тбилиси-Карс».

Вместе с тем, если США будут активно участвовать в реализации «маршрута Трампа», то в таком виде проект помимо экономической выгоды будет также нести и геополитические риски. Если же будет реализован проект «Зангезурского коридора» через территорию Ирана (как самостоятельный или дополняющий маршрут через Армению), это будет приветствоваться как в Тегеране, так и в Москве.

Еще одной, третьей альтернативой является железнодорожный маршрут с восстановлением двух ранее действовавших веток Газах (Азербайджан) – Иджеван (Армения) и Гюмри (Армения) – Карс (Турция) вместе с созданием соединительной ветки Фиолетово – Ванадзор (Армения), что могло бы сделать его кратчайшим путем для перевозок из России в Турцию через Азербайджан. В целом, мы видим, что на этом уровне есть много альтернатив, каждая из которых также имеет отдельные варианты реализации и соответственно с этим будет определяться их значимость для региональных держав.

Наконец, в более широком международном контексте на уровне евразийского континента восстановление коммуникаций, прерванных карабахской войной, является лишь одной из нескольких альтернативных маршрутов между Европой и Азией, а для того, чтобы оно стало приоритетным, необходимы значительные инвестиции в обеспечение безопасности и развитие инфраструктуры. На этом уровне также

довольно сильно проявляются противоречия крупных региональных и мировых держав в развитии определенных международных транспортных коридоров (МТК).

В настоящее время есть два магистральных проекта развития МТК – «Север-Юг» (связывает Европу через Россию со странами Персидского Залива и Индией) и «Восток-Запад» (из стран Центральной Азии по Каспию через Кавказ в Турцию) [Федоровская, с. 123]. Если в развитии первого заинтересованы Азербайджан, Турция и Европейский Союз, то главными бенефициарами второго являются Иран и Россия. Из-за усиливающихся геополитических противоречий сегодня эти два МТК больше конкурируют между собой, чем взаимодополняют [Давтян, Маргарян, с. 124-125], что также может становится сдерживающим фактором в восстановлении транспортной инфраструктуры вокруг Карабаха. Кроме того, фундаментальные проблемы безопасности в конфликтном регионе мешают выстраиванию устойчивых экономических связей, что пока скорее заставляет исключать его из крупных международных проектов.

Тем не менее если в будущем удастся решить ключевые проблемы безопасности и восстановить инфраструктуру, то регион конфликта может стать важным звеном в развитии МТК. Так, упомянутый выше проект Зангезурского коридора может стать одним из вариантов следования грузов в рамках МТК «Север-Юг». В таком случае грузы будут двигаться по самому западному маршруту – через иранскую Джульфу. При этом следует учесть, что существуют несколько альтернатив этому маршруту – западный, через иранский город Астара и Азербайджан (ближе к Каспийскому морю), восточный – через Серахс и Этрек в Туркменистане (с другой стороны Каспия), а также транскаспийский по морю. Во всех эти вариантах в отличие от первого на данный момент отсутствуют угрозы безопасности, что делает их более привлекательными. При этом, важно отметить, что все маршруты проходят через территорию Ирана, автомобильные и железные дороги которого требуют модернизации для увеличения грузоперевозок и устранения инфраструктурных барьеров [Винокуров, Ахунбаев, Забоев, Усманов].

В свою очередь, восстановление транспортного сообщения Армении с Азербайджаном и Турцией, а также развитие внутренних путей может создать удобные альтернативные маршруты в рамках обоих международных коридоров – как «Север-Юг», так и «Восток-Запад». Если удастся в перспективе также восстановить железную дорогу из России в Грузию через Абхазию это создаст еще один привлекательный маршрут для коридора «Север-Юг» и укрепит сотрудничество России со странами региона и их соседями [Россия восстанавливает].

В перспективе успешная нормализация армяно-азербайджанских отношений и реализация проектов восстановления и развития транспортной инфраструктуры в регионе будет иметь для Кавказа и Евразии целый ряд долгосрочных позитивных последствий в разных сферах. В политическом пространстве это станет показателем зрелости и мудрости конфликтующих сторон в урегулировании давнего и сложного затяжного спора, а также в нормализации отношений в целом, и послужит важным примером снижения напряженности для всего Кавказа и сопредельных регионов, отличающихся повышенной конфликтностью, а также поспособствует укреплению связей со странами СНГ и странами ближнего и дальнего зарубежья. С точки зрения логистического пространства это поможет создать новые и быстрые маршруты в

рамках международных транспортных коридоров. В экономическом пространстве это внесет вклад в выход Армении из торговой блокады, преодоление международной изоляции России, экономическое развитие, интеграцию экономик стран региона и расширение трансграничной торговли.

В целом развитие Нагорного Карабаха и Южного Кавказа как нового транспортного и логистического хаба требует последовательной и системной работы, которую непросто проводить в нынешние турбулентные времена. Сложная мозаика разных пространств и интересов, пересекающихся на Южном Кавказе, отражает его противоречивость и многомерность.

Список литературы

Аэропорт Лачин получил международный статус // Вестник Кавказа. 26.05.2025. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/aeroport-lacin-polucil-mezhdunarodnyi-status.html> (дата обращения: 17.10.2025).

Армения — Иран: несбывшиеся проекты и реальные перспективы // EADaily. 02.03.2019. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/03/02/armeniya-iran-nesbyvshiesya-proekty-i-realnye-perspektivy> (дата обращения: 20.06.2023).

Армянские претензии к РЖД // Vgudok. 21.06.2019. URL: <https://vgudok.com/lenta/armyanskie-pretenzii-k-rzhd-erevan-mozhet-nastaivat-na-peresmotre-usloviya-koncessii-yukzhd> (дата обращения: 20.06.2023).

Винокуров Е., Ахунбаев А., Забоев А., Усманов Н. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2 // Евразийский банк развития. 26.10.2022. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-investitsionnye-resheniya-i-myagkaya-infrastruktura/?ysclid=ljoxrm0b4t412942475> (дата обращения: 20.06.2023).

Давтян В., Маргарян Н. Транспортные коммуникации Южного Кавказа после войны в Нагорном Карабахе // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1 (LIV). С. 123–135. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-1-123-135.

Железная дорога Горадиз-Агбенд построена на 63% // Вестник Кавказа. 18.04.2025. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/zeleznaa-doroga-goradiz-agbend-postroena-na-63.html> (дата обращения: 17.10.2025).

Завершено 15% строительства граничащего с Ираном участка Каджаран-Агарак трассы «Север–Юг» // Спутник. Армения. 23.05.2025. URL: <https://am.sputniknews.ru/20250523/zaversheno-15-stroitelstva-granichaschego-s-iranom-uchastka-kadzharan-agarak-trassy-sever-yug-89275587.html> (дата обращения: 17.10.2025).

Интервью премьер-министра Никола Пашиняна телеканалу «Аль-Джазира» // Премьер-министр Республики Армения. 14.06.2022. URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2022/06/14/Nikol-Pashinyan-interview-Al-Jazeera/> (дата обращения: 20.06.2023).

На освобожденных территориях Азербайджана продолжается проектирование и строительство 17 автомобильных дорог // Trend News Agency. 08.12.2022. URL: <https://www.trend.az/business/3678744.html> (дата обращения: 20.06.2023).

Новый международный аэропорт в Зангилане // Спутник. 20.10.2022. URL: <https://az.sputniknews.ru/20221020/novyy-mezhdunarodnyy-aeroport-v-zangilane-447671592.html> (дата обращения: 20.06.2023).

Петров А. Зангезурский коридор – что это такое и зачем он нужен? // Вестник Кавказа. 01.03.2023. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/zangezurskij-koridor-cto-eto-takoe-i-zacem-on-nuzhen.html> (дата обращения: 20.06.2023).

Проект мирного договора между Арменией и Азербайджаном // Коммерсантъ. 11.08.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7957519?from=doc_vrez (дата обращения: 17.10.2025).

Пылин А. Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4. С. 122–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-transportnye-koridory-na-yuzhnom-kavkaze-i-ih-tranzitnyy-potentsial> (дата обращения: 20.06.2023).

Россия восстанавливает «Закавказский Транссиб»: какое место обретет Грузия? // EADaily. 11.01.2021. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/01/11/rossiya-vosstanavlivaet-zakavkazskiy-transsib-kakoe-mesto-obretet-gruziya> (дата обращения: 20.06.2023).

Строительство ж/д Ванадзор–Фиолетово начнется осенью 2011 года (Армения) // ИА Регнум. 19.05.2011. URL: <https://regnum.ru/news/1406553> (дата обращения: 20.06.2023).

Федоровская И. Проекты развития транспортной инфраструктуры Закавказья // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 4 (LVII). С. 123–131. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-123-131.

References

Aeroport Lachin poluchil mezhhdunarodnyi status [Lachin Airport Receives International Status] // Vestnik Kavkaza. May 26, 2025. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/aeroport-lacin-poluchil-mezhdunarodnyj-status.html> (accessed: 17.10.2025). (In Russian).

Armeniya — Iran: nesbyvshiesya proekty i real'nye perspektivy [Armenia-Iran: Unfulfilled Projects and Real Prospects] // EADaily. March 2, 2019. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/03/02/armeniya-iran-nesbyvshiesya-proekty-i-realnye-perspektivy> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Armyanskie pretenzii k RZhD [Armenian claims against Russian Railways] // Vgudok. June 21, 2019. URL: <https://vgudok.com/lenta/armyanskie-pretenzii-k-rzhd-erevan-mozhet-nastaivat-na-peresmotre-usloviya-koncessii-yukzhd> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Davtyan V., Margaryan N. Transportnye kommunikatsii Yuzhnogo Kavkaza posle voyny v Nagornom Karabakhe [Transport communications of the South Caucasus after the war in Nagorno-Karabakh] // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2022. No. I (LIV). P. 123–135. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-1-123-135. (In Russian).

Fedorovskaya I. Proekty razvitiya transportnoi infrastruktury Zakavkaz'ya [Projects for the development of the transport infrastructure of Transcaucasia] // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2022. No. IV (LVII). P. 123–131. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-123-131. (In Russian).

Interv'yu prem'er-ministra Nikola Pashinyana telekanalu «Al'-Dzhazira» [Nikol Pashinyan Interview to Al-Jazeera TV Channel] // Prem'er-ministr Respubliki Armeniya. June 14, 2022. URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2022/06/14/Nikol-Pashinyan-interview-Al-Jazeera/> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Na osvobodennykh territoriyakh Azerbaidzhana prodolzhaetsya proektirovanie i stroitel'stvo 17 avtomobil'nykh dorog [Design and construction of 17 highways continue in the liberated territories of Azerbaijan] // Trend News Agency. December 8, 2022. URL: <https://www.trend.az/business/3678744.html> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Novyi mezhdunarodnyi aeroport v Zangilane [New international airport in Zangilan] // Sputnik. October 20, 2022. URL: <https://az.sputniknews.ru/20221020/novyy-mezhdunarodnyy-aeroport-v-zangilane-447671592.html> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Petrov A. Zangezurskii koridor – chto eto takoe i zachem on nuzhen? [Zangezur corridor – what is it and why is it needed?] // Vestnik Kavkaza. March 1, 2023. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/zangezurskij-koridor-cto-eto-takoe-i-zacem-on-nuzhen.html> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Proekt mirnogo dogovora mezhdru Armeniei i Azerbaidzhanom [Draft peace treaty between Armenia and Azerbaijan] // Kommersant. August 11, 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7957519?from=doc_vrez (accessed: 17.10.2025). (In Russian).

Pylin A. Mezhdunarodnye transportnye koridory na Yuzhnom Kavkaze i ikh tranzitnyi potentsial [International transport corridors in the South Caucasus and their transit potential] // Geoekonomika energetiki. 2018. No. 4. P. 122–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-transportnye-koridory-na-yuzhnom-kavkaze-i-ih-tranzitnyy-potentsial> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Rossiia vosstanavlivaet «Zakavkazskii Transsib»: kakoe mesto obretet Gruziiya? [Russia is restoring the «Transcaucasian Trans-Siberian Railway»: what place will Georgia find?] // EADaily. January 11, 2021. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/01/11/rossiya-vosstanavlivaet-zakavkazskiy-transsib-kakoe-mesto-obretet-gruziiya> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Stroitel'stvo zh/d Vanadzor-Fioletovo nachnetsya osen'yu 2011 goda (Armeniya) [The construction of the Vanadzor-Fioletovo railway will begin in autumn 2011 (Armenia)] // IA Regnum. May 19, 2011. URL: <https://regnum.ru/news/1406553> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Vinokurov E., Akhunbaev A., Zaboiev A., Usmanov N. Mezhdunarodnyi transportnyi koridor «Sever – Yug»: investitsionnye resheniya i myagkaya infrastruktura. Doklady i rabochie dokumenty 22/2 [International transport corridor «North – South»: investment solutions and soft infrastructure. Reports and working papers 22/2] // Evraziiskii bank razvitiya. October 26, 2022. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-investitsionnye-resheniya-i-myagkaya-infrastruktura/?ysclid=ljoxrm0b4t412942475> (accessed: 20.06.2023). (In Russian).

Zaversheno 15% stroitel'stva granichashchego s Iranom uchastka Kadzharan-Agarak trassy «Sever-Yug» [15% of the construction of the Kajaran-Agarak section of the North-South Highway bordering Iran has been completed] // Sputnik Armenia. May 23, 2025. URL: <https://am.sputniknews.ru/20250523/zaversheno-15-stroitelstva-granichashchego-s-iranom-uchastka-kadzharan-agarak-trassy-sever-yug-89275587.html> (accessed: 17.10.2025). (In Russian).

Zheleznaya doroga Goradiz-Agbend postroena na 63% [Horadiz-Agbend Railway 63% Complete] // Vestnik Kavkaza. April 18, 2025. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/zeleznaa-doroga-goradiz-agbend-postroena-na-63.html> (accessed: 17.10.2025). (In Russian).

Косников Андрей Алексеевич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ МНОГОСОСТАВНЫХ ОБЩЕСТВ

Аннотация: Статья посвящена проблемным аспектам использования пространственного подхода в исследовании многосоставных обществ. Внимание уделено обоим контурам политической деятельности общины: внутреннему (в виде реализации принципов сообщественности) и внешнему (в виде взаимодействия с другим государством, которое является патроном общины). Цель работы – поиск в рамках пространственного подхода оптимальных инструментов выявления целостного независимого политического пространства на обоих контурах. В первой части проанализирован вопрос концептуализации политического пространства и на основе институционального и коммуникативного подходов выведен критерий его монолитности. Во второй рассмотрены частные примеры многосоставных обществ различной степени фрагментированности и с помощью разработанного критерия определена иерархическая роль общины в политическом пространстве многосоставного общества. В третьей части исследовано явление трансграничного клиентелизма в многосоставном обществе. В связи с разнообразием типов патрон-клиентских отношений и очевидной проблемой идентификации трансграничных политических пространств предложено использование пространственно-организационного анализа. Продемонстрировано, что интеракционистская трактовка понятия организационного поля в большей степени подходит для унификации представления трансграничного клиентелизма. В ходе исследования доказано отсутствие практической возможности существования политического пространства общины многосоставного государства, целостного и независимого от него. С учетом институционально-коммуникативного критерия выявлена дифференциация типов патрон-клиентской связи по уровню интеграции, что является причиной как наличия, так и отсутствия общего для патрона и клиента политического пространства. Сделан вывод об уместности использования категорий пространственно-организационного анализа в качестве альтернативы для описания таких групп акторов.

Ключевые слова: пространственный подход, политическое пространство, организационная теория, организационное поле, многосоставное общество, клиентелизм

Автор: Косников Андрей Алексеевич, аспирант/соискатель, Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), kosnikov.andrey@gmail.com

Andrey Kosnikov

USING SPATIAL APPROACH IN STUDY OF PLURAL SOCIETIES

Abstract: The article is devoted to the problematic aspects of using the spatial approach in regard to plural societies. Attention is paid to both contours of the political activity

of the section: internal (implementation of the principles of consociationalism) and external (interaction with another state, the patron of the section). The purpose of the work is to search for optimal spatial approach's tools for identifying an integral political space on both contours. In the first chapter, the issue of conceptualization of political space is analyzed and, due to institutional and communicative approaches, a criterion for its solidity is derived. In the second chapter, particular examples of plural societies are considered and the role of their sections in the political space is determined. The third chapter explores the phenomenon of cross-border clientelism in a plural society. Due to the variety of patron-client relations and the problem of identifying cross-border political spaces, the use of organizational theory is proposed. It is shown that the interactionist interpretation of the organizational field is more suitable for unifying the idea of cross-border clientelism. Ultimately, practical impossibility for the existence of an integral and independent political space of a community of a consociational state was proved. Taking into account the developed criterion, it is exposed that patron-client relationship is differentiated by the level of integration, which is the reason for both the presence and absence of a common political space for the patron and the client. The conclusion is made about the appropriateness of using the categories of spatial-organizational analysis as an option for describing such groups of actors.

Key words: spatial approach, political space, spatial-organizational analysis, organizational field, plural society, clientelism

Author: Kosnikov Andrey, PhD Student, Lomonosov Moscow State University, kosnikov.andrey@gmail.com

На современном этапе науки о международных отношениях активный импульс получили исследования в рамках пространственного подхода, использующие новые категории и методологический инструментарий [Прохоренко, 2015, с. 6–7]. Рост числа таких работ и научные успехи в данной нише [Прохоренко, 2015, с. 8–9] ведут к расширению потенциального круга объектов исследования, в который входит такое явление мировой политики, как многосоставное общество.

Многосоставные общества как правило существуют в рамках навязанных колониальных границ и образуют «государства-нации» [Миллер], составные элементы которых (общины) вследствие этнических или конфессиональных аспектов проявляют двойную лояльность как к собственному государству, так и к близкому им внешнему актору. При этом их самостоятельная политика, поддерживаемая соответствующими институтами, не определяется на национальном уровне как сепаратизм, а является неотъемлемой частью политической культуры всего государства.

С применением пространственного подхода при политическом анализе многосоставного общества перед исследователем может встать вопрос о точном соотношении его структурных единиц с соответствующими методологическими категориями, в первую очередь понятием политического пространства. В данной статье уделено внимание двум исследовательским вопросам: образуют ли общины многосоставного государства самостоятельные политические пространства, не обусловленные общенациональным уровнем власти; образуют ли общины целостное политическое пространство с внешним актором-патроном в случае трансграничных патрон-клиентских связей.

В теоретическом анализе мы столкнулись с многообразием в понимании термина «политическое пространство», обусловленным использованием различных

методологических подходов: институционального и коммуникативного, а также организационной теории. Если первые два подхода позволяют сформулировать критерий целостности политического пространства, то организационная теория при интеракционистской трактовке определения поля позволяет описывать трансграничное клиенталистское взаимодействие.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Понятие политического пространства является одним из достижений постмодернистского философского синтеза французского социолога Пьера Бурдьё (1930–2002), изложившего естественно-научное восприятие социальной действительности в виде подобия силового поля, являющегося местом приложения сил и взаимодействия так называемых «агентов», не только воспринимающих общественные структуры и реагирующих на их наличие, но и формирующих исходя из них своё социальное поведение [Бурдьё]. Такое поле, аналогично физическому пространству, имеет систему координат; при этом, однако, утверждение тождественности социального (и политического как его частного случая) пространства и географической территории было бы поверхностным упрощением. Ключевой принцип пространственного подхода – характеристика агентов посредством их взаимной диспозиции и набора дистанций.

Другим важным понятием теории Бурдьё является «габитус» (от латинского *habitus* – «внешность», «облик») – система приобретённых агентом схем восприятия пространства, оценивания, принципов распределения по классам [Громов, Мацкевич, Семёнов, с. 531]. Можно утверждать, что габитус для агента является не только инструментом восприятия окружающей социально-политической действительности, но и средством её формирования и управления. Именно категория габитуса становится залогом инертности социальных структур политического пространства и поддерживает определённый уровень стабильности системы.

Таким образом, политическое пространство фактически является местом, где в конкурентной борьбе между агентами, ориентирующимися на габитус, рождается политика. Однако такая формулировка имеет в значительной степени обывательский характер и недостаточна для обоснованного анализа международно-политической реальности и ответа на вопросы, касающиеся роли данной категории в исследовании многосоставных обществ. Научная концептуализация понятия политического пространства до сих пор представляет собой не решённую окончательно проблему [Прохоренко, 2015, с. 21]. Тем не менее сложились подходы, широко использующие категорию в контексте прикладных исследований и позволяющие выделять её как в сфере внутригосударственной политической жизни, так и в международных отношениях.

Особенно перспективной видится концептуализация политического пространства на основе институционального и коммуникативного подходов, в практическом смысле позволяющих естественным образом связать теоретические категории, а также реальные субъекты и явления политики.

С одной стороны, институциональный подход рассматривает искомое пространство в смысле политического управления, которое реализуется через институты и институциональные практики – очевидные для восприятия обществом структуры политической действительности. Данные структуры фактически переводят виртуальную политическую сферу в физическую плоскость, позволяя представить конфигурацию и взаимные дистанции агентов, что напоминает силовое поле Бурдьё.

С другой стороны, коммуникативный подход, оперируя близкими французскому социологу терминами, делает акцент на габитусе агентов, т. е. на их символической ориентации: культуре, менталитете, идеологии. В этом случае процесс коммуникации позиционируется как естественный способ определения социальных различий, которые в свою очередь формируют дистанции. Тогда конфигурация политического пространства определяется «формами отражения этих объективных структур (сложившегося нормативного порядка, укоренившихся ценностных систем) в массовом сознании, т. е. когнитивными и ментальными конструкциями, в которых воссоздаются и/или модифицируются различия, конституирующие политическое пространство» [Пушкарева].

Исходя из вышеизложенного определение целостности или фрагментированности политического пространства в реалиях исследуемого многосоставного общества может быть сведено к выявлению двух онтологических опор: институциональной как совокупности точек приложения политической коммуникации и символической как набор общих идеологем, ценностей и идентичностей [Прохоренко, 2016]. В случае наличия обеих опор можно предполагать образование многосоставным обществом единого политического пространства, выполняющего функции создания и поддержания собственного единства [Чихарев, Прохоренко]. Данная система является устойчивой и самовоспроизводимой: институционализация общества, укрепляя внутренние связи, закрепляет его границы, дополняя их когнитивную маркированность, а идентичность непосредственно формирует ее.

В разделенных обществах характер институционализации и символика на общенациональном и субнациональном уровнях может иметь монолитный характер и различаться вплоть до возникновения взаимного конфликтного противопоставления. Для ответа на вопрос о существовании независимых субнациональных общинных политических пространств прежде всего необходимо определить, насколько общинные институты и символика самостоятельны, полностью обособлены от политического пространства государства-нации.

ОБЩИНЫ МНОГОСОСТАВНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА

К субъектам политического пространства можно отнести различные институты: семью, религиозную конфессию, образование, все многообразие политических институтов. Чаще всего из них только образование и политические институты подвергаются регулированию на уровне национального законодательства, поэтому анализ целостности или фрагментированности институтов многосоставных обществ проводится с акцентом прежде всего на них.

Отметим, что объединяющая институционализация обычно характерна для многосоставных обществ в неменьшей степени, чем для классических национальных государств. При всем уровне автономности общин сами принципы консоциальной демократии должны реализовываться на основе какого-либо управленческого консенсуса, закрепленного в функционирующих общенациональных политических институтах.

Например, в Малайе (позже в Малайзии), представляющей собой многосоставное общество, в 1955–1969 гг. существовал классический консоциальный институт «большой коалиции»: правящая Союзная партия (Alliance Party) на основе

негласного консенсуса представляла интересы малайской, китайской и индийской общин. Суть консенсуса заключалась в разграничении социальных ролей общин и фиксации сложившейся стратификации общества в разрезе этнических групп: так, например, малайской общине была фактически делегирована монополия на политическое управление, китайская община закрепляла за собой статус гегемона в торгово-экономической сфере, индийская община, ввиду своей малочисленности и экономического расслоения, относительно доминировала лишь в отдельных хозяйственных сферах (например, в предоставлении медицинских услуг).

Таким образом, малайзийская консоциальная демократия 1955-1969 гг. не шла по пути разделяющей общество институционализации: выборы в законодательные органы проводились по равнозначным одномандатным округам (где практически всегда преимущество имели малайцы), а этнические квоты отсутствовали. Все это, с точки зрения институционального подхода, позволяет говорить о целостности единого политического пространства государства и отсутствии выраженных независимых политических пространств отдельных общин. Фактически обособленные общинные институты были представлены лишь оппозиционными этническими партиями, не входящими в правительственную большую коалицию. Неудачные для Союзной партии парламентские выборы 1969 г. стали причиной деградации сложившихся в государстве принципов общности и перехода к иным путям нациестроительства [Погадаев].

Кроме того, сепарация политических институтов в многосоставных обществах, организованных по общинному принципу, фрагментирует единое политическое пространство государства. Например, иной по сравнению с исторической малайзийской общностью является консоциальная демократия в Ливане, где действует сложная система общинных квот, существующих на всех уровнях институтов – от национальных институтов всех трех ветвей власти до местных представительных органов. Можно предполагать, что известная неработоспособность ливанских политических институтов отчасти является следствием данной фрагментированности. Однако при этом квотная система государственного устройства одновременно ограничивает потенциал сепарационной институционализации общинных подпространств, поскольку их ключевой целью является политическое участие и влияние на выработку общенационального курса, а не замыкание в себе и кантонизация политической культуры. Это касается, по крайней мере, крупнейших общин, имеющих возможность лоббирования своих интересов на государственном уровне.

Если рассматривать целостность институтов многосоставного общества через призму системы образования, то различные государства также демонстрируют различную степень ее фрагментированности. Например, в том же Ливане образование представляет собой совокупность полузамкнутых общинных систем как в средней, так и в высшей школе. На уровне высшего образования существует только один государственный университет, дистанцирующийся от какой-либо этноконфессиональной связи, при этом он даже не считается однозначно наиболее престижным местом обучения и центром научно-преподавательской работы общегосударственного масштаба [2023 Lebanese University Ranking]. В то же время в ряде консоциальных государств принципы общности не распространяют на сферу образования, тем самым поддерживая единство этого важного институционального поля.

Второй частью онтологического фундамента политического пространства является опора символическая, включающая в себя весь спектр так называемых

символов, предопределяющих схемы восприятия обществом политической действительности. Символика может выражаться как через конкретные идеограммы и условные знаки (флаг, герб, гимн и др.), так и через средства-абстракции (нормы и ценности, традиции, идеологемы, идентичности и др.). Соответственно, на уровне данных субъектов политического пространства можно выделить объединяющие и разъединяющие символы, баланс между которыми различен и зависит от конкретной исторической ситуации.

К примеру, в Ливане границы между конфессиональными общинами не только оказали влияние на стратовые пределы распространения соответствующих групповых «картин мира», ценностных ориентаций и культурных ландшафтов, но и в значительной степени совпали с электоральными границами политических идеологий, породив такие понятия, как «правохристианский» и «левомусульманский» лагеря. Таким образом, возникла интерференция групповой символики и институтов политических партий. Вместе с тем в Ливане существует и объединяющая символика, в частности идеологема арабизма (объединяющая большинство страт, за исключением небольшой группы правохристиан-финикистов и этнических меньшинств) или государственные флаг и герб, выполненные в нейтральном ключе с использованием объединяющего все общины символа ливанского кедра. При этом необходимо отметить, что ливанский кедр исторически представлял собой христианский символ (Пс 91:13-14 — «Праведник цветёт, как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане // Насаждённые в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего»), а его связь с территорией современного Ливана возникла в позднеосманский и подмандатный периоды во время закрепления на ней ведущей роли маронитской общины. Это не помешало кедру в XX в. преодолеть общинные границы и стать символом национального уровня, что подтверждается его использованием в качестве эмблемы рядом немаронитских (Дашнакцутюн) и нехристианских (друзская Прогрессивно-социалистическая партия, суннитская партия юнионистов) политических движений.

В то же время в другом многосоставном обществе, Ираке, политическая история которого, в отличие от Ливана, представляет собой не инспирированное сверху законодательное становление консоциальной демократии, а ожесточенную борьбу между общинами (главными из которых являются арабы-сунниты, арабы-шииты и курды) за само право быть признанными субъектами в политической жизни страны, государственные эмблемы относятся к разъединяющей символике. Принятый в 1963 г. флаг панарабских цветов, отражает смыслы исключительно арабской части иракского общества, а с точки зрения курдской общины, по-прежнему, удаление символических элементов эпохи Саддама Хуссейна, не является объединяющим идеологическим символом.

Таким образом, для постулирования общинных подпространств как независимых политических пространств необходима особая, самодостаточная относительно всего государства институционализация и опора исключительно на разъединяющую символику. Второй аспект кажется теоретически достижимым. Хотя на практике в любом многосоставном обществе существуют общие нарративы, как минимум общенациональная историческая память, основанная на фактах, связанных со взаимодействием общин и их восприятием событий национального масштаба, а если рассматривать более простой пример «сформированных сверху» консоциальных демократий, то с их политической историей до становления общности. Первый же – абсолютное отсутствие объединяющих общины институтов в многосоставных обществах – следует вообще исключить в силу самого характера общественной

демократии, предполагающей наличие объединяющей институционализации хотя бы на базовом уровне, поскольку она необходима для реализации принципов, заложенных в теории консоциализма (будь то правительство большой коалиции, квотные системы или другие системы сдержек и противовесов). Даже в случае общественно-политического коллапса в консоциальных демократиях общинные элиты *volens polens* вынуждены создавать совместные институты для ведения переговоров относительно поиска путей выхода из кризиса либо мирного развода и разделения государства.

ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОДХОД

Более частным объектом исследований в многосоставных обществах в рамках пространственного подхода может стать явление своеобразной «трансграничной клиентелы», взаимосвязи между общиной-клиентом в одном государстве и ее патроном в другом. Безусловно, наличие таких патрон-клиентских отношений не является обязательным признаком любого многосоставного общества – они характерны, прежде всего, в случае существования транснациональных этнических и/или конфессиональных связей.

Являются ли такие трансграничные связи достаточным условием для того, чтобы говорить о целостности политического пространства, включающего в себя внутреннего агента (общину) и внешнего агента (государство-патрон)? Для ответа на данный вопрос обратимся к известному требованию о наличии связывающей институционализации и объединяющей символики. Объединяющая клиента и патрона символика заложена изначально по своей природе, до проведения границ, и часто является как раз причиной принятия принципов общности. При этом такое символическое единство может деградировать по причине нахождения социальных общностей в рамках различных государств и накопления отличного исторического опыта. Одновременно объединяющая институционализация обычно изначально отсутствует, но может формироваться при наличии соответствующего стремления элит и их возможностей.

В качестве примера патрон-клиентских отношений с различной степенью взаимной пространственной интеграции можно рассмотреть связи между шиитской общиной Ливана и Ираном, с одной стороны, и католической общиной Северной Ирландии и Республикой Ирландия – с другой.

Шиитская община Ливана существует с VII в., однако после вторжения мамлюков в 1309 г. и в период османского правления в XVI–XIX вв. она утратила свое влияние и была вытеснена в периферийные районы. В начале XX в. большая часть шиитов, кроме малочисленной феодальной верхушки, относилась к наиболее малоимущим слоям ливанского общества и насчитывала порядка 17 % населения [Maskey, p. 194]. По этой причине в период становления общности в Ливане в 1930–40-е гг. шииты были признаны только третьей по значимости общиной страны и не получили значительные квоты в органах власти. Последующий быстрый демографический рост бедного шиитского населения (в настоящее время его доля превысила 31% [CIA World Factbook]) был одним из факторов особой роли общины в период гражданской войны 1975–1990 гг. в борьбе за пересмотр межобщинного консенсуса и формализацию собственного возросшего влияния. Борьба велась вооруженными группировками «Амаль» и «Хезболла», позже ставшими политическими партиями. В то же время в Иране в 1979 г. к власти пришло шиитское духовенство, включившее в арсенал

внешнеполитических инструментов страны экспорт исламской революции и поддержку шиитов в других странах Ближнего Востока.

Исторически между шиитами Ливана и Ирана мало общего: они относятся к разным этническим группам, имеют разное происхождение и никогда не жили в одном государстве, тем не менее это не помешало становлению патрон-клиентских связей и активному содействию Ирана политической деятельности ливанских шиитов, прежде всего через «Хезболлу» («Амаль» как организация появилась еще до исламской революции в Иране и изначально ориентировалась на Сирию). К объединяющей двух агентов символике можно отнести только связанные с конфессиональной принадлежностью нормы, ценности и культурные практики, тогда как остальные аспекты – этническая и языковая идентичность, историческая память, используемые эмблемы – различны.

Институциональная связь между двумя агентами также не является явно выраженной. Исповедание шиизма не предполагает создание жестко структурированных религиозных институтов, которые могли бы иметь трансграничный характер. В сфере образования, несмотря на функционирование в Ливане множества частных образовательных организаций, имеющих возможность руководствоваться собственными учебными программами, прямое влияние Ирана ограничено междуниверситетским сотрудничеством с шиитскими учебными заведениями (Исламский университет Ливана и Аль-Маареф) и научной кооперацией [President of the Islamic University of Lebanon...], в большей степени основанной на личных связях преподавательского состава с религиозными университетами Ирана. С точки зрения политических институтов, «Хезболла» и аффилированные с ней вооруженные группы, хоть и были учреждены и продолжают финансироваться непосредственно иранским правительством, но представляет собой полностью автономную структуру, ведущую самостоятельную политику, не направленную против интересов Ирана, но и не всегда совпадающую с ними [Lob]. Принципиальные идейные расхождения между шиитскими партиями Ливана и хомейнистским руководством Ирана (отказ от копирования иранской системы «вилаят факих» и превращения Южного Ливана в постоянный плацдарм для атак на Израиль) как раз обусловлены необходимостью учитывать существование ливанских шиитов в рамках совершенного иного государства и политического пространства. Согласно социологическим исследованиям, среди характеристик ливанской политической системы наиболее ценной для 44% ливанских шиитов является культурное многообразие, для 34% – инклюзивность [Haddad, p. 302], что мало соотносится с предположением о единстве политического пространства общины с Ираном.

Другим примером агента трансграничных патрон-клиентских отношений является католическая община Северной Ирландии. Страна представляет собой автономную единицу Соединенного Королевства, имеющую элементы суверенитета. Согласно Белфастскому соглашению 1998 г. управление автономии приобрело характер консociальной демократии с распределением власти между двумя общинами: протестантской (англо-ирландцы, шотландо-ирландцы) и католической (коренные ирландцы). Католическая община (как и шиитская в Ливане) за счет более молодой возрастной структуры имеет выраженную тенденцию к росту: только за 2001-2021 гг. ее доля выросла с 43,8% до 45,7%, обогнав протестантскую, снизившуюся с 53,1% до 43,5%. Аналогичные процессы демонстрируют связанные с конфессией национальная идентичность (доля идентифицирующих себя исключительно как «ирландцев» в 2011-2021 гг. выросла с 25,3% до 29,1%; как «ирландцев» с учетом дополнительных

идентичностей – с 28,1% до 33,0%; исключительно как «британцев» – снизилась с 39,9% до 31,9%) и наличие определенного паспорта (доля обладателей паспортов Ирландии в 2011-2021 гг. выросла с 20,8% до 32,3%, а Великобритании – снизилась с 59,1% до 52,6% – законодательство Северной Ирландии уравнивает в правах граждан Ирландии и подданных Соединенного Королевства) [Northern Ireland Statistics and Research Agency]. Такая динамика предопределила борьбу католической общины за увеличение политического участия на протяжении XX в. и принятие в Северной Ирландии принципа общности.

В отличие от ливанских шиитов, католическая община Северной Ирландии является органической частью католического населения всего острова Ирландия, не имевшего внутренней границы до 1922 г. Очевидно, в таком случае патрон-клиентские связи находятся на совершенно ином уровне, вплоть до наличия движения ирредентизма. К объединяющей население Ирландии и католиков Северной Ирландии символике можно отнести не только нормы и ценности католического вероисповедания, но и этническую идентичность, общий язык, идеологию ирландского единства (линия раскола между католической и протестантской общинами коррелирует с электоральными базами националистов и юнионистов), общую историческую память (например, о Великом голоде 1845-1849 гг.), также католики, в отличие от протестантов, предпочитают использовать в качестве символа ирландский триколор. Таким образом, в целом можно говорить даже не о наличии объединяющей двух агентов символики, а об отсутствии символики разделяющей.

Между Ирландией и католической общиной Северной Ирландии существует множество институциональных связей. По Белфастскому соглашению 1998 г. среди прочих были созданы Совет министров Севера и Юга и Британо-Ирландский совет, представляющие собой межправительственные организации, фактически играющие роли органов власти в пределах обозначенной им компетенции для решения многих вопросов, затрагивающих Северную Ирландию и Республику Ирландия. Для католической общины важную роль играет также интеграция на уровне политических партий: например, ведущая среди них «Шинн Фейн» осуществляет деятельность на всем острове. Католические религиозные институты тоже объединены в рамках всего острова. Административно-территориальное устройство церкви Ирландии не учитывает британо-ирландскую границу даже на низовом уровне: так, архиепархия Армы включает в себя приходы по обеим сторонам от нее.

Образовательные институты католиков Северной Ирландии и Республики Ирландия интегрированы в гораздо меньшей степени, однако это отчасти нивелируется интеграцией на верхнем европейском уровне посредством участия в Болонском процессе и значительной ролью религиозного образования (Совет католических поддерживаемых школ является крупнейшим работодателем для учителей Северной Ирландии [The Council for Catholic Maintained Schools (CCMS)]).

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что трансграничные патрон-клиентские связи в различных случаях могут иметь совершенно различный характер. И если в одной ситуации (Ирландия и католики Северной Ирландии) мы вправе говорить о формировании политического пространства, в контексте которого допускается свободно оперировать категориями пространственного анализа, то в другой (Иран и шииты Ливана) это было бы неверно. Существуют ли иные трактовки в рамках пространственного подхода, которые более точно описывали бы патрон-клиентские связи и универсализировали бы их анализ?

Перспективным представляется использование организационной теории, которая является развитием идеи социального пространства Бурдьё. Теория использует категории организации и организационного поля, с помощью которых можно наглядно описать в том числе и патрон-клиентские связи с низкой степенью общности институционализации и символики, что оставалось препятствием для верификации целостности политического пространства при использовании лишь институционального и коммуникативного подходов.

Организации – это автономные социальные структуры, выполняющие определенную функцию и обладающие рядом характеристик: устойчивой ориентацией на достижение общей цели, общностью социального поведения, искусственной структурированностью [Parsons, p. 17]. Группа организаций объединяется в организационные поля, которые, согласно точке зрения американских социологов П. Ди Маджо и У. Пауэлла, представляют собой структурированную, связную и коммуницирующую форму институциональной жизни [DiMaggio, Powell]. В организационном поле есть доминирующая организация и иерархия, согласной которой другие организации разделяют определенный идейно-функциональный консенсус [Fligstein, McAdam, p. 11].

Действительно, при смещении акцента с институтов и символики на функции можно унифицировать подход к различным типам патрон-клиентских связей. Пространство этих связей представляет собой организационное поле, в котором доминирующая организация (патрон) вовлекает клиента в сферу своего влияния, воздействуя на его поведение, но не интегрируя в него. В таком случае развитость институционализации клиентской общины несет пользу патрону, поскольку позволяет общине выполнять заданную функцию.

При исследовании слабо институционализированных патрон-клиентских связей в большей мере изучается не их неформальная структура, а процесс взаимодействия акторов. Акцент на взаимодействии делает интеракционистская трактовка организационного поля. Организационное поле в данном случае будет представлять собой пространство взаимодействия акторов (организаций), обуславливающего их поведение [Флигстин]. Поведение организаций в зависимости от их положения в иерархии может быть иметь различный характер: от элементарного выполнения функции до стремления формировать новые поля и задавать новые функции.

С таким подходом патрон-клиентские отношения получают более универсальное научное описание. Например, существует шиитское политическое организационное поле, состоящее из доминирующей организации (Ирана) и других организаций, заграничных шиитских общин. Их объединяет не институционализация и символика, а ориентация на общую цель – увеличение влияния шиитов в регионе – и исполнение функции по ее реализации, а главным предметом изучения становится не их структура, а взаимодействие между собой.

Таким образом, рассмотрены вопросы концептуализации политического пространства и обозначены критерии его целостности и самостоятельности. Сделан вывод, что, общины многосоставного государства не соответствуют данным критериям, не относятся к политическому пространству, но формируют подчиненные государству политические подпространства. Изучение примеров посредством определенного ранее институционально-коммуникативного критерия продемонстрировало

разнообразный и противоречивый характер патрон-клиентских отношений. Соответственно, представляется перспективным использовать организационную теорию в ее интеракционистской трактовке для универсализации описания явления трансграничной клиентелы в многосоставных государствах.

Список источников и литературы

- Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2017. 288 с.
- Громов И.А., Мацкевич И.А., Семёнов В.А. Западная социология. СПб.: Издательство ДНК, 2003. 560 с.
- Миллер А.И. Нация-государство или государство-нация // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 127—138.
- Погадаев В.А. Рукунегара как отражение национальной идеи в Малайзии // Вопросы истории. 2019. № 3. С. 135—139.
- Прохоренко И.Л. Испания в Европейском союзе: взаимовлияние национального и транснационального политических пространств. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 4—5.
- Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 111 с.
- Прохоренко И.Л., Чихарев И.А. Трансформации европейского политического пространства: измерения и направления // Политическая наука. 2014. № 10. С. 8—25.
- Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 166—176.
- Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 4. С. 28—55.
- CIA World Factbook (2023) – Lebanon // Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/lebanon/> (дата обращения: 20.06.2023).
- DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147.
- Fligstein N., McAdam D. A theory of fields. Oxford: Oxford University Press, 2012. 256 p.
- Haddad S. Cultural Diversity and Sectarian Attitudes in Postwar Lebanon // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2002. Vol. 28. No. 2. P. 291—306.
- Lob E. Iran and Hizbullah's Development Organization in Lebanon: The Case of Jihād al-Binā' // Die Welt Des Islams. 2019. Vol. 59. Iss. 3/4. P. 411—442.
- Mackey S. Lebanon. A House Divided. New York: W. W. Norton & Company, 2006. 320 p.
- Northern Ireland Statistics and Research Agency. 2001 Census – Key Statistics. 19.12.2002. URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/2001-census-key-statistics> (дата обращения: 20.06.2023).
- Northern Ireland Statistics and Research Agency. 2011 Census – Key Statistics Summary Report. 25.09.2014. URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/2011-census-key-statistics-summary-report> (дата обращения: 20.06.2023).

Northern Ireland Statistics and Research Agency. 2021 Census. Обновлено 22.06.2023. URL: <https://www.nisra.gov.uk/statistics/census/2021-census> (дата обращения: 20.06.2023).

Parsons T. Structure and Processes in Modern Society. New York: Free Press of Glencoe, 1960. 344 p.

President of the Islamic University of Lebanon meets with UT President // University of Tehran. URL: <https://ut.ac.ir/en/news/29692/president-of-the-islamic-university-of-lebanon-meets-with-ut-president> (дата обращения: 01.06.2023).

The Council for Catholic Maintained Schools (CCMS) // Armagh Archdiocese. URL: <https://www.armagharchdiocese.org/ccms/> (дата обращения: 20.06.2023).

2023 Lebanese University Ranking // 4International Colleges & Universities. URL: <https://www.4icu.org/lb/> (дата обращения: 31.03.2023).

References

Bourdieu, P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of social space]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2017: 288 p.

CIA World Factbook (2023) – Lebanon. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/lebanon/> (accessed: 20 June, 2023).

DiMaggio, P.J., Powell, W.W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48, No. 2: P. 147.

Fligstein, N. Polya, vlast i sotsialnye navyki: kriticheskiy analiz novykh institutsionalnykh techeniy [Spaces, Power, and Social Skills: A Critical Analysis of New Institutional Approaches] // Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic sociology]. 2001. No. 4(2): P. 28–55.

Fligstein, N., McAdam, D. A theory of fields. Oxford: Oxford University Press, 2012: 256 p.

Gromov, I.A., Matskevich, I.A., Semyonov, V.A. Zapadnaya sotsiologiya [Western sociology]. Saint-Petersburg: DNK publishing house, 2003: 560 p.

Haddad, S. Cultural Diversity and Sectarian Attitudes in Postwar Lebanon // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2002. Vol. 28, No. 2. P. 291–306.

Lob, E. Iran and Hizbullah's Development Organization in Lebanon: The Case of Jihād al-Binā' // Die Welt Des Islams. 2019. Vol. 59, Iss. 3/4. P. 411–442.

Mackey, S. Lebanon. A House divided. New York: W. W. Norton & Company, 2006: 320 p.

Miller, A.I. Natsiya-gosudarstvo ili gosudarstvo-natsiya [Nation-state or state-nation] // Rossiya v globalnoy politike [Russia in global affairs]. 2008. No. 5 (6). P. 127–138.

Northern Ireland Statistics and Research Agency. 2001 Census – Key Statistics. 19.12.2002. URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/2001-census-key-statistics> (accessed: 20 June, 2023).

Northern Ireland Statistics and Research Agency. 2011 Census – Key Statistics Summary Report. 25.09.2014. URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/2011-census-key-statistics-summary-report> (accessed: 20 June, 2023).

Northern Ireland Statistics and Research Agency. 2021 Census. upd. 22.06.2023. URL: <https://www.nisra.gov.uk/statistics/census/2021-census> (accessed: 20 June, 2023).

Parsons, T. Structure and Processes in Modern Society. New York: Free Press of Glencoe, 1960: 344 p.

Pogadaev, V.A. Rukunegara kak otrazheniye natsionalnoy idei v Malayzii [Rukun Negara as a reflection of the national idea in Malaysia] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2019. No. 3: P. 135–139.

President of the Islamic University of Lebanon meets with UT President. URL: <https://ut.ac.ir/en/news/29692/president-of-the-islamic-university-of-lebanon-meets-with-ut-president> (accessed: 1 June, 2023).

Prokhorenko, I.L. Prostranstvennyy podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnosheniy [Spatial approach in the study of international relations]. Moscow: IMEMO, 2015: 111 p.

Prokhorenko, I.L. Ispaniya v Evropeyskom soyuze: vzaimovliyaniye natsionalnogo i transnatsionalnogo politicheskikh prostranstv [Spain in the European Union: mutual influence of national and transnational political spaces]. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. Moscow: IMEMO, 2016: P. 4–5.

Prokhorenko, I.L., Chikharev, I.A. Transformatsii evropeyskogo politicheskogo prostranstva: izmereniya i napravleniya [Transformations of the European political space: dimensions and directions] // Politicheskaya nauka [Political science]. 2014. No. 10: P. 8–25.

Pushkareva, G.V. Politicheskoye prostranstvo: problem teoreticheskoy kontseptualizatsii [Political Space: Problems of Theoretical Conceptualization] // Polis. Politicheskkiye issledovaniya [Polis. Political studies]. 2012. No. 2: P. 166–176.

2023 Lebanese University Ranking. URL: <https://www.4icu.org/lb/> (accessed: 31 March, 2023).

НОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА И НЕВИДИМЫЕ ГРАНИЦЫ

Котова Юлия Артемовна

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ ГРАНИЦЫ И НОВЕЙШИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ДЕЛИМИТАЦИИ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В XXI ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Аннотация: В условиях международной нестабильности возрастает необходимость обеспечения международной и национальной безопасности в коммуникационных пространствах. «Воздух» и «космос» с момента начала космической эры не имеют закрепленной юридической границы, что приводит к коллизии в вопросах обеспечения безопасности. Актуальность исследования объясняется рядом причин. Во-первых, в период модернизации и трансформации системы международных отношений возникает необходимость дальнейшего совершенствования военной политики государств. Во-вторых, воздушно-космическое пространство остается важнейшим элементом в вопросе обеспечения национальной безопасности стран. В данной статье делимитация рассматривается через призму потенциального применения силы и интересов государственной безопасности на примере США. С этой целью проводится сравнительный анализ важнейших документов страны — Стратегий национальной безопасности США начала XXI века. Показаны ключевые изменения, произошедшие во взглядах американского истеблишмента в отношении роли воздушно-космического пространства для обеспечения национальной безопасности государства. Приводится ретроспектива, показывающая развитие подходов США к проблематике выделения внутренних границ воздушно-космического домена. Не остается без внимания технологический аспект, влияющий напрямую на актуальность исследования. Автор подчеркивает, что вопрос определения границ воздушно-космического пространства существует с момента начала космической эры. С разработкой гибридных аэрокосмических аппаратов, которые могут работать между двумя коммуникационными сферами и перемещаться между ними, будет проверена грань между их различными правовыми режимами. И это испытание может быть связано не с дискуссиями по поводу применимых режимов ответственности, а скорее с принятием в режиме реального времени в центре военных операций решения о том, нарушил ли аэрокосмический аппарат суверенное пространство и какая реакция должна последовать. Статья подготовлена к печати осенью 2023 г.

Ключевые слова: космос, воздушно-космическое пространство, воздушно-космическая мощь США, инновационные технологии, делимитация воздушно-космического пространства

Автор: Котова Юлия Артемовна, преподаватель, Институт международных отношений федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ), YuliaKUrusova@gmail.com

Yulia Kotova

UNDETERMINED FRONTIERS AND DISRUPTIVE TECHNOLOGIES: THE PROBLEM OF AEROSPACE DELIMITATION IN THE XXI CENTURY BY THE EXAMPLE OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Abstract: In the context of ongoing geopolitical perturbations, the need to ensure both international and national security within communication spaces has become more pressing than ever. «Air» and «space» have not had a fixed legal boundary since the beginning of the space age, which continues to generate legal and strategic conflicts related to security. The relevance of this study is underpinned by several factors. First, in the context of the ongoing modernization and transformation of the international relations system, there is an increasingly evident need to further improve the military policies of states. Second, aerospace remains a critical component in ensuring national security. This article examines the issue of delimitation through the lens of potential military applications and national security interests, using the United States as a case study. To this end, a comparative analysis is conducted of key national documents—specifically, the U.S. National Security Strategies from the early 21st century. The analysis highlights the evolution of American strategic thinking regarding the role of aerospace in safeguarding national security. With the development of hybrid aerospace vehicles that can operate between two communication spaces and navigate between them, the line between their different legal regimes will be tested. And this test may not be related to discussions about the applicable liability regimes, but rather to a real-time decision at the center of military operations on whether the aerospace vehicle violated sovereign space and what reaction should follow.

Key words: space, aerospace, aerospace power of the United States of America, disruptive technologies, delimitation of aerospace

Author: Kotova Yulia, Lecturer, Institute of International Relations at the National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), YuliaKUrusova@gmail.com

Контроль над космосом означает контроль над миром, гораздо более
определенный, гораздо более тотальный, чем любой контроль, который был достигнут
с помощью оружия или оккупационных войск. Космос — это конечная позиция, позиция
полного контроля над Землей

Линдон Джонсон, 36-й президент США

Общепризнанно, что первенство в исследованиях и высокий темп военно-прикладного освоения воздушно-космического пространства становятся в многополярном мире ключевым фактором, определяющим стратегический паритет и эффективность национальных стратегий безопасности ведущих государств. В условиях многоструктурных трансформаций как никогда прежде возрастает необходимость обеспечения международной и национальной безопасности в коммуникационных пространствах. В данном контексте особый интерес представляют «воздух» и «космос», граница между которыми с юридической точки зрения остается неопределенной. Большинство исследований данного вопроса до сих пор главным образом рассматривает делимитацию с точки зрения ответственности или управления

воздушным и космическим движением. В данной работе отражена попытка оценить делимитацию через призму потенциального применения силы и интересов государственной безопасности на примере Соединенных Штатов Америки (США) – государства, которое остается одной из ведущих держав мира в освоении воздушно-космического пространства.

Актуальность исследования объясняется рядом причин. Во-первых, в условиях модернизации и трансформации системы международных отношений возникает объективная необходимость дальнейшего совершенствования военной политики государств. Во-вторых, существующая правовая коллизия в вопросах нормативно-правового статуса «воздуха» и «космоса» приобрела особый характер в последние годы в связи с развитием технологий и доступом новых акторов к воздушно-космическим миссиям [Балканов, Старцун]. Такие изменения не могут не проецироваться на отношения между государствами, приводя к росту внимания и интереса к «серой зоне» между воздушным и космическим пространствами. В качестве ярких примеров можно вспомнить суборбитальные полеты Ричарда Брэнсона и Джеффри Безоса летом 2021 года, которые возобновили дискуссии о новейших космических технологиях и даже позволили говорить о возможном начале нового, частного этапа развития космонавтики [Веселов]. Другой пример связан с китайским высотным воздушным шаром, который дрейфовал над США в феврале 2023 года и вызвал столько же взаимных обвинений между странами, сколько и привлек внимания мировой общественности [Pollpeter].

Воздушно-космическая граница до сих пор точно юридически не определена. С одной стороны, есть позиция Международной авиационной федерации (ФАИ), которая называет космическими полетами те миссии, которые проходят на высотах более 100 км, т.е. пересекают «линию фон Кармана», с другой — НАСА признает, что космическим полетом может быть назван тот, который совершен на высоте более 80 км [Веселов]. Встает вопрос о существующей «серой зоне» между пространствами и ее будущем в условиях увеличения числа частных аэрокосмических компаний, новых технологий и росте соперничества на земле.

ЗНАЧЕНИЕ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

США рассматривают космос как часть критически важной инфраструктуры государства, а доступ к космическому пространству и возможность работать в нем – жизненно важным национальным интересом. Критическая роль воздушно-космического домена отражается в документах страны, среди которых ведущее место занимает Стратегия национальной безопасности (далее – Стратегия, СНБ) в качестве документа, интегрирующего все виды безопасности [Грибин]. С начала XXI столетия активно формируется позиция Белого дома относительно воздушно-космической мощи. Чтобы лучше проследить динамику изменения отношения Вашингтона к «воздуху» и «космосу» в рамках данной научной работы был проведен сравнительный анализ СНБ-2005, СНБ-2006, СНБ-2010, СНБ-2015, СНБ-2018 и СНБ-2022. Полученные результаты можно увидеть в Таблице 1.

Таб 1. Меняющаяся роль воздушно-космического пространства в Стратегиях национальной безопасности США в начале XXI века

Меняющаяся роль воздушно-космического пространства в СНБ США в начале XXI века					
СНБ-2002	СНБ-2006	СНБ-2010	СНБ-2015	СНБ-2018	СНБ-2022
Данные об администрации, при которой принималась данная Стратегия					
Дж. Буш-мл. (республиканская администрация)	Дж. Буш-мл. (республиканская администрация)	Б. Обама (демократическая администрация)	Б. Обама (демократическая администрация)	Д. Трамп (республиканская администрация)	Дж. Байден (демократическая администрация)
Отдельные главы / параграфы, посвященные					
Отсутствуют	Отсутствуют	Отсутствуют	Отсутствуют	В содержании к III главе «Сохранение мира с помощью общему пространству» (Assure Access to Shared Spaces)	Параграф «Защитить море, воздух и космос» указан в содержании к предпоследней IV главе «Наша стратегия в регионах»
Воздушно-космическое пространство в Стратегии					
1. Упор сделан на развитие передового дистанционного зондирования, получения доступа к отдаленным театрам военных действий (ТВД);	1. Воздушное пространство в первую очередь является инструментом для борьбы с незаконным распространением оружия массового уничтожения (ОМУ);	1. Военную мощь нужно распространить не только на 3 традиционных домена (земля, воздух, море), но к ним добавляется уже космос и киберпространство;	1. Мир связан общими пространствами (shared spaces) и США должны иметь доступ к ним	1. Подчеркивается лидерство США в космическом пространстве, но также «усиление зависимости» страны от космоса;	1. На региональном уровне (в первую очередь на Ближнем Востоке) важна кооперация в воздухе с союзниками;
2. Указывается важность защиты критически важной инфраструктуры и активов в космосе.	2. Если в воздушном домене страна может столкнуться с традиционными угрозами, то космос уже связан с разрушительными вызовами (Disruptive challenges). Какие именно это вызовы не уточняется в обобщ. случаях.	2. Важно обеспечить безопасность воздушного и космического пространства на глобальном уровне за счет создания новых международно-правовых инициатив.	2. Впервые упомянуто о расширении географически-частного партнерства в космосе и необходимости увеличивать инвестиции в освоении космоса	2. «Демократизация» космоса оказывает влияние на возможность использования космического пространства в военных целях, что создает потенциальную угрозу военного превосходства над США;	2. США стремятся возглавить протекст реализованных деятельности в космическом пространстве для координации движения космических объектов и определения иных новых норм;
3. Важно защитить интересы американской коммерческой деятельности в космосе для обеспечения национальной безопасности страны.					
4. Необходимо выработать долгосрочную «космическую» стратегию.					
Контент-анализ					
За 31 страницу: Air — 1 Space (в значении «космическое пространство») — 1 Airspace — 0 Aerospace — 0	За 49 страниц: Air — 2 Space — 1 Airspace — 0 Aerospace — 0	За 52 страницы: Air — 7 Space — 18 Airspace — 0 Aerospace — 0	За 29 страниц: Air — 5 Space — 11 Airspace — 1 Aerospace — 0	За 55 страниц: Air — 6 Space — 29 Airspace — 0 Aerospace — 1	За 48 страниц: Air — 9 Space — 16 Airspace — 1 Aerospace — 1

Источник: составлено автором по: [National Security Strategy, 2002], [National Security Strategy, 2006], [National Security Strategy, 2010], [National Security Strategy, 2015], [National Security Strategy, 2018], [National Security Strategy, 2022]

Если мы проанализируем все шесть Стратегий, выпущенных с начала XXI века, то приходим к выводу, что вне зависимости от администрации, очевидна поступательная преемственность в вопросе повышения роли воздушно-космического пространства в стратегическом планировании США. «Космос» и «воздух» прошли этапы от пространств, которые ни разу не упоминались в важнейшем документе страны, до тех, которые упоминаются больше 20 раз в различных связках и контекстах (будь то потребность военно-политической или социально-экономической безопасности страны и граждан).

Американская политика в области освоения космоса, в отличие от других направлений деятельности сменяющихся в США администраций, носит не просто непартийный (nonpartisan), но четкий выраженный двухпартийный (bipartisan) характер и в целом базируется на единых подходах. Серьезным отличием от большинства государств является закреплённая на официальном уровне позиция, заключающаяся в стремлении американцев интегрировать возможности военного и гражданского секторов для решения в «воздухе» и «космосе» военно-прикладных задач. В СНБ последних лет также четко отображены тенденции ведения современных войн и конфликтов, при которых проводятся операции с комплексным использованием космических средств разведки, связи, навигации и метеорологического обеспечения (C4ISR).

Опыт военных действий в Ираке, Афганистане, Ливии дал четкое представление, что использование военной силы обходится США и их союзникам крайне дорого, не всегда принося ожидаемый результат [Бартош]. Среди американских экспертов все чаще встречается мнение, что в отличие от войн, которые США вели в начале XXI столетия против террористов и воинствующих экстремистских групп, следующая война — вероятно против Китая или России — угрожает выживанию нации [Бартош]. Подтверждение дает анализ СНБ. На протяжении последних десятилетий она претерпела изменения в оценке угроз и задач для страны, и по-новому рассматривает роль критических операционных сред — «воздуха» и «космоса».

ПОЗИЦИЯ США В ОТНОШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ МЕЖДУ ДВУМЯ ПРОСТРАНСТВАМИ

Проблематика границы двух операционных сред долгое время была в центре внимания американского экспертного сообщества. После окончания Второй Мировой войны Военно-воздушные силы США (ВВС) в лице генерала ВВС Кертиса Лемея, развивали подход, что 1) космическое пространство является инструментом расширения «воздушной мощи»; 2) космос — это естественное продолжение вертикального измерения [Day].

Начальник штаба ВВС генерал Томас Уайт говорил о «едином воздушно-космическом пространстве», подчеркивая, что космос — непрерывное продолжение воздушного пространства [Веселов]. Именно Т. Уайт в 1958 году ввел в употребление термин «аэрокосмическое» или «воздушно-космическое пространство» (aerospace), положив начало новой концепции, которая изображала воздух и космос как непрерывный континуум, простирающийся от поверхности земли до бесконечности [Lambeth].

На официальном уровне США отвергли концепцию «единого пространства». Это было связано с необходимостью обеспечить себе разведывательную свободу рук в

космосе, что было бы невозможно в условиях появления в нем государственного суверенитета. Вспомним, что по результатам Чикагской конференции 1944 года за воздушным пространством был закреплен суверенитет государств. США всеми силами старались не допустить повторения такого подхода в отношении космоса. В отличие от Белого дома ВВС США четко определили, что рассматривают «воздух» и «космос» как единое неделимое поле деятельности [Lambeth]. Однако позицию ВВС не приняли в НАСА, Национальном совете безопасности и Министерстве обороны [Lambeth].

Сегодня проблема делимитации воздушно-космического пространства может привести к серьезным угрозам в вопросах обеспечения национальной и международной безопасности. «Серая зона» между «воздухом» и «космосом» – реальность, которую больше нельзя игнорировать. Мы наблюдаем рост активности в области, где оборонительные и наступательные действия находятся выше уровня сотрудничества и ниже порога вооруженного конфликта. Необходимо пересмотреть прежние подходы ввиду отсутствия четких юридических границ в совокупности с появлением частных компаний и новых технологий, которые были допущены на этот участок воздушно-космического пространства.

ВЛИЯНИЕ «ПОЧТИ КОСМИЧЕСКИХ» ТЕХНОЛОГИЙ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

На фоне такой юридической неопределенности в США развивалось космическое государственно-частное партнерство (ГЧП). Деятельность частного бизнеса, в особенности суборбитальные полеты Ричарда Брэнсона и Джеффри Безоса в 2021 году, подсветили новые вызовы. В «серую зону» между воздухом и космосом, которая долгое время находилась под контролем военных специалистов, были допущены гражданские лица. Это стало реальным благодаря возможностям, которые предоставляются частными космическими компаниями. В «Белой книге по борьбе с нетрадиционными методами ведения войны» Командования специальных операций США «серая зона» определяется как пространство конкурентных взаимодействий между государственными и негосударственными субъектами и внутри них [Бартош]. Натан Фрейер, американский аналитик, автор и популяризатор термина «гибридный конфликт», считает, что в будущем «серая зона» приобретет еще «более серые тона» из-за роста соперничества и конкуренции на этом участке коммуникационных пространств [Freier]. По его мнению, будущее Соединенных Штатов зависит именно от того, как страна сможет реагировать на асимметричные вызовы и угрозы «серой зоны».

Несмотря на внедрение термина «почти космос» (near-space), строгие границы между пространствами не были обозначены. Эндрю Недлер, американский исследователь, выступает за начало границы «почти космоса» с момента, где заканчивается «контролируемое воздушное пространство» [Knoedler]. Военное ведомство США активно следит за развитием этого участка воздушно-космической среды, что объясняется не только его военно-политическими и социально-экономическими возможностями (размещением оружия и суборбитальных технологий, обеспечением грузоперевозок), но и угрозами. Так, китайский высотный воздушный шар, который дрейфовал над США в феврале 2023 года, вызвал множество дискуссий и взаимных обвинений [Американская общественность не].

Говоря о современных воздушно-космических технологиях, нужно понимать, что их единой классификации не существует. Разработки последних лет можно условно разделить на три больших кластера, представленных ракетной техникой, авиационной

техникой и инновационными технологиями. Именно эти три группы будут влиять на события, которые затронут неопределенный участок воздушно-космического пространства. Ракетная техника демонстрирует выдающиеся возможности для суборбитальных полетов, авиационная пополняет свои ряды современными беспилотными летательными аппаратами (БПЛА), а технология блокчейн и искусственный интеллект (ИИ) заняли первые места в списке прорывных технологий. Отметим, что выделение данных групп крайне условно. Иногда сложно определить, в какой кластер должен входить тот или иной аппарат. Например, будет ли относиться беспилотный летательный аппарат с элементами блокчейн (для нивелирования киберуязвимостей) к группе авиационной техники или он все же по своим параметрам будет оказываться ближе к инновационным технологиям? Этот вопрос заслуживает отдельного исследования.

Другим перспективным направлением становятся квантовые технологии. Информация о них на сегодняшний день закрыта, а сами они находятся на этапе лабораторных исследований. Главным локомотивом их развития выступают оборонные учреждения. Так, Центр компетенции военно-воздушных сил НАТО (Joint Air Power Competence Centre - JAPCC) в своем научном издании опубликовал статью про будущее квантовых технологий [Krelina, Dúbravčík]. По мнению западных авторов, человечество из Квантовой революции 1.0 вступает в Квантовую революцию 2.0. Новая Quantum Revolution характеризуется отсутствием принципиально нового оружия и технологий. Она направлена на улучшение уже известных сенсорных, коммуникационных и вычислительных возможностей. Этот переход позволит потенциально привести к экспоненциальному ускорению вычислений, впечатляющему повышению чувствительности датчиков и беспрецедентной безопасной связи. К числу подобных разработок относятся элементы квантовой связи и новой инфраструктуры для ее распространения, квантовые технологии для сбора и обработки разведданных, различные системы зондирования и визуализации с использованием квантовых магнитных датчиков. Самое главное — все эти технологии могут быть развернуты на воздушных системах или космических активах, активно применяясь в «серой зоне».

В Космической стратегии США, опубликованной Министерством обороны в 2020 году, указывается, что космос является отдельной областью ведения боевых действий, требующей изменений в политике, стратегиях, операциях, инвестициях, возможностях и экспертных знаниях в масштабах всего предприятия в рамках новой стратегической среды [Defence Space Strategy Summary]. Не исключено, что новая стратегия будет включать новые методы действий в «серой зоне». Подтверждение этому можно найти в том числе в аналитических работах RAND, посвященных анализу действий Китая в «серых зонах» [Lin, Garafola, McClintock, Blank, Hornung, Schwindt, Moroney, Orner, Borrmann, Denton, Chambers]. В рекомендациях для правительства США указывается необходимость определения сценариев действий в «серой зоне» с ключевыми союзниками и партнерами, а Министерству обороны подчеркивается важность разработать такие планы для реагирования на ряд более эскалационных сценариев в подобных зонах.

В США в начале XXI века окончательно трансформировалось представление о космосе — пространстве, которое когда-то было исключительно сферой ответственности национальных государств, но стремительно превратилось в сложную

платформу, объединяющую государственные и частные структуры. Космос подтвердил свое критическое значение не только для военных, но и для гражданских структур. Возможности, предоставляемые космическими системами, влияют практически на все повседневные аспекты американского образа жизни. Спутники обеспечивают доступ к широкому спектру информации и предоставляют множество услуг в режиме реального времени. Эти и другие преимущества данной коммуникационной среды являются результатом более чем 60-летней работы военных и гражданских правительственных учреждений при тепер уже участии ряда коммерческих космических компаний и стартапов.

Несмотря на такую стержневую роль космоса в обеспечении национальной безопасности США, мы можем наблюдать наличие серьезных вызовов, связанных в том числе с проблемой делимитации воздушного и космического пространств. Дебаты по этому вопросу ведутся с самого начала космической эры и не имеют разрешения. Неопределенность границ между атмосферой и космосом присуща как середине XX века, так и XXI. Отечественный эксперт В.А. Веселов считает, что основная проблема заключается в «различии правового статуса двух коммуникационных пространств» [Веселов]. Из-за того, что государственный суверенитет распространяется на «воздух», но не распространяется на пространство «космоса», мы приходим к коллизии подходов в вопросах обеспечения безопасности. Выходом в данной ситуации может стать в том числе признание существования единого воздушно-космического пространства, что лишит смысла выделение любых внутренних границ.

Рассматриваемая проблема обостряется под влиянием новых гибридных аэрокосмических аппаратов, которые могут работать в обоих пространствах и перемещаться между ними. Есть основания полагать, что за счет технологического прогресса в ближайшем будущем будет проверена грань между различными правовыми режимами «космоса» и «воздуха». Это испытание будет связано не с дебатами в зале суда по поводу применимых режимов ответственности, а скорее с принятием в режиме реального времени в центре военных операций решения о том, нарушил ли аэрокосмический аппарат суверенное пространство и какая реакция должна последовать. Эти процессы потребуют новых стратегий и решений не только со стороны США, но и со стороны других стран и международного сообщества.

Список источников и литературы

Американская общественность не получает полной информации о китайском воздушном шаре // The Epoch Times. 13.02.2023. URL: <https://www.epochtimes.ru/mir/severnaya-america/amerikanskaya-obshhestvennost-ne-poluchaet-polnoj-informatsii-o-kitajskom-vozdushnom-share-171336/> (дата обращения: 11.04.2023).

Балканов И.В., Старцун В.Н. Стратегические модели поведения США несовершенны? (Разрешение загадок «серой зоны») // Вестник военного права. 2017. №4. С. 77-79.

Бартош А.А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 2. С. 6-19.

Веселов В.А. На границе двух пространств: «почти космос» и международная безопасность // Новые коммуникационные пространства. 2021. №1 (1). С. 6-14.

Грибин Н.П. «Америка прежде всего» или «Америка в одиночестве»? (о Стратегии национальной безопасности США Дональда Трампа: аналитический обзор) // Власть. 2018. №2. С. 7-19.

Day D. A. Aiming too high: the Advent military communications satellite // The Space Review. September 26, 2022. URL: <https://www.thespacereview.com/article/4455/1> (дата обращения: 03.04.2023).

Defence Space Strategy Summary. Department of Defense, United States of America. June, 2020. URL: https://media.defense.gov/2020/Jun/17/2002317391/-1/-1/1/2020_DEFENSE_SPACE_STRATEGY_SUMMARY.PDF (дата обращения: 17.03.2023).

Frier N. The Darker Shade of Gray: A New War Unlike Any Other // Center for Strategic and International Studies. July 27, 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/darker-shade-gray-new-war-unlike-any-other> (дата обращения: 01.02.2023).

Knoedler A. Lowering the High Ground: Using Near-Space Vehicles for Persistent C3ISR // Semantic Scholar. 2005. P. 103-132. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Lowering-the-High-Ground%3A-Using-Near-Space-Vehicles-Knoedler/484f388a8826f06d7b4653ce59352be83860bf91> (дата обращения: 01.02.2023).

Krelina M., Dúbravčík D. Quantum Technology for Defence: What to Expect for the Air and Space Domains // The Journal of the JAPCC. February, 2023. Edition 35. P. 39-46. URL: <https://www.japcc.org/articles/quantum-technology-for-defence/> (дата обращения: 19.04.2023).

Lambeth B. S. Mastering the Ultimate High Ground: Next Steps in Military Uses of Space // RAND Corporation. 1999. P. 37-59. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/10.7249/mr1649af.9.pdf?refreqid=excelsior%3Ae8adb901f3ad839f893f347638609774&ab_segments=&origin=&initiator=&acceptTC=1 (дата обращения: 01.04.2023).

Lin B., Garafola C. L., McClintock B., Blank J., Hornung J. W., Schwindt K., Moroney J. D. P., Orner P., Borrmann D., Denton S. W., Chambers J. A New Framework for Understanding and Countering China's Gray Zone Tactics // RAND Corporation. 2022. P. 1-8. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_briefs/RBA500/RBA594-1/RAND_RBA594-1.pdf (дата обращения: 08.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.7249/RBA594-1>

National Security Strategy. The White House. September, 2002. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

National Security Strategy. The White House. March, 2006. <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf> (дата обращения: 12.04.2023).

National Security Strategy. The White House. May, 2010. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

National Security Strategy. The White House. February, 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 11.04.2023).

National Security Strategy. The White House. December, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

National Security Strategy. The White House. October, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

Pollpeter K. PRC Spy Balloon Reveals New Arena of Strategic Competition // The Center for Naval Analyses. February, 2023. P. 1-7. URL: <https://www.cna.org/reports/2023/02/PRC-Spy-Balloon-Reveals-New-Arena-of-Strategic-Competition.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

References

Amerikanskaya obshestvennost ne poluchaet polnoy informazii o kitayskom vozdušnom share [The American public does not receive complete information about the Chinese balloon] // The Epoch Times. 13 March, 2023. URL: <https://www.epochtimes.ru/mir/severnaya-america/amerikanskaya-obshhestvennost-ne-poluchaet-polnoj-informatsii-o-kitajskom-vozdušnom-share-171336/> (accessed: 11. 04. 2023). (In Russian).

Balkanov, I.V., Starzun, V.N. Strategicheskie modeli povedeniya SCHA nesovershenni? (Rasreshenie zagadok «seroy zoni») [Are the strategic models of US behavior imperfect? (Solving the mysteries of the «gray zone»)] // Vestnik voennogo prava [Bulletin of Military Law]. 2017. № 4: P. 77–79. (In Russian).

Bartos, A.A. «Serie zoni» kak kluchevoi element sovremennogo operazionnogo prostranstva gibridnoi voyni [«Gray zones» as a key element of the modern operational space of hybrid warfare] // Voennaya misl [Military Thought]. 2021. № 2: P. 6–19. (In Russian).

Day, D. Aiming too high: the Advent military communications satellite // The Space Review. 26 September, 2022. URL: <https://www.thespacereview.com/article/4455/1> (accessed: 3. 04. 2023).

Defence Space Strategy Summary. Department of Defense, United States of America. June, 2020. URL: https://media.defense.gov/2020/Jun/17/2002317391/-1/-1/1/2020_DEFENSE_SPACE_STRATEGY_SUMMARY.PDF (accessed: 17. 03. 2023).

Frier, N. The Darker Shade of Gray: A New War Unlike Any Other // Center for Strategic and International Studies. 27 July, 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/darker-shade-gray-new-war-unlike-any-other> (accessed: 1. 02. 2023).

Gribin, N.P. «Amerika prezde vsego» ili «Amerika v odinochestve»? (O Strategii natsionalnoy bezopasnosti SCHA Donal'da Trampa: analiticheskiy obzor) [«America first» or «America alone»? (about Donald Trump's US National Security Strategy: an analytical review)] // Vlast [Power]. 2018. № 2: P. 7–19. (In Russian).

Knoedler, A. Lowering the High Ground: Using Near-Space Vehicles for Persistent C3ISR // Semantic Scholar. 2005: P. 103–132. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Lowering-the-High-Ground%3A-Using-Near-Space-Vehicles-Knoedler/484f388a8826f06d7b4653ce59352be83860bf91> (accessed: 1. 02. 2023).

Krelina, M., Dúbravčík, D. Quantum Technology for Defence: What to Expect for the Air and Space Domains // The Journal of the JAPCC. February, 2023. Edition 35: P. 39–46. URL: <https://www.japcc.org/articles/quantum-technology-for-defence/> (accessed: 19. 04. 2023).

Lambeth, B. S. Mastering the Ultimate High Ground: Next Steps in Military Uses of Space // RAND Corporation. 1999: P. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/10.7249/mr1649af.9.pdf> (accessed: 1. 04. 2023).

Lin, B., Garafola, C. L., McClintock, B., Blank, J., Hornung, J. W., Schwindt, K., Moroney, J. D. P., Orner, P., Borrman, D., Denton, S. W., Chambers, J. A New Framework for Understanding and Countering China's Gray Zone Tactics // RAND Corporation. 2022: P. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_briefs/RBA500/RBA594-1/RAND_RBA594-1.pdf (accessed: 08. 04. 2023). DOI: <https://doi.org/10.7249/RBA594-1>.

National Security Strategy. The White House. September, 2002. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed: 10. 04. 2023).

National Security Strategy. The White House. March, 2006. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf> (accessed: 12. 04. 2023).

National Security Strategy. The White House. May, 2010. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 12. 04. 2023).

National Security Strategy. The White House. February, 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 11. 04. 2023).

National Security Strategy. The White House. December, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 11. 04. 2023).

Pollpeter, K. PRC Spy Balloon Reveals New Arena of Strategic Competition // The Center for Naval Analyses. February, 2023: P. URL: <https://www.cna.org/reports/2023/02/PRC-Spy-Balloon-Reveals-New-Arena-of-Strategic-Competition.pdf> (accessed: 20. 04. 2023).

Veselov, V.A. Na granitse dvux prostranstv: «pochti kosmos» I mezhdunarodnaya bezopanost' [On the border of two spaces: «near space» and international security] // Novie kommunikazionnie prostranstva [New Communication Spaces]. 2021. № 1 (1): P. 6–14. (In Russian).

Чирко Алиса Александровна

КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК НОВАЯ СРЕДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ

Аннотация: В эпоху постмодерна коммуникативные технологии развились до уровня, который позволил практически стереть границы между частной, социальной и профессиональной жизнью граждан большинства развитых стран планеты. Изначально все международные коммуникации велись в двухмерном пространстве – на суше и в воде. Затем, благодаря развитию авиации, добавилось третье измерение – воздушное. С возникновением космической отрасли у некоторых стран появилась возможность использовать космос как для научных и коммерческих, так и для военных целей. А бурное развитие IT-индустрии открыло для человечества уже пятое по счёту измерение – киберпространство. Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие информационно-коммуникационных технологий идёт в наше время такими темпами, которые не позволяют адаптировать национальные законодательства государств и международное законодательство под эти изменения. Вместе с тем угрозы, исходящие из киберпространства, формируют новые вызовы и риски. Стоит отметить, что наступающая сейчас эпоха глобальных политических трансформаций затронула аспекты международной безопасности во всех средах – наземной, воздушной, морской и космической. Киберпространство является совершенно новой средой, где механизмы взаимодействия всех акторов ещё до конца не изучены и не сформированы, поэтому именно там уязвимости проявляются наиболее остро. В данной статье проводится авторский анализ влияния этого нового пространства на политическое взаимодействие государств, в первую очередь в области международной безопасности. С этой целью будут рассмотрены отличительные характеристики киберпространства как отдельной среды, проблемы определения цифрового суверенитета и юридического регулирования межгосударственных отношений в киберпространстве, а также основные угрозы международной безопасности, которые появились с развитием информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: киберпространство, международная информационная безопасность, цифровой суверенитет, информационно-коммуникационные технологии, киберугроза

Автор: Чирко Алиса Александровна, редактор «Российское военное обозрение», alessa548@yandex.ru

Alisa Chirko

CYBERSPACE AS A NEW ENVIRONMENT OF INTERSTATE POLITICAL INTERACTION

Abstract: In the postmodern era, communication technologies have advanced to a level that has effectively erased the boundaries between the private, social, and professional lives of citizens in most developed countries. Initially, all international communication took

place in two-dimensional environments – land and sea. Then, with the development of aviation, a third dimension was introduced: airspace. The emergence of the space industry enabled some countries to use outer space not only for scientific and commercial purposes but also for military applications. Subsequently, the rapid growth of the IT industry opened a fifth dimension for humanity: cyberspace. The relevance of this study is based on the fact that technological development has accelerated to such an extent that national and international legal systems are unable to keep pace with these transformations. Moreover, threats originating from cyberspace pose new challenges and risks to international stability. Cyberspace represents a fundamentally new environment in which the mechanisms governing the interaction of key actors and variables remain underdeveloped and poorly understood; it is therefore in this domain that vulnerabilities are most acutely manifested. This article presents the author's analysis of the impact of cyberspace on the political interactions among states, with a particular focus on international security. To this end, the study examines the defining characteristics of cyberspace as a distinct domain, the challenges of establishing digital sovereignty, the legal regulation of interstate relations in cyberspace, and the primary threats to international security arising from the proliferation of information and communication technologies.

Key words: cyberspace, international information security, digital sovereignty, information and communication technologies, cyber threat

Author: Chirko Alisa Alexandrovna, Editor «Russian military review», alessa548@yandex.ru

В июле 1982 года канадский писатель-фантаст Уильям Гибсон опубликовал в журнале *Omni* рассказ «Сожжение Хром», где впервые озвучил термин «киберпространство». С развитием глобального Интернета возникло определение киберпространства как виртуального сетевого пространства, функционирующего с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [Добринская]. Несмотря на то, что сам термин на сегодняшний день существует уже более 40 лет, единое определение этого понятия до сих пор отсутствует, по этому вопросу идут терминологические споры. В контексте международной информационной безопасности (МИБ) термин «киберпространство», как правило, используется синонимично терминам «цифровая среда», «информационная среда», «сфера ИКТ» [Крутских] и выходит за рамки чисто технической составляющей глобального информационного пространства.

КИБЕРПРОСТРАНСТВО: ОСОБЕННОСТИ СРЕДЫ

Являясь полноценной средой взаимодействия государств и других акторов международных отношений, киберпространство одновременно имеет ряд отличий и обладает присущими исключительно ему уникальными характеристиками.

Во-первых, киберпространство – это первая среда, искусственно созданная человеком [Касенова, Демидов]. В отличие от наземной, морской, воздушной и космической сред, его развитие обусловлено исключительно научно-техническим прогрессом и влиянием социально-политических и экономических процессов.

Во-вторых, субъектом в киберсреде выступает не физическое лицо, а его цифровой аналог – «цифровая личность» [Choucri]. При этом взаимодействие таких субъектов между собой по законам реального мира в киберпространстве

затруднительно, ввиду отсутствия в нем таких категорий как «юрисдикция» и «государственные границы».

Третьей особенностью является моментальная скорость распространения информации, также обусловленная отсутствием в киберпространстве географических, физических и политических барьеров.

И, наконец, четвёртой ключевой характеристикой киберпространства считается его новизна. Именно этот параметр обуславливает сложность с регулированием данной среды международными нормами – развитие киберпространства зародилось в эпоху глобального лидерства США, которые доминировали также и в этой сфере. Тогда вопрос какого-либо регулирования цифрового пространства воспринимался Вашингтоном как «авторитарный» [Кнаке].

Наиболее ярко обозначенный выше подход выражался термином «киберисключительность», который означает отрицание права государств на установление правил, регулирующих порядок в киберпространстве. Впервые этот подход был озвучен американским поэтом и киберлибертарианцем Джоном Барлоу в 1996 году в документе под названием «Декларация независимости киберпространства» [Barlow]. Автор декларации охарактеризовал новую среду как «глобальное социальное пространство, в котором нет суверенитета и авторитетов» и заявил, что в нём ни одно государство не обладает моральным правом на принуждение. Дословно его призыв к лидерам государств звучал примерно так: «От имени будущего я прошу вас, у которых всё в прошлом, – оставьте нас в покое» [Barlow].

ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ

Однако, с развитием IT-индустрии других государств и появлением в киберпространстве новых акторов, необходимость регулирования цифровой среды стала очевидной, в том числе и в США. Возникли такие понятия как «кибербезопасность» и суверенитет государства в цифровом пространстве или «цифровой суверенитет» [Ребро, Гладышева, Сучков, Сушенцов].

Ключевая проблема определения цифрового суверенитета заключается в вышеописанных характеристиках киберпространства: отсутствии географических границ и понимания, где начинается и заканчивается зона юрисдикции какого-либо государства. Это приводит к столкновению в цифровой среде многих правовых пространств одновременно.

Ещё одной проблемой является соблюдение баланса между обеспечением суверенитета и гарантией прав и безопасности всех вовлечённых сторон, а также сохранение доступности киберпространства.

В настоящее время эти проблемы всё ещё стоят перед международным сообществом. Их наличие затрудняет диалог о разработке и внедрении международно-правовых норм регулирования ответственного поведения государств и иных акторов мировой политики в киберпространстве. Тем не менее, в рекомендательной форме подобные нормы уже существуют.

Международный процесс регулирования киберпространства был запущен в 1998 году Российской Федерацией – тогда Москва представила в ООН Резолюцию 53/70 под названием «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [Достижения в сфере]. Также в 1999 году по российской инициативе была принята Резолюция ГА ООН 54/9, где была впервые сформулирована

так называемая «триада угроз» международной информационной безопасности: использование ИКТ в военно-политических, террористических и криминальных целях.

В 2004 году в рамках этого процесса заработала Группа правительственных экспертов (ГПЭ), в которую входило 15 государств. Целью работы группы было выявление и оценка угроз, поиск путей сотрудничества и укрепления информационных и телекоммуникационных систем. Особых практических результатов достигнуто не было, поскольку США и РФ разошлись во мнениях по вопросу военно-политического использования ИКТ. США и другие страны Запада категорически отказывались выделить данный аспект и настаивали на том, что главной проблемой, подлежащей регулированию, является только применение ИКТ в преступных и террористических целях.

Следующее заседание ГПЭ в 2009 году стало более успешным – по его итогам был принят доклад, в котором закреплялись такие понятия как «информационная безопасность» и «безопасность в сфере использования ИКТ».

В последующем докладе по итогам работы ГПЭ третьего созыва в 2013 году была подчёркнута необходимость совместных мер по повышению транспарентности, укреплению доверия между государствами, а также наращиванию потенциала развивающихся стран с целью преодоления цифрового разрыва.

В четвёртом созыве ГПЭ участвовали уже 20 государств. Ключевым положением доклада, принятого по его итогам летом 2015 года, стало закрепление юрисдикции государства над собственной информационно-коммуникационной структурой. Подчёркивалась обязанность участников соблюдать в цифровой среде суверенное равенство всех стран и придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Работа пятого созыва ГПЭ в 2017 году проходила на фоне ухудшения отношений России и США из-за обвинений Москвы во вмешательстве в выборы американского президента. Это обострило старые противоречия двух государств относительно военно-политического применения ИКТ. Как и прежде, Россия отстаивала принцип неприменения силы, демилитаризации киберпространства, уважения государственного суверенитета в цифровой среде и закрепления обязательных международно-правовых норм, регулирующих поведение государств в ИКТ-сфере. США и их западные союзники по-прежнему стояли на позиции имплементации норм международного гуманитарного права (МГП) к информационной среде, что фактически легализовывало военное применение ИКТ. Прийти к консенсусу в этих вопросах стороны не смогли, поэтому итоговый доклад принят на этот раз не был. Группа завершила свою работу.

В 2018 году Россия инициировала новый формат – Рабочую группу открытого состава (РГОС). Его преимуществом стало то, что в дискуссии по вопросам международной информационной безопасности смогли принять участие уже все государства-члены ООН. В этом же году США восстановили работу ГПЭ в прежнем формате, в составе 25 государств-членов. Таким образом в ООН заработали две параллельные переговорные площадки.

В 2021 году РФ и США согласовали совместную резолюцию по проблемам МИБ. Этот период на Западе окрестили «киберразрядкой» [Cyber detente] однако длился он только до весны 2022 года. После начала специальной военной операции России на территории Украины, Вашингтон разорвал все договорённости с Москвой и присоединился к франко-египетской Программе действий по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве. Россия, в свою очередь, продолжила работу в рамках РГОС [Developments].

В октябре 2022 года на площадке ГА ООН были приняты обе резолюции. Таким образом, на сегодняшний день существует два рабочих формата – российская РГОС и западная Программа действий по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве.

Стоит отметить, что переговоры и консультации по вопросам кибербезопасности проходят не только в рамках ООН, но и на площадках таких международных и региональных организаций как НАТО, ОДКБ, ОБСЕ ШОС, АСЕАН, ОЭСР, «Группа двадцати» и др. Помимо этого, существуют двусторонние соглашения государств: российско-китайские, американо-китайские, и так далее.

Следование нормам, прописанным в докладах РГОС и ГПЭ, действительно способно предотвратить или урегулировать конфликты между государствами в киберпространстве. Проблема в том, что в документах ООН они названы добровольными и не имеющими обязательной силы. Таким образом, это скорее «моральный кодекс», а не свод юридически обязывающих норм. И зачастую на практике мы можем заметить, что в случае конфронтации, государства не просто игнорируют их наличие, а наоборот – производят ровно противоположные действия.

Ярким примером является ирано-израильское противостояние и текущий российско-украинский конфликт. В обоих этих примерах аффилированные с государством хакеры целенаправленно стремились выявить и использовать уязвимости в критической инфраструктуре с целью совершения кибератаки. Так, в 2020 и 2021 годах была атакована система водоснабжения, железные дороги и система автозаправок Ирана [Шакиров], а в 2022 году украинские киберпреступники обрушили российский портал Госуслуг и сайты ряда правительственных ведомств [Чирко]. Также атакам подверглись крупнейшие сотовые операторы РФ, а правительство Украины открыто объявило кибервойну Москве.

Помимо этого, в рамках международных переговорных форматов по некоторым вопросам отсутствует консенсус между основными акторами. Примечательно, что дискуссии проходят не только между двумя традиционно соперничающими лагерями, которые возглавляют Россия и США [Международная информационная]. Появились и альтернативные форматы. Так, в 2018 году Франция инициировала Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве, который помимо 80 государств объединил ещё ряд крупных IT-корпораций, среди которых «Лаборатория Касперского», Microsoft, Google, Facebook и др. В свою очередь, в сентябре 2020 года Китай выдвинул Глобальную инициативу по безопасности данных [Global Initiative], которая основана на уважении государственного суверенитета и внимании к угрозам МИБ.

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Ещё одним аспектом, вызывающим разногласия между государствами, является вопрос применения норм международного гуманитарного права к киберпространству. Россия при поддержке ряда западных стран отстаивает полную демилитаризацию киберпространства и создание новых обязательных международных норм, регулирующих ответственное поведение государств в информационной среде. При этом страны западного лагеря во главе с США считают возможным имплементировать нормы МГП к киберпространству, тем самым допуская военное применение ИКТ. В частности, об этом прямо заявлено в «Таллинском руководстве» – документе, подготовленном группой экспертов Центра кооперативной киберзащиты НАТО (NATO CCDCOE) в Таллине в 2013 году. Например, там рекомендуется «с осторожностью»

проводить кибератаки против плотин и АЭС чтобы избежать большого числа жертв среди гражданских. Позиции о применимости норм МГП к киберпространству придерживается и Международный комитет Красного Креста [ICRC, International Humanitarian]. На практике это, в частности проявилось в создании цифровой эмблемы для веб-ресурсов медицинских учреждений с целью их защиты от хакерских атак.

Нюанс такого подхода заключается в том, что в отличие от обычной атаки кинетическим оружием, кибератака характеризуется сложностью, а зачастую и полной невозможностью атрибуции. При этом консенсуса относительно выработки чётких атрибутивных механизмов на сегодняшний день нет. Например, Россия, Китай, Индия и ещё ряд стран придерживаются подхода, при котором в случае каждого конкретного инцидента государства должны получить весомые доказательства, позволяющие установить виновника кибератаки. При этом США и их последователи продвигают концепцию так называемой коллективной атрибуции «выяви и пристыди» (name and shame), которая позволяет вынести коллективный вердикт о виновности любого государства в совершении кибератаки без предъявления конкретных доказательств и на основании этого нанести предполагаемому источнику инцидента ответный удар.

Проблема атрибуции кибератак, кроме того, приводит к неопределённости относительно того, каким может быть характер ответа на потенциальное кибервоздействие – симметричным (аналогичными киберсредствами) либо ассиметричным (применение реальных видов вооружения). Соответственно, решение об ответной атаке противоположной стороной будет приниматься исходя из неточных, а то и заведомо ложных данных о том, откуда действительно было произведено нападение.

Таким образом, помимо трёх главных угроз, исходящих из киберпространства (военно-политическое, террористическое и криминальное использование ИКТ) мы видим, как минимум три нерешённые и актуальные на сегодняшний день проблемы, а именно отсутствие универсальных юридически обязывающих правил ответственного поведения государств в киберпространстве; единого понимания применимости к киберпространству базовых документов, таких как Устав ООН и нормы международного гуманитарного права; эффективных глобальных механизмов борьбы с киберпреступностью и использованием криминальных элементов в военно-политическом противостоянии государств в цифровой среде.

При этом угрозы международной безопасности, исходящие из киберпространства, эволюционируют вместе с его развитием и с увеличением количества субъектов, взаимодействующих в цифровой среде. Всё более актуальной становится проблема военного применения технологий искусственного интеллекта, которая также не имеет единых обязательных норм международно-правового регулирования.

В современной ситуации глобальных геополитических трансформаций хаос, который сейчас наблюдается в правовом регулировании киберпространства, может иметь фатальные последствия для международной безопасности. В сложившихся условиях в интересах Российской Федерации оставаться лидером по внедрению инициатив и стимулированию процесса диалога по вопросам международно-правового регулирования цифровой среды на глобальном уровне, при этом адаптируя национальное законодательство в сфере обеспечения безопасности государства так,

чтобы имелась возможность симметричного либо ассиметричного ответа, адекватного уровню современных угроз.

Важное значение приобретают и региональные форматы сотрудничества в области МИБ в рамках ОДКБ, ШОС, БРИКС, СНГ и других организаций. Так, в ОДКБ активно развивается борьба с киберпреступностью: действует Координационный центр по вопросам реагирования на компьютерные инциденты (ККЦ ОДКБ) и проводится операция постоянного действия «ПРОКСИ» [Добринская]. При ШОС с 2006 г. действует Группа экспертов, которая разработала Соглашение между правительствами государств-членов организации о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, а в БРИКС с 2013 года организовано взаимодействие стран организации на уровне национальных групп реагирования на компьютерные инциденты (CERT).

При более благоприятной внешнеполитической обстановке на глобальном уровне эти и другие форматы сотрудничества в рамках региональных организаций помогут укрепить позицию России и поддерживающих её стран по вопросам обеспечения МИБ.

Список источников и литературы

Выступление Заместителя Генерального секретаря ОДКБ Валерия Семерикова на совещании руководителей национальных штабов государств – членов ОДКБ по проведению операции «ПРОКСИ» 13 марта 2020 года // ККЦ ОДКБ. URL: <https://kkc.odkb-csto.org/news/vystuplenie-zamestitelya-generalnogo-sekretarya-odkb-valeriya-semerikova-na-soveshchanii-rukovoditel/#loaded> (дата обращения: 16.05.2023).

Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 1. С. 52-70.

Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // UNODA. URL: <https://disarmament.unoda.org/ru/%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B2-%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D1%82/> (дата обращения: 14.07.2023).

Касенова М.Б., Демидов О.В. Кибербезопасность и управление интернетом: Документы и материалы для российских регуляторов и экспертов. М.: Статут, 2013. 463 с.

Крутских А. Тактика использования «киберудавки» стала неотъемлемым элементом западной политики санкций // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37404> (дата обращения: 14.07.2023).

Международная информационная безопасность: подходы России // МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/047/01fgupojj7ka0tw75bw19li4bmurfse/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).

Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4 (67). С. 47-67. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.4.67.6>

Чирко А. Солдаты кибервойны // Российское военное обозрение. 2022. № 216(74). URL: https://sc.mil.ru/files/morf/military/archive/rvo_2022-06.pdf (дата обращения: 16.07.2023).

Шакиров О. Кибервойны в серой зоне // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2022. № 4(75). URL: <https://dfnc.ru/security/kibervojny-v-seroj-zone/> (дата обращения: 16.07.2023).

Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // Duke Law & Technology Review. 2019. No. 5(7). P. 5-7. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 16.07.2023).

Choucri N. Cyberpolitics in International Relations. Cambridge: The MIT Press, 2012. 311 p.

Cyber detente and the Biden-Putin Summit: What this meant for cyber relations between the USA and Russia // The Digital Watch. URL: <https://dig.watch/trends/cyber-detente> (дата обращения: 16.07.2023).

Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security // UN. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3991019> (дата обращения: 14.07.2023).

Global Initiative on Data Security. Ministry of Foreign Affairs // People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1812951.shtml (дата обращения: 16.04.2023).

ICRC. International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts. Geneva, 2011 (ICRC Challenges Report 2011). P. 36–39.

Knake R.K. The Beginning of the End of the Open Internet Era // Council on Foreign Relations. 6.01.2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/2019-beginning-end-open-internet-era> (дата обращения: 16.04.2023).

References

Barlow, J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // Duke Law & Technology Review. 2019. No. 5(7): P. 5–7. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 16.07.2023).

Chirko, A. Soldaty kibervojny [Soldiers of Cyberwar] // Rossiyskoye voennoye obozrenie [Russian Military Review]. 2022. № 216(74). URL: https://sc.mil.ru/files/morf/military/archive/rvo_2022-06.pdf (accessed: 16.07.2023). (In Russian).

Choucri, N. Cyberpolitics in International Relations. Cambridge: The MIT Press, 2012: 311 p.

Cyber detente and the Biden-Putin Summit: What this meant for cyber relations between the USA and Russia // The Digital Watch. URL: <https://dig.watch/trends/cyber-detente> (accessed: 16.07.2023).

Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security // UN. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3991019> (accessed: 14.07.2023).

Dobrinskaya, D.E. Kiberprostranstvo: territoriya sovremennoy zhizni [Cyberspace: territory of modern life] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2018. № 1: P. 52–70. (In Russian).

Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsiy v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Achievements in the field of informatization and telecommunications in the context of international security] // UNODA. URL: <https://disarmament.unoda.org/ru/%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B2-%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D1%82/> (accessed: 14.07.2023). (In Russian).

Global Initiative on Data Security. Ministry of Foreign Affairs // People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1812951.shtml (accessed: 16.04.2023).

Knake, R.K. The Beginning of the End of the Open Internet Era // Council on Foreign Relations. 6 January 2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/2019-beginning-end-open-internet-era> (accessed: 16.04.2023).

Kasénova, M.B., Demidov, O.V. Kiberbezopasnost' i upravlenie internetom: Dokumenty i materialy dlya rossiyskikh regulatorov i ekspertov [Cybersecurity and Internet Governance: Documents and Materials for Russian Regulators and Experts]. Moscow: Statut, 2013: 463 p. (In Russian).

Krutzkich, A. Taktika ispol'zovaniya «kiberudavki» stala neot'emlemym elementom zapadnoy politiki sankciy [The tactic of using «cyber strangler» has become an integral element of Western sanctions policy] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37404> (accessed: 14.07.2023). (In Russian).

Mezhdunarodnaya informatsionnaya bezopasnost': podkhody Rossii [International Information Security: Russian Approaches] // MGIMO. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/047/01fgupoj7ka0tw75bw19li4bmurfse/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (accessed: 16.04.2023). (In Russian).

Rebro, O., Gladysheva, A., Suchkov, M., Sushentsov, A. Kategoriya «tsifrovogo suvereniteta» v sovremennoy mirovoy politike [The Category of «Digital Sovereignty» in Modern World Politics] // Mezhdunarodnye protsessy [International Processes]. 2021. Vol. 19. № 4(67): P. 47–67. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.4.67.6> (In Russian).

Shakirov, O. Kibervoiny v seroy zone [Cyberwars in the Gray Zone] // Novyy oboronnyy zakaz. Strategii [New Defense Order. Strategies]. 2022. № 4(75). URL: <https://dfnc.ru/security/kibervoiny-v-seroj-zone/> (accessed: 16.07.2023). (In Russian).

Vyistuplenie Zamestitelya General'nogo sekretarya ODKB Valeriya Semerikova na soveshchanii rukovoditeley natsional'nykh shtabov gosudarstv – chlenov ODKB po provedeniyu operacii «PROKSI» 13 marta 2020 goda [Speech of the Deputy Secretary General of the CSTO Valery Semerikov at the meeting of heads of national staffs of CSTO member states on the conduct of the «PROXY» operation on March 13, 2020] // KKC ODKB. URL: <https://kkc.odkb-csto.org/news/vystuplenie-zamestitelya-generalnogo-sekretarya-odkb-valeriya-semerikova-na-soveshchanii-rukovoditel/#loaded> (accessed: 16.05.2023). (In Russian).

Научное издание

Регионы и пространства: где начинаются и где заканчиваются границы.
Мировое развитие. Выпуск 25.

Под редакцией:
А.А. Давыдова
М.В. Хорольской

Материалы конференции

ISBN 978-5-9535-0644-1

9 785953 506441 >

Подписано в печать 04.12.2025
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 16 п.л., 10 а.л. Тираж 120 экз. Заказ № 15

Издательство ИМЭМО РАН
117997, Москва, Профсоюзная ул., 23